

[Polaris]

Ричард Марш

ЖУК

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХІІІ

Salamandra P.V.V.

**Ричард
Марш**

ЖУК

Том II

Перевод с английского
Е. Янко

Salamandra P.V.V.

Марш Р.

Жук. Пер. с англ. и прим. Е. Янко. Послесл. А. Шермана. Том II. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 182 с.– (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХIII).

Впервые на русском языке – один из самых известных викторианских романов ужасов и одно из центральных произведений английской готической традиции, «Жук» Ричарда Марша, история древнего фантастического существа-оборотня, ставшего кошмаром жителей Лондона. «Жук», вышедший в свет в 1897 г. одновременно с «Дракулой» Б. Стокера, в свое время был настолько популярен, что оставил далеко позади роман классика вампирского жанра и за тридцать лет выдержал 24 издания. В наши дни «Жук» – истинная энциклопедия викторианских страхов – вновь привлекает растущий интерес читателей и исследователей.

© Y. Yanko, перевод, примечания, 2017

© A. Sherman, послесловие, 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

The Beetle

A Mystery

Richard Marsh

ЖУК

Таинственная история

Книга третья

УЖАС НОЧЬЮ И ДНЕМ

Мисс Марджори Линдон
рассказывает свою историю

Глава 23

Как он ей признался

Я самая счастливая женщина на свете! Интересно, сколько женщин в свое время произносили это; однако я не лгу. Пол признался, что любит меня. Стыдно подумать, как часто я мысленно открывала ему свои чувства. Это может показаться прозаичным, но я убеждена, что сердце мое впервые дрогнуло, когда я прочитала статью в «Таймс» о его выступлении в Парламенте. Он говорил про Закон о восьмичасовом рабочем дне. Папá отозвался о нем самым нелепым образом. Назвал Пола медоточивым болтуном, невежественным агитатором, безответственным подстрекателем и дал ему еще много подобных прозвищ. Помню, как папá нервно просматривал статью, приговаривая, что читать такое даже хуже, чем слушать, а выслушал он это, Бог свидетель, с огромным трудом. Он бранился столь выразительно, что, как только он ушел, мне захотелось узнать самой, в чем было дело, и я тут же взялась за статью. Итак, я прочитала ее. Она подействовала на меня совершенно иначе. В той речи я увидела столько понимания, милосердия и сопереживания, что душа моя открылась.

После этого я читала все, что попадалось, о Поле Лессинхэме. И чем больше я узнавала, тем сильнее он меня привлекал. Но познакомились мы не сразу. Учитывая мнение папá о нем, можно было не надеяться, что он переломит себя и согласится устроить нам встречу. Одно лишь имя Лессинхэма было для него чем-то вроде красной тряпки для быка. Но наконец нам довелось увидеться. И тогда я поняла, что Пол больше, сильнее, лучше даже собственных слов. Зачастую все совсем наоборот: обыкновенно мужчины, да и женщины тоже, выставляют свои лучшие качества, так сказать, на витрину — поэтому наше знакомство стало для меня как открытием, так и поводом для восхищения.

Когда лед был сломлен, мы начали часто видеться. Не знаю, как так вышло. Мы не планировали наших встреч — поначалу, во всяком случае. Однако мы то и дело сталкивались. Без этого не проходило почти ни дня, а иногда мы встречались дважды или трижды в день. Казалось странным, как нам удавалось попадаться на глаза друг другу в самых неожиданных местах. Полагаю, тогда мы сами просто не замечали причины, но, оглядываясь назад, вижу, как мы исподволь старались где-нибудь и как-нибудь обязательно пересечься и обменяться двумя-тремя фразами. Наши постоянные встречи не могли быть случайными совпадениями.

Но мне ни разу не пришло в голову, что он в меня влюблен, — ни разу. Я даже не уверена, что все это время осознала собственные чувства. Мы крепко сдружились — оба... Я прекрасно понимала, что я его друг... что он видит во мне друга, как и сам он многократно признавался.

— Я рассказываю об этом, — повторял он, когда речь заходила о том или ином предмете, — поскольку знаю, что, беседа с вами, я говорю с другом.

Для него эти слова не были пустым звуком. Подобное можно часто услышать от разных людей — особенно мужчин; это нечто вроде формулы вежливости, которую они повторяют любой женщине, предрасположенной их слушать. Но Пол не такой. Он не бросает слов на ветер; к тому же, он совсем не дамский угодник. Я прямо говорю ему, что здесь его слабейшая сторона. Если мифы не лгут больше привычного, мало кто из политиков достиг высот без женской поддержки. Он отвечает, что политиком не является и никогда не собирался им становиться. Он лишь хочет работать на благо своей страны; если она перестанет нуждаться в его служении, то так тому и быть. У политических сторонников папá всегда какие-то тайные цели; потому сначала мне было немного странно слышать это от члена Парламента. Я всегда восхищалась подобными людьми, но, до встречи с Полом Лессинхемом, никогда таких не видела.

Мне нравилось дружить с ним. С каждым днем все больше и больше. Но пришло время, и он полностью открылся передо мной: поведал о своих чаяниях, о планах, о великих

целях, которые, если ему позволят силы и здоровье, он намерен осуществить. И, наконец, он сказал кое-что еще.

Это случилось в Вестминстере после заседания Клуба работающих женщин. Он выступил там, я тоже выступила. Не представляю, что сделал бы мой папá, узнай он об этом, однако все же выступила. Было внесено официальное предложение, и я его поддержала — сказала, наверное, сотни две слов, но и их вполне бы хватило, чтобы папá объявил меня Пропашей: папá всегда произносит такое точно с заглавной буквы. Для него женщина-оратор является порождением ужаса: я помню, как он косился на даму из Лиги подснежника¹.

Вечер выдался прекрасный. Пол предложил мне прогуляться по Вестминстер Бридж-роуд до Парламента, где обещал посадить меня в экипаж. Мы так и сделали. Было еще рано — десятый час, и улицы полнились прохожими. Говорили мы исключительно о политике. Палата общин должна была принимать поправки к Закону о сельском хозяйстве, и Пол не сомневался, что это тот случай, когда государство одной рукой дает, а другой отнимает. Пока что поправки только разрабатывались в комитете, но некоторые из них уже находились под угрозой, те самые, без которых землевладелец обрел бы дополнительную власть над арендатором. Немалое количество, нужно сказать, довольно радикальных предложений вносил именно мой папá. Пол подчеркнул, что будет противостоять им всеми силами, и тут, совершенно неожиданно, осекся.

— Иногда я спрашиваю себя, что вы действительно думаете по этому поводу.

— Какому поводу?

— По поводу расхождения взглядов, политических, у вашего отца и меня. Я знаю, что мистер Линдон считает мои действия личным оскорблением и страстно негодует из-за них, и невольно задумываюсь, не разделяете ли вы по крайней мере часть его чувств.

¹ Лига подснежника — британская консервативная организация, основанная в 1883 году.

— Я уже объясняла, что отделяю папá-политика от папá-семьянина.

— Вы его дочь.

— Безусловно; но вы сами вправду предпочли бы, чтобы я поддерживала его политические взгляды, даже если считаю их ошибочными?

— Вы его любите.

— Конечно, люблю... он лучший из отцов.

— Ваше отступничество будет для него горьким разочарованием.

Я украдкой взглянула на Пола. Мне хотелось знать, о чем он сейчас думает. Вопрос моих отношений с папá был из тех, которые мы, не сговариваясь, считали запретными.

— Я не совсем уверена в этом. Меня терзают подозрения, что папá не имеет политических взглядов.

— Мисс Линдон! Полагаю, я могу доказать вам обратное.

— По-моему, реши папá опять жениться, скажем, на нашей домоправительнице, в течение трех недель ее убеждения станут его убеждениями.

Пол немного подумал, прежде чем заговорить вновь:

— Да, иногда мужчины действительно меняют шкуру, — он улыбнулся, — дабы ублажить своих жен, даже если речь идет о политике.

— Взгляды папá — это взгляды тех, с кем он проводит время. Настоящая причина, по которой он примкнул к тори самого консервативного толка, в его боязни, что если он поведется с кем-то еще, например, с радикалами, то сам не заметит, как станет радикалом. Для него связи синонимичны логике.

Пол расхохотался. Мы успели подойти к Вестминстерскому мосту и теперь стояли на нем и смотрели на реку. Воды таинственно мерцали, отражая длинную цепочку фонарей; буксир тянул за собой несколько барж. На мгновение воцарилась тишина. Затем Пол вернулся к сказанному:

— А вы... вы думаете, что брак перекрасит и ваши убеждения?

— А ваши?

— В зависимости от обстоятельств. — Он умолк. Потом продолжил — с теми интонациями, которые я научилась распознавать как самые искренние и серьезные: — Это будет зависеть от того, согласитесь ли вы стать моей женой.

Я не ответила. Это произошло так неожиданно, что я потеряла дар речи. Я не знала, как его понимать. Все вокруг закружилось. Он опять спросил, на сей раз коротко:

— Так что?

Голос — пусть сбивчивый — вернулся ко мне:

— Так?... что?

Он придвинулся чуть ближе.

— Вы выйдете за меня?

Голос, почти окрепший, пропал вновь. На глазах выступили слезы. Я задрожала. Никогда не думала, что могу так глупо себя вести. Из-за облаков выглянула луна, посеребрив водную зыбь. Пол заговорил очень тихо, едва слышно:

— Вы ведь знаете — я люблю вас.

Тогда я и поняла, что тоже люблю его. То, что ранее виделось мне дружескими чувствами, оказалось совсем иным. С моих глаз будто сорвали пелену, открыв изумительный мир. Язык мой отнялся. Пол неправильно истолковал мое молчание.

— Я вас оскорбил?

— Нет.

По-моему, он заметил, как дрожит мой голос, и понял все верно, ибо тоже умолк. Вскоре его рука скользнула по перилам, легла на мою и крепко сжала ее.

Вот так все случилось. Мы говорили что-то еще, но это было уже не столь важно, хотя, кажется, и длилось довольно долго. Могу признаться честно: сердце мое переполнилось чувствами, мешавшими словам; я онемела от величайшего счастья. По-моему, с Полом творилось то же самое. Он сказал мне это при расставании.

Кажется, прошло всего мгновение, но вдруг Пол вздрогнул. Оглянувшись, он посмотрел на Биг-Бен.

— Полночь!.. Мне нужно было в Парламент!.. Как так?!

Однако он действительно опоздал. Мы простояли на мосту два часа, а не десять минут, как нам почудилось. Мне и в

голову не приходило, что время может бежать так незаметно. Пол выглядел совершенно ошеломленным. Его терзала совесть законодателя. Он попросил прощения — как умел он один.

— К счастью, иногда мои дела в Палате бывают менее важны, чем дела вне ее.

Он взял меня под руку. Мы стояли лицом друг к другу.

— Итак, для вас это дело!

Он рассмеялся.

Он не только остановил кэб, но доехал со мной до моего дома. В экипаже он поцеловал меня. По-моему, в ту ночь я была немного не в себе. Наверное, у меня сдали нервы — после того, как он меня поцеловал, я сделала нечто мне несвойственное. У меня свои нормы поведения, и это абсолютно в них не вписывалось: я повела себя как расчувствовавшаяся девчонка. Расплакалась. И, провожая меня до двери, Пол все время меня утешал.

Мне остается лишь надеяться, что, учитывая необычность происшествия, он все-таки меня простил.

Глава 24

Женский взгляд

Сидней Атертон просил моей руки. Это не только досадно; хуже, это нелепо.

Все из-за того, что Пол предпочитает держать нашу с ним помолвку в тайне. Он опасается папá: не то чтобы всерьез, но полагает, что надо повременить. Атмосфера в Парламенте наэлектризована до предела. Все горой стоят за свои фракции. Эти поправки к Закону о сельском хозяйстве заставили всю Палату самозабвенно отстаивать партийное мнение. Давление на Пола огромно. Я начинаю по-настоящему беспокоиться. С недавних пор я то и дело замечаю разные мелочи в его поведении, доказывающие, что он переутомился. Подозреваю, что он не спит по ночам. Объем работы, обрушившийся на него, не под силу ни одному человеку, кем бы он ни был. Пол сам повторяет, с каким нетерпением ждет окончания парламентской сессии. Я с ним согласна.

Он настаивает на том, что нам надо молчать о помолвке, пока продолжается сессия. Это вполне разумно. Папá, конечно, станет рвать и метать; в последнее время он взрывается от одного только упоминания имени Пола. Когда все откроется, он сойдет с ума — я это ясно предвижу. Судя по последним нашим стычкам, можно ожидать худшего. Он способен закатить сцену прямо в здании Парламента. Как говорит Пол, последняя капля переполняет чашу. Ему будет проще противостоять необузданной ярости папá, когда Палата разойдется на каникулы.

Потому с новостью следует немного подождать. Безусловно, Пол прав. Его желание совпадает с моим. Однако для меня все не так просто, как ему может показаться. Атмосфера дома накалена не меньше, чем в Парламенте. Папá напоминает на терьера, учуявшего крысу: он постоянно настороже. Мне не запрещено разговаривать с Полом — у папá куда не хватает храбрости дойти до такого, но он не пе-

рестает язвительно намекать, что кое-кто якшается с «политическими авантюристами», «хваткими выскочками» и «радикальным отребьем». Иногда я пытаюсь защищаться, но это неизменно вызывает бурю, отчего я опять как можно быстрее затихаю. Итак, как правило, я страдаю молча.

Тем не менее, я всем сердцем желаю, чтобы все поскорее осталось позади. Ни у кого не должно возникнуть мысли, что мне стыдно зваться невестой Пола, — особенно у папá. Напротив, я действительно горжусь этим, как женщина. Временами, когда Пол говорит и делает что-то необычайно хорошее, я боюсь, что выдам свою гордость: я на самом деле с трудом сдерживаюсь. Я должна радоваться, что мне выпало такое испытание с папá: всегда и везде мне следует проявлять кротость, как бы резок он со мной ни был. В глубине души папá понимает, что я ранимее, чем он; после горячего столкновения он должен особенно остро ощущать это. Я знаю своего папá! Не зря же я столько лет являюсь его дочерью. Я чувствую себя отважным солдатом, который рвется в открытый бой с противником, но вынужден подчиняться приказу и пережидать в засаде, пока в него стреляют.

Как следствие, Сидней взял и предложил мне выйти за него замуж — ну почему именно он?! Это же смешно. Самое поразительное, он был вполне серьезен. Я уже не помню, сколько раз он поверял мне свои страдания, кои претерпевал из-за любви к другим женщинам, — и, должна сказать, некоторые из тех дам считались добропорядочными женами; но впервые в жизни он заговорил о чувствах ко мне, поведав о них со всей страстностью, ему свойственной, а я, желая его успокоить, рассказала о Поле: в той ситуации я почувствовала, что имею право ему открыться. Он же обратил все в мелодраму, делая какие-то странные намеки неизвестно на что, — я чуть на него не разозлилась.

Чудной он человек, этот Сидней Атертон. Наверное, я так к нему строга, потому что знаю его с самого детства и всегда, если возникала такая необходимость, доверялась ему, словно родному брату. В некоторых отношениях он гениален, но иногда... нет, не стану записывать его в болваны,

ибо он не таков, хотя частенько совершает разные ужасающие глупости. Все только и говорят о его изобретениях, хотя не знают о половине из них. Чего только в нем не намешано! Большинство было бы счастливо трубить на улицах о вещах, которые он держит в глубокой тайне, тогда как о том, о чем у остальных рот на замке, он сообщает всем и каждому. Один очень знаменитый человек как-то сказал мне, что если бы мистер Атертон остановился на какой-то одной сфере деятельности, посвятив себя конкретной научной отрасли, слава его еще при жизни была бы всемирной. Но заниматься чем-то одним не в характере Сиднея. Он, как пчелка, перелетает с цветка на цветок.

Однако его любовь ко мне выглядит нелепо. Он глубоко заблуждается. Не представляю, как ему это вообще в голову взбрело. Вероятно, его обвела вокруг пальца какая-нибудь девчонка — или ему так показалось. Та, на ком он действительно должен жениться и в конце концов женится, это Дора Грейлинг. Она юна, очаровательна, невероятно богата и по уши в него влюблена; было бы этой влюбленности поменьше, он сам бы в нее по уши втрескался. Кажется, до этого ему остался один шаг: иногда он ей так откровенно грубит. Очень похоже на Сиднея: он всегда груб с теми, кто ему по-настоящему нравится. Что касается Доры, по-моему, она только о нем и мечтает. Он высокий, подтянутый, очень привлекательный, с большими усами и невероятными глазами: похоже, Дору в первую очередь приворожили именно эти глаза. Я слышала, как люди поговаривают, что Сидней обладает сильными гипнотическими способностями; если бы он начал их развивать, то стал бы опасен для общества. Не исключаю, что он загипнотизировал Дору.

Он такой прекрасный брат. Я столько раз обращалась к нему за помощью — и получала отличные советы. Уверена, что по-прежнему буду с ним совещаться. Есть вещи, о которых с Полом вряд ли осмелишься заговорить. Он человек великий и едва ли снизойдет до дамских дел. А вот Сидней может поговорить об этом — и говорит. Когда он в настроении обсудить животрепещущий вопрос украшений, ра-

зумнее советчика не найти. Я уже намекала ему, что возжелай он стать модистом, его ждала бы блистательная карьера. В этом я не сомневаюсь.

Глава 25

Человек на улице

Этим утром меня ожидало приключение.

Я была в столовой. Папá, как обычно, опаздывал, и я раздумывала, не приступить ли к завтраку без него, как вдруг, бросив случайный взгляд в сторону, заинтересовалась происходящим на улице. Я подошла поближе к окну посмотреть, что случилось. Посреди дороги столпились люди и внимательно разглядывали что-то, вероятно, лежащее на земле. Мне не было видно, что это.

В комнате как раз находился дворецкий. Я заговорила с ним:

— Питер, что там такое снаружи? Пойди и узнай.

Он вышел и вскоре вернулся. Питер отличный слуга, но его манера сообщать даже о самых обыкновенных происшествиях несколько велеречива. Будь он министром, то с легкостью справлялся бы с Временем вопросов¹: он умеет облекать незначительнейшие события в очень громкие слова.

— Некая неудачливая личность, по всей видимости, пала жертвой несчастливого стечения обстоятельств. Зеваки утверждают, что сей человек мертв. Констебль, в свою очередь, уверяет, что тот просто пьян.

— Пьян?.. мертв? Ты говоришь, что он мертвецки пьян?.. в такую рань!

— Либо то, либо другое. Мне не удалось посмотреть на этого типа лично. Источник моих сведений — очевидец.

Этого мне было недостаточно. Я не смогла совладать с, кажется, беспричинным приливом любопытства и, в чем была, отправилась на улицу лично выяснить, что там стряслось. Наверное, это был не самый разумный поступок в моей

¹ Время вопросов — правительственный час в парламенте Великобритании, когда на заседании член кабинета министров отвечает на вопросы обеих палат парламента.

жизни — папá пришел бы от него в ужас, однако я всегда изумляю папá. Ночью прошел дождь, а туфли, которые были на мне, не совсем подходили для топтания в грязи.

Я добралась до места.

— Что случилось? — спросила я.

Рабочий с мешком инструментов на плече ответил:

— Человеку плохо. Полицейский думает, он напился, но я-то вижу, что дела гораздо хуже.

— Не могли бы вы меня пропустить?

Собравшиеся вежливо расступились перед женщиной и позволили мне пройти в самый центр толпы.

В жидкой грязи на дороге навзничь лежал человек. Он так сильно испачкался, что поначалу было сложно определить, мужчина ли это. Он был без шляпы и босиком. Тело его частично скрывал длинный изорванный плащ. Без сомнения, эта изношенная, измаранная и отсыревшая тряпка являлась единственным его одеянием. Верзила-констебль придерживал его за плечи и смотрел так, словно не знал, что с ним следует делать. По-моему, он никак не мог понять, притворяется бедолага или нет.

Он говорил с ним, как с умственно отсталым ребенком:

— Давай, парень, так не пойдет!.. Просыпайся!.. Что с тобой?

Но тот все никак не мог прийти в себя и объяснить. Я взяла беднягу за руку — ледяную. У него, кажется, не было пульса. На простое опьянение это ничуть не походило.

— С ним что-то серьезное, офицер. Нужно немедленно оказать медицинскую помощь.

— Думаете, у него припадок, мисс?

— Врач сможет сказать вам это точнее, чем я. Я никак не прощупаю пульс. Не удивлюсь, если выяснится, что он...

С моих губ едва не сорвалось слово «мертв», когда незнакомец спас меня от прилюдной демонстрации моего невежества, высвободив свое запястье и усевшись в липкой жиже. Он вытянул перед собой руки, открыл глаза и прокричал громким, но ужасно хриплым голосом, как будто у него сильно болело горло:

— Пол Лессинхэм!

Я так сильно удивилась, что ноги подкосились и я опустилась в грязь. Я подумать не могла, что имя Пола — моего Пола! — слетит с губ подобного типа, да еще в такой ситуации. Стоило ему произнести это имя, как глаза его опять закрылись, он начал клониться назад и, по-видимому, потерял сознание; констебль вовремя успел схватить его за плечо, не дав удариться головой о землю.

Потом полицейский потряс его тело — без излишней нежности.

— Ну, парень, теперь понятно, что ты жив!.. Что все это значит?.. Да шевелись ты!

Оглянувшись, я обнаружила Питера у себя за спиной. Его, вероятно, потрясло необычное поведение хозяйки и он последовал за ней, желая оградить от неприятных неожиданностей. Я обратилась к нему:

— Питер, пошли кого-нибудь за доктором Коутсом, немедленно!

Доктор Коутс живет прямо за углом, а так как пробуждение пострадавшего заставило констебля сомневаться, впрямь ли случай столь серьезен, я подумала, что было бы неплохо без задержек выслушать профессиональное мнение о состоянии незнакомца.

Питер только собрался уходить, когда человек на дороге вновь пришел в сознание — то есть очнулся, ибо я была совсем не уверена, осознает ли он, что творится вокруг. Все было как в прошлый раз: незнакомец сел, вытянул вперед руки, неестественно широко распахнул глаза — по-прежнему казавшиеся незрячими! — по его телу пробежала судорога, и он истошно закричал, как может кричать человек перед лицом смертельного ужаса:

— Берегись, Пол Лессинхэм, берегись!

Этот вопль заставил меня собраться с духом. Здесь крылась какая-то тайна, и мне было необходимо сорвать с нее покров. Дважды произнес он имя Пола — и сделал это самым необычным образом! Я была обязана докопаться до сути, узнать, что связывает это безжизненное создание и Пола Лессинхэма. Должно быть, сама Судьба привела его к моему порогу, дабы я приняла нежданного гостя. Решение

пришло мгновенно.

— Питер, поспеши за доктором Коутсом. — Питер передал распоряжение лакею, и тот со всех ног бросился исполнять его. — Офицер, я хочу, чтобы этого человека перенесли в дом моего отца... Не может ли кто-нибудь здесь помочь мне?

Желающих нашлось предостаточно. В холле я обратилась к Питеру:

— Папá уже спустился?

— Мистер Линдон просил передать, что вам лучше садиться за стол без него. Он приказал принести поднос с завтраком к нему наверх.

— Хорошо. — Я кивком указала на несчастного, которого в ту минуту вносили в дом. — Ничего не говорите ему об этом человеке, если он не спросит о нем сам. Ясно?

Питер поклонился. Он всегда — воплощенная деликатность. Ему известны мои причуды, и не его вина, если порой кое-какие рассказы о них доходят и до папá.

Врач пришел едва ли не сразу: незнакомца только успели уложить.

— Его бы помыть, — заметил доктор, стоило ему бросить взгляд на больного.

Это, конечно, было справедливо: никогда в жизни я не видела человека, столь остро нуждавшегося в воде и мыле. Затем Коутс приступил к обычному медицинскому осмотру; я не отходила от него ни на шаг. Насколько я поняла, пациент не подавал признаков жизни.

— Он умер?

— Скоро умрет, если его не покормят. Парень наголодался.

Врач спросил полицейского, известно ли что-либо об этом человеке.

Благоразумный констебль сумел уклониться от внятного ответа. Новость о том, что на улице лежит мертвец, с криком принес какой-то мальчишка. Полицейский последовал за ним и обнаружил незнакомца. Больше он ничего добавить не мог.

— Что с ним? — спросила я врача, когда констебль ушел.

— Понятия не имею... Может, каталепсия, а может, нет...
Задайте этот вопрос позже, когда я сам разберусь.

Доктор Коутс всегда был немного резок — особенно, полагаю, когда говорил со мной. Помню, как-то он пообещал надрать мне уши. Когда я была маленькой, я считала это нормальным.

Поняв, что молчаливый гость ничего мне не расскажет и своих загадочных намеков на Пола не прояснит, я поднялась на второй этаж. Папá сразу сообщил мне, что страдает от сильнейшего приступа подагры. Однако он успел — с немалым удовольствием — поглотить изрядный завтрак, тогда как я все еще ходила натошак и посему выразила надежду, что болезнь не так серьезна, как ему кажется.

Я промолчала о том, кого нашла на улице, — иначе подагра папá не преминула бы усугубиться. Когда он в таком настроении, ее усиливает любой пустяк.

Глава 26

Отцовское «нет»

Пол потряс Палату общин одной из величайших своих речей, а я поссорилась с папá. К тому же едва не поругалась с Сиднеем.

Но последнее — пустяки. Он все еще не перестал думать, что влюблен в меня, — будто бы со вчерашнего вечера, когда он, по его выражению, «предложил мне руку и сердце», у него не было времени разлюбить и опять полюбить полдюжины раз; в силу этого заблуждения, он, кажется, считает себя вправе дуться и негодовать. Но я внимания не обращаю: когда Сидней разобижен, он не менее мил, чем обычно; мне, однако, не по нраву, что он начинает метать ядовитые дротики в Пола. Если он воображает, что его слова или намеки хотя бы на гран ухудшат мое отношение к Полу Лессинхэму, он еще глупее, чем я предполагала. Кстати, сегодня вечером Перси Вудвилль предложил мне стать его женой — и это тоже мелочь; он уже три года пытается просить моей руки — что, в данных обстоятельствах, немного меня раздражает, но он все равно не станет плевать ядом просто потому, что я предпочла другого, — а ведь Вудвилль, кажется, в самом деле меня любит.

Вот с папá все серьезно. Мы впервые скрестили шпаги — и на сей раз, полагаю, без жертв не обойтись. Утром он кое-что сказал — не мне, а в мою сторону. Упомянул, что вечером Пол будет выступать — будто я того не знаю! — и позволил себе обрушить на него множество проклятий, которые он, в описываемом случае, не считает недостойными джентльмена. Не знаю — хотя нет, прекрасно знаю — что бы он подумал, доведись ему услышать из чужих уст, в присутствии дамы, эти самые обычные для него ругательства. Тем не менее, я промолчала. У меня были основания пропустить эту ерунду мимо ушей.

Однако сегодня вечером все усложнилось.

Я, конечно, отправилась слушать речь Пола — и это было далеко не впервые. После заседания Пол пришел за мной и вывел из ложи. Он был вынужден на минутку отойти, чтобы дать кому-то поручение, а в вестибюле как раз оказался Сидней — весь такой ухмыляющийся! Я могла бы его уязвить. Но только я собралась вставить в разговор очередную шпильку, вернулся Пол — и, кто бы сомневался, Сидней ему нагрубил. Не знаю, что чувствовал мистер Атертон, но мне было очень за него стыдно. И будто после того, как Пол вновь прославил нашу отчизну, оскорблений этого хлыща оказалось мало — явился папá. Он всеми силами пытался увести меня от Пола. Интересно, как бы ему это удалось. Разумеется, я пошла с Полом к карете, оставив папá решать самому, поедет он со мной или нет. Он не двинулся с места и все-таки ухитрился добраться до дома всего на три минуты позже меня.

Затем грянул бой.

Невозможно рассказать, каков мой папá в гневе. Наверняка кому-то удастся в приступе ярости сохранять лицо, но папá точно не из этих людей. Он неустанно твердит о величии и аристократичности Линдонов, однако сложно представить кого-то менее благородного, чем глава нашего семейства в минуты горячности. Не буду пытаться передать, как он выражался, но все его замечания по большей части были оскорблениями в адрес Пола, прославлением Линдонов и приказаниями мне.

— Я запрещаю... запрещаю тебе... — Когда папá старается выглядеть убедительным, он повторяет собственные слова три, а то и четыре раза подряд; затрудняюсь сказать, вправду ли он верит, что повторение — мать уверения; если так, он заблуждается. — Я запрещаю тебе когда-либо говорить с этим... этим... этим...

Тут посыпались ругательства.

Я молчала.

Настал мой черед сохранять спокойствие. Мне хочется верить, что, возможно, за исключением некоторой бледности и безмерной жалости к невыдержанности отца, я оставалась такой же, как всегда.

— Слышишь меня?.. слышишь, что я тебе говорю?.. слышишь меня, девчонка?

— Да, папá, я слышу вас.

— Тогда... тогда... тогда пообещай мне!.. пообещай, что сделаешь все, как я приказываю!.. и помни, голубушка, не обещаешь — из комнаты не выйдешь!

— Милый мой папá, вы хотите, чтобы я провела остаток своих дней в гостиной?

— Не упрямся!.. не... не... не смей так со мной разговаривать! Я... я... я этого не потерплю!

— Вот что я вам, папá, скажу: если не перестанете волноваться, опять сляжете с подагрой.

— К дьяволу подагру!

Это было самым здравым его высказыванием; если такую дрянь, как этот недуг, можно послать ко всем чертям одним только громким его поношением, пусть так и будет. Папá вновь понесло:

— Этот тип чудовищен, отвратителен... — и все в том же духе. — Нет более коварного побродяжки... — и так далее. — И я приказываю тебе... я — Линдон, и я приказываю тебе! Я твой отец, и я приказываю тебе!.. Я приказываю тебе никогда не разговаривать с... с таким... — чередá беспомощных повторов, — опять, и... и... и я приказываю тебе даже не смотреть в его сторону!

— Послушайте, папá. Я пообещаю вам больше не разговаривать с Полом Лессинхэмом, если вы пообещаете мне больше не разговаривать с лордом Кантислевером... или не здороваться с ним, случись вам встретиться на улице.

Видели бы вы, как тут вспыхнул папá. Лорд Кантислевер — глава его партии. Ее августейший и, по-моему, наипочитаемейший вождь. Самый настоящий кумир моего папá. Не знаю, ставит ли он его на одну ступень с ангелами небесными, но если нет, то вряд ли намного ниже. Мое предложение прозвучало для него не менее возмутительно, чем его — для меня. Но, к несчастью, папá способен видеть только одну сторону вопроса — его собственную.

— Ты... ты смеешь сравнивать лорда Кантислевера с этим... этим... этим!..

— Я их не сравниваю. Даже не уверена, имею ли я что-то против лорда Кантилевера, то есть против него как человека. Но, конечно, у меня и мысли не было поставить в один ряд личность его масштаба с кем-то по-настоящему талантливым, таким, как Пол Лессинхэм. Это стало бы чересчур суровым испытанием для его светлости.

Я не смогла сдержаться — но оно того стоило. Весь остаток разговора папá невнятно чертыхался. Как это было печально.

Он изливал чаши гнева на Пола — отчего казался таким до боли жалким. Он грозил мне всяческими пытками и карами, заставляя немедленно пообещать держаться подальше от мистера Лессинхэма; конечно, он ничего от меня не добился. В отчаянии он поклялся отречься от меня — и далеко не только это. Какими обидными словами он называл меня — меня, своего единственного ребенка! Говорил, что по мне тюрьма плачет; не уверена, не думал ли он при этом о виселице. Наконец, с бурным потоком проклятий, он выгнал меня прочь из комнаты.

Глава 27

Ужас в ночи

Покинув папá — точнее, когда папá прогнал меня, — я напрямик направилась к бедолаге, подобранному мной на улице. Был поздний час, я устала и разволновалась, поэтому решила просто узнать, как он себя чувствует. Некоторым образом он казался мне звеном цепочки, связывающей меня с Полом, а в ту минуту такие связи были особенно дороги моему сердцу; потому я не могла пойти спать, его не проведая.

У двери меня встретила сиделка.

— Ну что, сестра, как там пациент?

Я довольно часто обращалась за услугами к этой пухлой, по-матерински заботливой женщине, и она уже не раз приглядывала за моими странными протезе. Она всплеснула руками.

— Сложно сказать. При мне он даже не шевельнулся.

— Совсем?.. Он все еще без сознания?

— По-моему, это что-то вроде транса: будто бы не дышит, пульс не могу прощупать, но доктор говорит, он жив. Ни с чем настолько странным я еще не сталкивалась.

Я прошла вглубь комнаты. Стоило мне это сделать, как человек в постели подал признаки жизни — вполне определенные. Сиделка поспешила к нему.

— Надо же, — воскликнула она, — шевелится!.. Наверное, услышал, как вы вошли!

Это не было пустым предположением: не исключая, что действительно очнулся он именно поэтому. Я приблизилась к кровати, а он сел, совсем как утром на улице, и громко обратился к кому-то, словно представшему перед ним. Невозможно описать почти нечеловеческую муку в его голосе:

— Пол Лессинхэм!.. Берегись!.. Жук!

Понятия не имею, что все это означало. Невероятное воздействие его слов на мои нервы я могу объяснить по большей части тем, что этот крик звучал точно в бреду. Лишь только незнакомец умолк, душа моя исполнилась слепого ужаса. У меня внезапно задрожали колени. Мне почудилось, что где-то рядом притаилось невидимое, но страшнейшее зло.

А больной, договорив, как и утром, сразу впал в состояние оцепенения. Об этом мне сообщила склонившаяся над ним сиделка:

— Опять потерял сознание!.. Чудеса, да и только!.. По моему, это не шутки. — По голосу сиделки было ясно, что она разделяет точку зрения, высказанную ранее констеблем: — Сердце не бьется. Посмотришь на него, решишь, что умер. Уверена лишь в одном, что-то с этим парнем нечисто. Не доводилось пока мне слышать, чтоб недуг такое с человеком творил.

Подняв взгляд, она увидела, как странно изменилось мое лицо, и это ее напугало:

— Ох, мисс Марджори, что такое!.. Вам плохо?!

Мне нездоровилось — даже хуже, но в то же время я не могла описать ей свое состояние. По какой-то необъяснимой причине язык меня не слушался:

— Я... я... я не очень хорошо себя чувствую, сестра, — заикалась я. — Мне... мне... мне, наверное, лучше пойти прилечь.

Говоря это, я заковыляла к двери, понимая, что сиделка не спускает с меня распахнутых от удивления глаз. Я вышла в коридор, и мне, сама не знаю отчего, показалось, что со мной комнату покинуло нечто; и теперь мы, *она* и я, вместе стояли у порога. Это осознание *его* непосредственной близости так ошеломило, что я невольно вжалась в стену, словно ожидая удара.

Не помню, как мне удалось добраться до своей спальни. Там меня встретила Фаншетта.

На секунду ее присутствие принесло мне облегчение, пока я не поняла, с каким изумлением она на меня смотрит:

— Мадмуазель плохо себя чувствует?

— Нет, Фаншетта, я... я просто устала. Я разденусь сама, а ты можешь идти спать.

— Но если мадмуазель так утомлена, почему она не решает ей помочь?

Это прозвучало достаточно разумно — и с искренней заботой; вдобавок, надо заметить, что у Фаншетты было не меньше причин для усталости, чем у меня. Я замешкалась. Как мне хотелось броситься ей на шею и умолять не оставлять меня в одиночестве, однако, признаюсь честно, я устыдилась своего порыва. В глубине души я была убеждена, что внезапно овладевший мной страх совершенно беспричинен, и мне не хотелось выглядеть малодушной в глазах собственной горничной. Пока я медлила, в воздухе рядом со мной будто бы что-то пролетело, легко коснувшись моей щеки. Я схватила девушку за руку.

— Фаншетта!.. В комнате кто-то есть?

— Кто здесь может быть, мадмуазель?.. Что мадмуазель увидела?

Она встревожилась; впрочем, это было простительно. Фаншетта не отличается решительностью и вряд ли может при необходимости стать надежной подмогой. Если мне было суждено делать в тот вечер глупости, то я предпочла бы совершать их без зрителей. Итак, я отпустила ее:

— Ты меня не слышала? Я разденусь сама... иди спать.

Она ушла — довольно охотно.

Стоило ей покинуть комнату, как я тут же пожалела, что она не вернется. Мной овладел такой приступ страха, что я застыла на месте, не в силах двинуться, и только это ощущение не давало мне беспомощно рухнуть на пол. До той поры я не подозревала в себе подобной трусости. Более того, не знала, что у меня вообще имеются «нервы». Никогда в жизни я не походила на тех, кто боится любой тени. Я подумала, что все это полнейшая глупость и наутро я сама устыжусь своего поведения. «Не желаешь считать себя жалкой дурочкой, Марджори Линдон, тогда найди в себе смелость прогнать эти нелепые страхи». Но это не помогло. Страхи не исчезли, они сгустились. Я прониклась убежде-

нием — даже не могу описать этот ужас словами! — что в комнате вместе со мной есть еще кто-то, невидимый и пугающий, и в любую минуту он может явить себя предо мной. Мне пришло на ум — какая это была мука! — что одно и то же существо преследует и меня, и Пола. Что мы с Полом связаны узами страха — обоюдного, всепоглощающего. Что угроза, нависшая надо мной, нависла и над Полом, а я была неспособна и пальцем двинуть, чтобы помочь ему. Мне вдруг померещилось, будто бы я перенеслась из своей комнаты в его дом — и там он, скорчившись на полу и закрыв лицо руками, кричит от ужаса. Эта сцена вновь и вновь вставала перед глазами настолько ясно, что я не находила ей объяснения. В конце концов я обезумела от ее кошмарности и реалистичности. «Пол! Пол!» — закричала я. Мой вопль заставил видение растаять. Я поняла, что, конечно же, нахожусь в собственной спальне, ярко сияют лампы и я еще не начинала раздеваться. «Неужели я схожу с ума?» — пронеслось в голове. Я слышала, что безумие способно принимать самые невероятные формы, однако понятия не имела, что именно могло размягчить мой мозг. Безусловно, такие вещи не появляются из ниоткуда — да еще так неожиданно! — без малейшего предупреждения, а в том, что еще несколько минут назад я была в здравом уме, сомневаться не приходилось. Если и случилось нечто настораживающее, то оно было связано с патетическим предостережением незнакомца, упавшего на улице: «Пол Лессингэм!.. Берегись!.. Жук!»

Крик звенел в моих ушах... Что он значил?.. За моей спиной раздалось жужжание. Я повернулась посмотреть, откуда оно исходит. Звук следовал за моими движениями, постоянно оказываясь позади. Я быстро обернулась. Источник звука по-прежнему ускользал, оставаясь вне поля зрения.

Я замерла и прислушалась: что же такое столь упорно держится за моей спиной?

Явственно слышалось жужжание. Оно походило на пчелиное. Или... это был жук?

Всю жизнь я терпеть не могла жуков — любых. Меня не пугали крысы или мыши, коровы или быки, змеи, пауки,

жабы, ящерицы — ни одно из множества разнообразных созданий, живых или неживых, к которым многие люди питают глубоко укоренившуюся и совершенно необоснованную неприязнь. Главный — и единственный — страх я испытывала перед жуками и тараканами. Стоило мне заподозрить, что где-то рядом безобидный и, как мне говорили, полезный таракан, как мне становилось по-настоящему не по себе. Сам факт, что со мной в спальне находится большой крылатый жук — летающий жук, мой кошмар из кошмаров! — неизвестно как сюда попавший, казался непереносимым. Всякий, кто увидел бы меня в ту минуту, конечно, подумал бы, что я умом тронулась. Я поворачивалась, озиравлась, прыгала из стороны в сторону, изгибалась как только могла, лишь бы хоть краем глаза увидеть незваного гостя, но все было напрасно. Я все время слышала его, но так и не увидела! Он все время жужжал позади меня.

Ужас вернулся; я начала думать, что у меня заболевание мозга. Я кинулась к кровати. Бросившись на колени, попыталась молиться. Но онемела — слова не приходили ко мне, мысли путались. Страстно желая обратиться к Богу, я внезапно осознала, что борюсь с чем-то порочным и что, если мне удастся просить Его помощи, зло исчезнет. Но я не могла. Была беспомощна — повержена. Я зарыла лицо в простыни и пальцами заткнула уши. Но жужжание позади не прекратилось ни на миг.

Я вскочила и принялась направо и налево осыпать воздух слепыми, яростными ударами; звук всегда исходил оттуда, куда я в тот миг не целилась.

Я рванула на себе платье. В тот день я надела его впервые; оно было сшито специально для бала у герцогини — а еще, и в первую очередь, в честь великого выступления Пола. Тогда, увидев свое отражение в зеркале, я сказала себе, что у меня прежде еще не было столь изысканного наряда, я в нем безупречна и что он много-много дней будет украшать мой гардероб, пусть даже как напоминание о знаменательном вечере. Теперь, в безумии ужаса, все эти мысли позабылись. Я так мечтала избавиться от платья, что порвала его, и оно лоскутами упало на пол к моим ногам. Все,

что было на мне, последовало за ним тем же путем; не одна прекрасная вещь оказалась безвозвратно уничтоженной: я, всегда бережно относившаяся к своей одежде, действовала как безжалостный палач. Затем я подбежала к кровати, выключила свет и быстро забралась поглубже под одеяло, накрывшись им с головой.

Я понадеялась было, что, выключив свет, все же приду в себя. Что в темноте у меня будет возможность поразмыслить здраво. Как жестоко я ошиблась! Стало только хуже. Покров тьмы принес новые страхи. Не прошло и пяти секунд, как я отдала бы все на свете, лишь бы опять зажечь лампы.

Я съежилась под одеялом и услышала жужжание над головой: когда в комнате потух свет, слух начал острее различать звуки. Существо, кем бы оно ни было, парило над кроватью. Оно подбиралось ближе и ближе, жужжало все явственнее и явственнее. Я почувствовала, как оно мягко опустилось на одеяло; суждено ли мне забыть те ощущения? На меня будто обрушили тонну свинца. Не стану гадать, каков был его настоящий вес и какую тяжесть мне нарисовало воображение, однако уверена, что весило это создание намного больше любого известного мне жука.

На некоторое время оно затихло — я же, кажется, лежа-сидела ни жива ни мертва. Потом почувствовала, как оно задвигалось, пошатываясь, неуклюже и нескладно, то и дело останавливаясь, точно хотело передохнуть. Я поняла, что оно медленно, но верно ползет к изголовью кровати. Ужас, охвативший меня, когда я осознала, куда может пробираться это существо, боюсь, не оставит меня до конца моих дней, повторяясь не только во снах, но и — очень и очень нередко — при пробуждении. Сердце мое, как гласит псалом, сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей¹, я не могла пошевелиться; нечто кошмарное и гораздо более могущественное, чем чары змия, овладело мной.

Оно доползло до изголовья, и то, чего я боялась — и еще как боялась! — действительно случилось. Существо начало

¹ Пс. 21:15.

искать, как ему попасть под одеяло, а затем заползло под него; чудо, что я не умерла от страха! Дюйм за дюймом оно приближалось и приближалось ко мне; я знала, куда оно направляется, но выхода не было; что-то дотронулось до моих волос.

Спасением мне стало забытье. Впервые в жизни я потеряла сознание.

Глава 28

Странная история человека с улицы

Уже несколько недель я ждала, что вокруг завертятся волнующие события, — и дождалась. Однако едва ли предвидела такое. Всем известно, как это бывает. Внезапно я оказалась в центре невероятнейших происшествий, нагрянувших самым непредсказуемым образом.

Позвольте мне привести их хотя бы в какое-то подобие порядка.

Начну с того, что Сидней повел себя безобразно. Нас только плохо, что я ненароком подумала, не стоит ли мне изменить свой взгляд на его характер в целом. Тем утром я — не стану говорить, что проснулась, так как, кажется, в ту ночь я погружалась совсем не в сон — пришла в сознание почти в девять часов. Очнулась я, сидя на кровати и дрожа, как перепуганный ребенок. Я не знала — не имела ни малейшего представления — о том, что на самом деле со мной произошло. Я ощутила, что голова моя идет кругом и меня подташнивает: самочувствие совсем никуда не годилось. Я попробовала осмыслить случившееся и составить план дальнейших действий, но в конце концов решила обратиться за советом и помощью к тому, у кого всегда их находила, — к Сиднею Атертону.

Я отправилась к нему и поведала всю свою печальную историю. Он видел, не мог не видеть, как глубоко ночные события взволновали меня. Сидней внимательно и сочувственно выслушал рассказ, а затем я неожиданно обнаружила, что все это время папá скрывался за стоящей в комнате ширмой, ловя каждое слово, слетавшее с моих уст. Я, конечно же, была ошеломлена. Папá поступил очень некрасиво, но со стороны Сиднея это выглядело самым настоящим предательством. Мы с ним всю жизнь делились секретами; мне и в голову не приходило хоть на йоту покривить перед ним душой, и он прекрасно об этом знал; к тому же я все-

гда верила, что в вопросах чести мужчины гораздо щепетильнее женщин. Я высказала этим господам все, что о них думаю, и ушла, по-моему, сильно их пристыдив.

Для меня все закончилось одним — я завелась. Это походило на оживляющее воздействие холодного душа. Я поняла, что должна действовать сама, не рассчитывая ни на чью помощь.

Я вернулась домой, и мне сообщили, что найденный на улице мужчина пришел в себя и способен осознавать происходящее, как любой нормальный человек. Сгорая от желания узнать, что именно связывает его и Пола и как понимать его зловещие пророчества, я, скинув шляпку, поспешила к нему в комнату.

Увидев меня и узнав, кто я такая, больной рассыпался в глубочайших благодарностях. По его щекам струились слезы. Мне показалось, что жизнь едва теплится в нем. Был он слаб, бледен, до крайности изможден. Возможно, он никогда не отличался крепким здоровьем, но сейчас бросалось в глаза, как лишения истощили его последние силы. От него остались кожа да кости. Его вид кричал о физическом и умственном изнурении.

Он был достаточно красив — неброской красотой. Голубоглазый, с очень светлыми волосами. Смею предположить, в прошлом он был щеголеватым клерком. Я гадала по поводу его возраста: несчастья столь быстро старят человека, — но сомневаюсь, что он достиг сорокалетнего рубежа. Голос его, поначалу тихий, выдавал образованность, а когда больной, набравшись смелости и став откровеннее, разговаривался, я не могла не отметить его прямую простоту, близкую к красноречию. Что за любопытную историю он мне поведал!

Настолько любопытную, даже ошеломляющую, что к ее окончанию я раздумывала, есть ли у меня иной выход, чем простить Сиднея и, несмотря на все его недавние, вызывающе неприятные проступки, вновь обратиться к нему за помощью. Ведь если то, что поведал мне этот чужак, было правдой — хотя его история казалась невероятной, говорил он как человек, не способный на ложь! — тогда Полу угро-

жала жуткая и, очевидно, совершенно необъяснимая опасность; в таких делах на счету каждая секунда. И я почувствовала, что даже при всем моем желании мне в одиночку не найти выхода из сложившегося положения. У меня по-прежнему не получалось забыть о кошмарах прошедшей ночи, и пока они были свежи в моей памяти, разве могла я, стреноженная страхом, надеяться справиться с таинственным созданием, о котором так красочно рассказал мой гость? Нет! Я верила, что Сидней, в своей странной манере, действительно равнодушен ко мне; знала, что он быстр, хладнокровен и изобретателен и что эти его качества лучше всего раскрываются в трудных ситуациях; возможно, не такой уж он бессовестный и, на сей раз, я не уйду от него ни с чем.

Поэтому за ним был послан слуга — в крайней спешке.

Удача мне улыбнулась, Сидней пришел через пять минут. Так получилось, что он как раз отобедал с Дорой Грейлинг, жившей в конце нашей улицы, и лакей столкнулся с ним у крыльца ее дома. Я пригласила Сиднея в свою комнату.

— Я хочу, чтобы вы прошли к найденному на улице человеку и послушали, что он рассказывает.

— С удовольствием.

— Я могу вам доверять?

— В том, что я его выслушаю?.. Вероятно.

— Могу ли я полагаться, что все останется в тайне?

Он ничуть не смутился — ни разу в жизни я не видела, как Сидней Атертон смущается. Что бы он ни натворил, настроение у него всегда кажется отличным. Его глаза сверкнули:

— Можете; буду нем как рыба, даже перед папá.

— Тогда вперед! Но, как вы понимаете, я собираюсь на деле убедиться в правдивости заверений, которыми вы осыпали меня все эти годы, и посмотреть, питаете ли вы ко мне настоящие чувства.

Когда мы вошли в комнату больного, Сидней направился прямо к его кровати, пристально поглядел на лежащего человека, сунул руки в карманы брюк и присвистнул, нема-

ло меня этим удивив.

— Ого! — воскликнул он. — Так это ты!

— Вы с ним знакомы? — спросила я.

— Вряд ли я с готовностью назову это знакомством, но память на лица у меня отменная, и мне доводилось сталкиваться с этим джентльменом ранее по меньшей мере однажды. Не исключаю, что и он меня помнит... Помнишь?

Незнакомцу было не по себе, как будто тон и манера Сиднея привели его в замешательство.

— Помню. Вы тот человек на улице.

— Точно. Я именно тот... тип. А ты — господин, выскочивший в окно. Со времени нашей первой встречи ты вроде неплохо так устроился. — Сидней обратился ко мне: — Если это возможно, мисс Линдон, я бы предпочел сказать этому джентльмену пару слов с глазу на глаз... Вы не возражаете?

— Возражаю... решительно возражаю. Для чего, как вы думаете, я послала за вами?

Сидней растянул губы в этой своей нелепой, вызывающей ухмылке — словно у нас не серьезное дело, а пустяк.

— Послали, чтобы показать, что я все еще не утратил вашего доверия.

— Не мелите ерунду! Этот человек поведал мне невероятнейшую историю, и я послала за вами, как вы догадываетесь... не слишком охотно, — Сидней поклонился, — чтобы он ее повторил в вашем — и в моем — присутствии.

— Вот как?.. Ладно!.. Разрешите предложить вам стул: кажется, рассказ будет не из самых коротких.

Решив немного его умиловить, я села на предложенное место, хотя предпочла бы стоять; сам он устроился на краю кровати и направил на незнакомца пронзительный, вопрошающий и не слишком дружелюбный взгляд.

— Ну, сэр, мы к вашим услугам; будьте столь любезны и соблаговолите опутать нас второй порцией того любезного слуху повествовательного полотна, кое вы изволите прясть. Начнем, однако, с правильного конца!.. Зовут-то вас как?

— Меня зовут Роберт Холт.

— Не иначе?.. Ну, мистер Роберт Холт, выкладывайте!

Ободренный таким образом, мистер Холт повторил то, что говорил мне ранее, только более связно. По-моему, взгляд, каким Сидней смотрел на него, обладал неким гипнотическим свойством, и рассказчик не сбивался с темы — ему, с первого до последнего слова, не понадобилось ни единого наводящего вопроса.

Мистер Холт поведал, как его, усталого, мокрого, отчаявшегося и отчаянного, не пустили в ночлежный дом — хотя, казалось бы, там найдется приют для всех, кто потерял надежду. Рассказал, как подошел к открытому окну казавшегося пустым дома и, всего лишь пытаясь укрыться от ночного ненастья, забрался внутрь. Как вдруг очутился перед необычайным существом, которое показалось ему, измотанному и ослабевшему, человеком лишь наполовину. Как это жуткое создание с ненавистью осыпало дикими проклятиями Пола Лессинхэма — моего Пола! Как оно, воспользовавшись немощностью мистера Холта, полностью подчинило его своей ужасной и, по правде говоря, почти небывалой воле. Как послало этого несчастного, практически нагого, на улицу в дождь и ветер с приказом совершить кражу в особняке Пола, и как он, Холт, пошел туда, потому что не мог оказать ни малейшего сопротивления. Как Пол, внезапно вернувшись домой, наткнулся на мистера Холта в самый разгар преступного деяния и как, выслушав таинственные слова взломщика о загадочном жуке, потерял самообладание и позволил нарушителю сбежать, даже не пытаясь его остановить.

Эта история удивила меня в первый раз, а — рассказанная вторично — показалась еще поразительнее; однако, пока я наблюдала, как слушает ее Сидней, мне пришло в голову, что он все это уже знает. Так я ему и заявила, когда мистер Холт завершил свою повесть:

— Ведь вы не впервые слышите о произошедшем?

— Простите... но впервые. Вы думаете, я живу в стране волшебных сказок?

Нечто в его поведении подсказало мне, что он обманывает.

— Сидней!.. Не надо лжи!.. Пол вам все рассказал!

— Я не лгу — по меньшей мере в этом; от мистера Лессингэма я такого не слышал. Давайте-ка обсудим эти мелочи как-нибудь попозже. Тем временем, возможно, вы позволите мне задать несколько вопросов мистеру Холту.

Я не стала вмешиваться, хотя чувствовала, что он что-то утаивает от меня и знает странную историю мистера Холта гораздо лучше, чем показывает. По какой-то причине его скрытность меня беспокоила.

Сидней молча окинул мистера Холта взглядом.

Затем произнес в своей особой, приправленной откровенной дерзостью манере:

— Полагаю, мистер Холт, развлекая нас этой новоизобретенной сказкой, вы не надеялись, что мы с радостью проглотим вашу милую выдумку.

— Ни на что я не надеялся. Только рассказ мой правдив. И вы об этом знаете.

Кажется, Сидней такого не ожидал.

— Зря вы, вслед за мисс Линдон, считаете, что я обладаю более обширными познаниями, чем стремлюсь показать. Тем не менее, оставим вопрос до иных времен... Как я понял, вы с особым тщанием пытались поведать нам о таинственном обитателе некоего странного жилища.

Я заметила, что мистер Холт задрожал.

— Мне его не забыть, — ответил он.

— В таком случае, вы сможете описать его нам.

— Вряд ли в моих силах сделать это беспристрастно. Но я постараюсь.

Если оригинал был изумительнее рассказа о нем, то, должно быть, существо и вправду потрясало воображение. У меня сложилось впечатление, что речь шла скорее о чудевище, чем о человеке. Пока мистер Холт давал это леденящее кровь описание, я внимательно наблюдала за Сиднеем и все сильнее убеждалась, что он знает о подоплеке этого необычного дела больше, чем показывает и чем может предположить сам рассказчик. Затем он задал вопрос, совершенно не вытекающий из истории мистера Холта:

— Вы уверены, что это прекрасное создание было мужчиной?

— Нет, сэр, как раз в этом я не уверен.

По интонации Сиднея я поняла, что он получил именно тот ответ, на который рассчитывал:

— Думаете, это была женщина?

— Мне действительно это не раз приходило в голову. Однако мне вряд ли удастся объяснить, что заставило меня так думать. В чертах этой твари не было ничего женственного. — Он умолк, словно задумался о чем-то. Потом добавил: — По-моему, я это просто почувствовал.

— Понимаю... Ладно... Сдается мне, мистер Холт, у вас хорошо развита интуиция. — Сидней поднялся с кровати и потянулся, будто стряхивая усталость, — он часто так делает. — С моей стороны было бы нечестно утверждать, что я не верю ни слову из вашей очаровательной — и неприятной — сказки. Напротив, я выкажу полное к вам доверие, заметив, что у меня нет ни малейших сомнений в том, что вы сможете, к моему особому удовлетворению, направить меня в восхитительную резиденцию, в стенах которой началась ваша история.

Мистер Холт побагровел: вряд ли Сиднею удалось бы менее откровенно выразить свое отношение к его рассказу.

— Не забывайте, сэр, ночь была темная, местность — совершенно мне незнакомая, да и сам пребывал в таком состоянии, что по сторонам особо не смотрел.

— Все это я учитываю, однако... как далеко вы ушли от рабочего дома в Хаммерсмите?

— Едва ли я прошел больше полумили.

— Тогда вы, вероятно, помните, куда свернули, отойдя от ночлежки: не думаю, что там много поворотов.

— Пожалуй, если увижу, вспомню.

— Значит, у вас будет возможность попытаться. Отсюда до Хаммерсмита не так далеко. Как думаете, вы сейчас способны выдержать поездку в кэбе; нас в нем будет двое, вы и я?

— Наверное, смогу. Я хотел встать уже сегодня утром. В постели я только потому, что так велел врач.

— Иногда стоит позабыть про указания докторов: я прописываю вам свежий воздух. — Сидней повернулся ко мне:

— Так вышло, что с гардеробом у мистера Холта туго, посему не думаете ли вы, что один из костюмов ваших лакеев мог бы прийти к нему впору — если, конечно, мистер Холт не станет возражать примерить его на себя на некоторое время?.. Мистер Холт, я жду, пока вы закончите переодеваться.

Оставив Холта разбираться, что ему больше подходит из одежды, мы с Сиднеем поднялись ко мне. Закрыв дверь, я сразу дала понять, что шутить в таком деле не намерена:

— Сидней, вы, конечно, понимаете, что я еду с вами.

Он сделал вид, что удивился:

— Со мной?.. Рад это слышать... но куда?

— В дом, о котором говорил мистер Холт.

— Ничто не могло бы доставить мне большего удовольствия, но — разрешите мне напомнить? — мистеру Холту для начала надо этот дом найти.

— Я поеду с вами искать этот дом.

Сидней засмеялся, но я видела, что он совершенно не оценил мое предложение.

— Втроем в двухколесном экипаже?

— Экипажи бывают и на четырех колесах, а если пожелаете, я и карету могу заказать.

Сидней покосился на меня, а потом принялся ходить туда-сюда по комнате, засунув руки в карманы брюк. Вскоре он понес какую-то чепуху:

— Стоит ли упоминать, с какой радостью я предвкушаю восторги поездки с вами — даже в четырехколесном кэбе; однако, будь я на вашем месте, я бы наверняка позволил Холту и вашему покорному слуге отправиться на поиски того дома вдвоем. Все это дело может оказаться более утомительным, чем вы воображаете. Обещаю, что как только мы этот дом разыщем, я опишу вам всю процедуру поиска дошнейшим образом.

— А теперь моя очередь говорить... Думаете, я не знаю, что вы все это время обманывали меня?

— Обманывал?.. Я!

— Да — вы! Думаете, я дура набитая?

— Марджори, голубушка!

— Думаете, я не заметила, что вам все было известно еще до того, как мистер Холт открыл рот; а может, и больше, чем он сам об этом знает?

— Господи!.. Какое лестное мнение о моем всеведении!

— О, да, но это скорее плохо. Случись мне на вас положиться, вы, если вам захочется, будете постоянно что-то недоговаривать — да все от меня скроете. Я еду с вами — хватит разговоров.

— Отлично... Вы случайно не знаете, имеются ли в доме револьверы?

— Револьверы?.. почему вы спрашиваете?

— Потому что я бы один прихватил. Не стану от вас скрывать — раз вы так на меня надавили, — что в нашем случае револьвер может очень даже пригодиться.

— Вы пытаетесь меня запугать.

— Ничего подобного, только, в сложившихся обстоятельствах, я обязан предупредить вас о том, что может произойти.

— Ах, значит, предупредить обязаны, что ж — долг выполнен. А что касается револьверов, то папá держит дома целый арсенал; вы возьмете его полностью?

— Спасибо; осмелюсь предположить, что одного будет достаточно, хотя, возможно, вы тоже вооружитесь. Не исключая, что револьвер и вам понадобится.

— Сердечно вам благодарна, но, пожалуй, усомнюсь, что это так опасно. Поэтому рискну... Ох, Сидней, ну вы и лицемер!

— Если так, то все ради вас. А теперь серьезно: я категорически настаиваю, чтобы вы отпустили нас с мистером Холтом одних. Я даже не побоюсь сказать, что не пройдет и нескольких дней, как вы горько пожалеете, что позволили втянуть себя в это дело.

— Что вы имеете в виду? Вы осмеливаетесь гнусно намекать на... Пола?

— Ни на кого я не намекаю. Что думаю, то и говорю; итак, милая Марджори, я не шучу: если вы, несмотря на мои упорные просьбы, будете и дальше стоять на своем, то вылазку, насколько я понимаю, придется отложить.

— Вы ведь серьезно, да? Ладно, договорились. — Я позвонила в колокольчик. Вошел слуга. — Сейчас же найдите четырехместный кэб. И сообщите, когда мистер Холт оденется. — Слуга ушел. Я повернулась к Сиднею: — Простите, но я надеваю шляпку и ухожу. Конечно, вы сами вольны решать, поедете со мной или нет, но, если не поедете, я отправлюсь с мистером Холтом одна.

Я пошла к двери. Сидней остановил меня.

— Марджори, душенька, что ж вы ко мне так несправедливы? Поверьте, вы представления не имеете, что за приключение вас может ожидать; прислушайтесь к гласу здравого смысла. Уверяю, сейчас вы добровольно кидаетесь с головой в омут.

— Какой еще омут? Что вы все ходите вокруг да около — почему не можете сказать прямо?

— Не могу сказать прямо, потому что таковы обстоятельства — не дают они этого сделать, я не лгу, но от того опасность меньше не становится. Шутки в сторону — здесь все всерьез, поверьте мне на слово.

— Тут не только вопрос доверия — есть еще кое-что. Я помню, что было нынче ночью, к тому же рассказ мистера Холта загадочен сам по себе; скажу больше, за ним скрываются еще какие-то тайны — и они, судя по вашим речам, неким зловещим образом связаны с Полом. Мне ясно, что я должна сделать, и вы не сможете меня остановить. Вы прекрасно знаете, что у Пола предостаточно государственных обязанностей, они едва не погребают его под собой; вы хотите, чтобы я рассказала обо всем ему, после чего он поговорит с вами так, как умеет? Положение дел следующее: пусть я пока Полу не жена, я все равно хочу показать вам, что могу воспринимать его интересы как свои, как будто мы с ним уже повенчаны. Итак, мне остается лишь повторить: вам решать, что вы намерены делать, но если вы предпочтете воздержаться от поездки, я отправлюсь туда вдвоем с мистером Холтом.

— Поймите, когда вы начнете обо всем сожалеть — а вы начнете! — не вините меня в том, что поступили так, как я советовал вам не делать.

— Мистер Атертон, голубчик, я приложу все усилия для защиты вашей незапятнанной репутации; мне совсем не хочется, чтобы кто-нибудь начал вас обвинять в том, что я сказала или сделала.

— Отлично!.. Ваша кровь будет на вашей совести!

— Кровь?

— Да, кровь. Не удивлюсь, если она прольется, прежде чем все разрешится... Может, вы все-таки позволите мне одолжить револьвер из арсенала, о котором вы говорили?

Я дала согласие, раз он так настаивал, разрешив ему взять один из новых револьверов папá, и Сидней спрятал оружие в карман брюк. После чего мы отправились в путь — в четырехколесном кэбе.

Глава 29

Дом по пути из ночлежки

Было видно, что костюм на мистере Холте с чужого плеча. На его тощем, изможденном и ослабевшем теле одежда, одолженная у одного из слуг, висела, как на пугале. Мне стало немного стыдно, что и я приложила руку, вытаскивая его из постели. Глядя на его немощь и бледность, я бы не удивилась, если бы он потерял сознание прямо на улице. Я проследила, чтобы он, в меру своих возможностей, хорошенько поел перед нашим выездом: один взгляд на беднягу наводил на страшные мысли о голоде! На всякий случай я прихватила с собой фляжку бренди, но, несмотря на все это, было ясно, что больному место в кровати, а не в тряской карете.

Поездка получилась невеселая. Сидней вел себя по отношению ко мне весьма покровительственно, вселяя подспудное негодование: по-моему, он смотрел на меня, как заботливая и встревоженная нянька смотрит на неразумное и непослушное дитя. Разговор откровенно не складывался. Раз Сидней возжелал меня опекать, то и мне захотелось задирать перед ним нос. Как результат, большинство реплик адресовалось мистеру Холту.

После, как мне показалось, бесконечного путешествия кэб остановился. Я возрадовалась, решив, что мы приехали. Сидней высунул голову в окно. Последовал короткий разговор с извозчиком.

— Вон он, Хаммерсмитский работный дом. Он, сэр, немаленький... куда вас тут подвезти?

Сидней передал вопрос мистеру Холту. Тот, в свою очередь, выглянул в окошко, однако, кажется, совсем не узнал округу.

— Мы приехали другой дорогой — не так, как я добирался сюда; я-то через Хаммерсмит пришел — к крыльцу ночлежки; не вижу его здесь.

Сидней опять заговорил с кучером:

— Извозчик, где тут ночлежный дом?

— На другом конце, сэр.

— Тогда везите нас к нему.

Извозчик подвез нас к ночлежке. Сидней вновь обратился к мистеру Холту:

— Может, стоит отпустить кэб... или же вы не в состоянии идти пешком?

— Благодарю, но ходить я могу — полагаю, упражнение сослужит мне пользу.

Мы отпустили экипаж, хотя впоследствии у нас, особенно у меня, появились причины сожалеть об этом. Мистер Холт осмотрелся и указал на дверь прямо перед нами.

— Это вход в ночлежку: вон там, над крыльцом, разбитое брошенным камнем окно. Отсюда я ушел направо, туда, откуда пришел. — Мы пошли направо. — Я дошел до угла. — Мы тоже дошли. Мистер Холт завертел головой, пытаясь вспомнить свои дальнейшие действия. От этого места разбегалось изрядное количество дорог, и он задумался, какую из них выбрать.

Вскоре он как будто определился:

— Думаю, я пошел сюда; я почти уверен в этом.

Похоже, он немного колебался, однако мы последовали за ним. Кажется, указанный им путь ни к чему и никуда не вел. Не успели мы толком отойти от ворот рабочего дома, как натолкнулись на какую-то свалку. Впереди и вокруг нас простирались большие пустыри. В отдаленном или не столь отдаленном прошлом на них пытались что-то строить, о чем свидетельствовали неопрятные кучи грязно-желтых кирпичей. Здесь и там красовались огромные, искореженные стихиями плакаты, объявляющие, что «сдаются участки отличной земли под строительство». Дорогу так и не доделали. Мостовая отсутствовала, и нам пришлось ковылять по неровной тропинке. Было ощущение, что она теряется в пространстве, поглощенная пустошами «отличной земли», раскинувшимися вокруг. На небольшом удалении от нас виднелось изрядное количество домов — как показалось. Но все они стояли на других улицах. Справа, в самом конце

той, на которой мы в тот момент находились, тоже имелся ряд остовов зданий, но только две постройки хоть как-то были пригодны для жилья. Они стояли по разным сторонам дороги, но не друг против друга: между ними оставалось, наверное, метров пятьдесят. Их вид взволновал мистера Холта сильнее, чем меня. Он быстро прошел вперед и зас-
тыл у дома слева, то есть ближайшего к нам.

— Вот этот дом! — воскликнул он.

Мистер Холт выглядел едва ли не опьяненным удачей, однако я, признаюсь, была удручена. Вряд ли можно представить более унылое обиталище. На нас смотрел построен-
ный на скорую руку дом из тех, что, даже новыми, наве-
вают мысли об упадке. Не исключая, что построили его год
или два назад; тем не менее, из-за неухоженности, или из-
начальной дешевизны, или того и другого вместе, возни-
кало впечатление, будто дом с минуты на минуту развалит-
ся. Был он небольшой, двухэтажный и обошелся бы — по мое-
му мнению! — не более чем фунтов тридцать в год. Окна,
конечно, не мыли с самого окончания строительства; стек-
ла на втором этаже частью растрескались, частью разбились.
О том, что здание обитаемо, свидетельствовала лишь плот-
ная штора, закрывающая окно в комнате снизу. Иные занавески в доме отсутствовали. Фасад защищала невысокая
стенка, которую когда-то увенчивало нечто вроде железно-
го навершия — ржавые куски металла до сих пор торчали
на одном ее конце; но, так как стена проходила почти вплот-
ную к дому, а тот стоял чуть не на дороге, непонятно было,
к чему эта ограда — для защиты от посторонних или про-
сто украшения ради.

— Вот этот дом! — повторил мистер Холт, проявляя
больше признаков жизни, чем я наблюдала в нем до сих пор.

Сидней смерил здание взглядом: я поняла, что оно ранит его эстетические чувства так же, как мои.

— Уверены?

— Совершенно.

— Кажется, дом пуст.

— Мне тоже так показалось в ту ночь — поэтому я залез
внутрь в поисках укрытия.

— Какое окно заменило вам дверь?

— Это. — Мистер Холт указал на окно первого этажа — то, что затемнялось шторой. — Когда я впервые увидел его, шторы не было и в помине, а раму кто-то приподнял — именно это меня и привлекло.

Сидней повторно, не упуская деталей, оглядел постройку с крыши до фундамента, затем испытующе посмотрел на мистера Холта.

— Вы уверены? Это именно тот дом? Если вдруг вышла ошибка, мы можем попасть в неловкое положение. Я собираюсь постучаться в дверь, и если выяснится, что ваш таинственный знакомый здесь не живет и никогда не жил, нам будет нелегко найти объяснение своему присутствию.

— Я уверен, это тот самый дом — не сомневайтесь! Я это знаю... чувствую вот тут... и тут.

Мистер Холт коснулся груди и лба. Вел он себя крайне странно: весь дрожал, глаза лихорадочно блестели.

Сидней какое-то время молча взирал на него. Затем преклонил внимание на меня:

— Есть ли у меня основания считать, что вы не потеряете рассудка?

От этого простого вопроса кровь ударила мне в голову.

— На что вы намекаете?

— Сами слышали. Я намерен постучать в дверь и сейчас сделаю это. Однако не исключено, что за данным моим действием последуют непредсказуемые события: вы уже слышали о чем-то подобном от мистера Холта. Дом снаружи выглядит достаточно заурядно, тем не менее, вы можете вдруг обнаружить, что внутри не все так обычно. Вы, вероятно, окажетесь в таком положении, когда в высшей степени необходимо сохранять спокойствие.

— Я не из тех, кто паникует.

— Тогда все в порядке... Я верно понял, что вы собираетесь туда вместе со мной?

— Конечно, собираюсь, иначе зачем я здесь? Вы несете полный вздор.

— Надеюсь, вы продолжите называть наше дело вздором, когда это приключеньице останется позади.

Не стоит упоминать, в какое негодование привела меня его наглость: слышать подобное от Сиднея Атертона, которым я вертела с тех пор, как он разгуливал в коротких штанишках, было немного неприятно; но вынуждена признать, что его манера, или слова, или поведение мистера Холта, или что-то еще заставили меня насторожиться сильнее, чем раньше. Я не имела ни малейшего представления о дальнейшем развитии событий или об ужасах, затаившихся в этом сумрачном доме. Но рассказ мистера Холта ошеломил меня, а ночные происшествия были настолько живы в моей памяти, и в придачу ко всему я так близко подошла к Непознанному — с заглавной буквы! — что даже в ярком свете дня тень его нависла надо мной с такой определенностью, к какой я — честно! — оказалась не готова.

Мне не доводилось видеть столь неприглядной входной двери; впрочем, она прекрасно гармонировала с окружением. Некрашенная, из покореженных, щербатых досок и с молотком, порывевшим от ржавчины. Стоило Сиднею коснуться его, как я ощутила, что по телу пробежали мурашки. Когда раздался резкий стук, мне подумалось, что дверь с силой распахнется и из-за нее на нас разгневанно набросится какой-нибудь мрачный тип. Но я ошиблась: дверь не раскрылась, не случилось ничего. Подождав несколько секунд, Сидней постучал опять; повременив еще чуть-чуть, повторил стук. Как и до этого, нельзя было догадаться, заметил ли кто-нибудь наше появление. Сидней обратился к мистеру Холту:

— Дом вроде бы пуст.

Мистер Холт необычайно разволновался, мне было больно на него глядеть.

— Это неизвестно, нельзя так просто сказать; может, там кто-то нас слышит, но не отвечает.

— Я дам ему еще один шанс.

Сидней с раскатистым эхом грохнул молотком по двери. Удар, должно быть, услышали за полмили отсюда. Однако в доме по-прежнему никто не подавал признаков жизни. Сидней спустился с крыльца.

— Пойду другим путем — попытаю счастья со двора.

Он начал огибать дом, мы с мистером Холтом гуськом направились за ним. Со двора дом производил еще более удручающее впечатление, чем с фасада. На первом этаже с той стороны находились две комнаты, без сомнения, пустые: мы прекрасно видели их в окна. Первая явно предназначалась под кухню, совмещенную с прачечной, вторая — под гостиную. Но там не было ни единого предмета мебели или малейшего следа человеческого проживания. Сидней прокомментировал это так:

— Совершенно очевидно, что в сем очаровательном пристанище не только не имеется обитателя, но и никогда не было.

Тем не менее, волнение мистера Холта возрастало с каждой секундой. По какой-то неясной мне причине Сидней вообще не замечал этого; возможно, он рассудил, что так будет лучше для всех нас. Странная перемена произошла даже с голосом мистера Холта — теперь это был некий дрожащий фальцет:

— Я-то видел лишь переднюю комнату.

— Отлично; пройдет совсем немного времени, и вы вновь будете ее лицезреть.

Сидней костяшками пальцев побарабанил по стеклу задней двери. Подергал за ручку; она не поддавалась — он ее яростно потряс. Затем помахал рукой перед грязными окнами: этого было бы вполне достаточно, чтобы привлечь внимание жильца, но все оказалось тщетно. Наконец он полунасмешливо обратился мистеру Холту:

— Призываю вас в свидетели того, что я использовал все легальные способы добиться благосклонного отклика от вашего таинственного товарища. Посему вынужден заранее просить прощения на случай, если мне для разнообразия придется испробовать нечто слегка противозаконное. Конечно, в вашем случае окно уже было открыто, в моем — скоро будет.

Он достал из кармана нож и, обнажив лезвие, открыл защелку: мне говорили, что так делают взломщики. Вскоре рама была поднята.

— Ну вот! — воскликнул он. — Что я вам говорил?.. Марджори, душенька, я лезу первым, мистер Холт за мной, а потом мы открываем вам дверь.

Я сразу поняла, что он замыслил.

— Нет, мистер Атертон; сначала вы лезете в окно, потом я, а мистер Холт после нас обоих. Я не собираюсь ждать, пока мне открывают.

Сидней воздел руки и закатил глаза, показывая, насколько он был удручен моим требованием. Но я не намеревалась отсиживаться и ждать милости, пока они, пообещав открыть мне дверь, станут обшаривать дом. Итак, Сидней полез первым, а я за ним, благо, то было несложно, так как подоконник располагался довольно низко. Мистер Холт последовал за нами. Стоило нам оказаться внутри, как Сидней приложил руку ко рту и закричал:

— Есть кто дома? Если так, будьте любезны, идите сюда — к вам гости.

Его слова эхом прокатились по пустым комнатам, и мне сделалось немного жутко. Я внезапно осознала, что если в доме вправду кто-то окажется и будет недоволен вторжением в свои владения, объяснение нашего присутствия здесь превратится в довольно сложную задачу. Я ждала, что примет Сидней дальше, а он привлек мое внимание к мистеру Холту:

— Эй, Холт, что стряслось? Приятель, только без этих глупостей!

Что-то с мистером Холтом было не так. Тело его задрожало, точно охваченное приступом падучей, которая разом свела все его мышцы. На лице застыла весьма неприятная гримаса. Но он выдавил из себя:

— Я в порядке... Все хорошо.

— Хорошо, да? Вы бы это лучше бросили. Где там ваше бренди? — Я отдала Сиднею фляжку. — Вот, глотните.

Мистер Холт, не пытаясь спорить, хлебнул неразбавленного алкоголя, предложенного ему Сиднеем. Кажется, бренди совсем не подействовало на него, разве что пепельные щеки обрели розоватый оттенок. Сидней смотрел на него таким взглядом, что я терялась в догадках, как ко всему

этому отнестись.

— Слушай, парень. Не думай, что сможешь так просто обвести меня вокруг пальца, и не лсти себе, полагая, что, если вдруг попробуешь нас обмануть, я буду с тобой церемониться. У меня есть вот что. — Он показал револьвер, одолженный у папá. — Не воображай, что присутствие мисс Линдон помешает мне им воспользоваться.

Я никак не могла понять, почему он так резко говорит с мистером Холтом. Последний, однако, не проявлял никаких признаков негодования: совершенно неожиданно он будто стал автоматом, а не человеком. Сидней продолжал смотреть на него так, словно стремился проникнуть в самую его душу.

— Будьте любезны, мистер Холт, идите вперед, показывайте дорогу в то загадочное помещение, где, как вы утверждаете, вам довелось пережить столь замечательные события.

Потом он прошептал мне:

— Револьвер прихватили?

— Револьвер? — удивилась я. — Зачем?! Не смешите!

Ответ Сиднея прозвучал так грубо — беспричинно грубо! — как будто исходил из уст папá в самом страшном приступе гнева:

— Лучше уж быть смешным, чем бестолочью в юбке. — Я разозлилась и не знала, что сказать, а пока подбирала слова, он продолжал: — Держитесь осмотрительно; не удивляйтесь ничему, что можете увидеть или услышать. От меня не отходите. И ради всего святого, не теряйте головы, крепитесь, как только сможете.

Я понятия не имела, что это могло означать. Не понимала, к чему такие предосторожности. И все же почувствовала, как сердце затрепетало в груди, будто что-то должно было случиться; я слишком хорошо знала Сиднея и не сомневалась: он просто так суетиться не будет, к тому же он ничуть не склонен искать причину для беспокойства там, где ее нет.

Мистер Холт, как ему сказал, вернее, приказал Сидней, привел нас к комнате в передней части дома. Дверь оказа-

лась закрыта. Сидней постучался. Ответа не последовало. Он постучался опять.

— Есть там кто-нибудь? — спросил он.

Так как внутри промолчали, он дернул ручку. Дверь была заперта.

— За все время это первый признак того, что дом обитаем: двери сами себя не запирают. Хотя вероятно, что, в конце концов, здесь просто кто-то некогда жил.

Крепко вцепившись в ручку, Сидней изо всех сил за нее потянул, совсем как прежде у задней двери. Дом был настолько плохо построен, что затряслись стены.

— Эй, там!.. есть кто внутри?.. если сами дверь не откроете, это сделаю я.

Ответа не последовало.

— Ладно!.. Я вознамерился продолжить свой преступный путь в обход закона и порядка, посему, раз уж мне не дают проникнуть внутрь, сделаю по-другому.

Повернувшись правым плечом к двери, он обрушился на нее всем своим весом. Сидней мужчина крупный и очень сильный, а дверь была хлипкая. Замок едва ли не сразу уступил давлению, дверь с грохотом распахнулась. Сидней приревел.

— Ого!.. Сдается мне, мистер Холт, что ваш рассказ, возможно, не такая уж и сказочка, какой может показаться.

Было очевидно, что в комнате кто-то жил — причем совсем недавно; и если судить об обитателе помещения по его мебели, то был он весьма эксцентричен. Поначалу мне даже показалось, что внутри по-прежнему находится человек или животное: в наши ноздри ударила мерзкая вонь, какая обычно исходит от зверя. По-моему, Сидней рассудил так же.

— Чудный аромат, честное слово! Давайте-ка прольем немного света на его источник и посмотрим, что же это такое. Марджори, стойте на месте, пока я не разрешу двигаться.

Когда мы были на улице, штора на окне выглядела самой обыкновенной, однако теперь стало ясно, что она из невероятно плотной ткани, потому что в комнате стояла непроглядная тьма. Сидней вошел, собираясь ее поднять, но

остановился, не сделав и нескольких шагов.

— Это еще что?

— Это он, — ответил мистер Холт не своим, едва узнаваемым голосом.

— Он? Почему вы говорите «он»?

— Жук!

По голосу Сиднея я поняла, что он вдруг пришел в необъяснимое возбуждение.

— Ах, он!.. Ежели на сей раз мне не удастся выяснить, откуда у этого замечательнейшего фокуса ноги растут и что в нем да как, можете записать меня в болваны — с огромной заглавной Б.

Он ринулся внутрь комнаты; судя по всему, попытки немедленно залить ее светом не принесли желанного успеха.

— Да что это за проклятая штора такая! Без шнура! Каким образом вы ее поднимали?.. Что за...

Сидней умолк, не договорив. А мистер Холт, стоявший вместе со мной на пороге, вдруг так сильно затрясся, что я, опасаясь, как бы он не упал, схватила его за руку. Лицо его странным образом переменялось: глаза широко распахнулись, будто он увидел перед собой нечто ужасное; на лбу выступили крупные капли пота.

— Он идет! — закричал мистер Холт.

Не знаю, что именно там произошло. Но стоило ему издать тот вопль, как я услышала исходящее из комнаты жужжание крыльев. Мгновенно ко мне вернулись все страхи прошлой ночи — и тогда мне стало необычайно плохо. Сидней громко выругался, будто был вне себя от ярости.

— Не подниму, так сорву, — добавил он.

Полагаю, не найдя шнура, он схватился за штору снизу и потянул к полу: она обрушилась вместе с подъемным механизмом и креплениями. Комнату залил свет. Я поспешила внутрь. Сидней застыл у окна с таким недоумением на лице, что в любое другое время я бы над ним посмеялась. В руке он сжимал револьвер папá и свирепо озира́л комнату, словно был не в силах понять, почему не может найти то, что ищет.

— Марджори! — воскликнул он. — Вы что-нибудь слы-

шали?

— Конечно, слышала. Тот же звук, что так напугал меня прошлой ночью.

— Точно? Тогда... — Разволновавшись, он, должно быть, совершенно забыл о моем присутствии, ибо кошмарно выругался. — Как его найду, разговор будет короткий. Не мог он ускользнуть из комнаты: я знаю, тварь здесь; я не только ее слышал, я почувствовал, как она пролетела прямо перед моим лицом... Холт, войдите и закройте дверь.

Холт, будто пытаясь двинуться вперед, поднял руки, однако остался там, где стоял, словно был пригвожден к месту.

— Я не могу! — вскричал он.

— Не можете... Почему?

— Он меня не пускает.

— Кто вас не пускает?

— Жук!

Сидней вплотную подошел к мистеру Холту и с любопытством оглядел его. Я стояла прямо за ними. Сидней прошептал, вероятно, мне:

— Господи!.. Все, как я думал!.. Бродягу загипнотизировали!

Затем он заговорил громче:

— Вы сейчас видите его?

— Да.

— Где?

— За вами.

Когда мистер Холт это сказал, я опять услышала, совсем близко от меня, тот жужжащий звук. Кажется, Сидней тоже услышал его — и повернулся так быстро, что чуть не сбил меня с ног.

— Простите, Марджори, но мы столкнулись с неким неизведанным доселе явлением... вы же это слышали?

— Да, отчетливо; близко ко мне, едва не у самого лица.

Мы огляделись, потом посмотрели друг на друга: ничего не было видно. Сидней недоверчиво усмехнулся.

— Чудеса да и только. Не стану утверждать, что у нас галлюцинации: не хочется подозревать у себя размягчение

мозга. Но... странно все это. Какой-то здесь фокус, и меня не переубедить; конечно, все должно быть просто, знать бы, каким образом это делается, но трудность в том, как нам это узнать... Думаете, наш новый товарищ притворяется?

— По-моему, он болен.

— И правда, выглядит больным. А еще похоже на то, что его загипнотизировали. Если так, то это, должно быть, суггестия; потому-то я и сомневаюсь — впервые сталкиваюсь со столь откровенным случаем гипнотического внушения... Холт!

— Да.

— Таким голосом и в такой манере, — прошептал Сидней мне на ухо, — говорят загипнотизированные, но, с другой стороны, если тебя загипнотизировали, то и отвечать ты будешь только тому, кто это сделал; вот из-за подобного несоответствия меня и терзают подозрения. — Затем он громко скомандовал: — Не стойте, как идиот, заходите.

Мистер Холт вновь повторил тщетные попытки двинуться туда, куда ему приказали. На него было больно смотреть: он пытался идти, как слабый, испуганный и неуклюжий ребенок, но не мог.

— Не получается.

— Глупости, дружище! Думаете, мы в цирковом шатре и меня может провести какой-нибудь шарлатан-гипнотизер, зарабатывающий этим на жизнь? Делайте, как говорю: заходите в комнату.

Мистер Холт продолжил безуспешную борьбу с собой; на сей раз он сопротивлялся дольше, но с тем же исходом.

— Не могу! — взмолился он.

— А я говорю, можете — и войдете! Если я подхвачу вас и внесу сюда сам, вряд ли окажется, что вы столь слабы, как хотите заставить меня думать.

Сидней шагнул к мистеру Холту, намереваясь привести угрозу в исполнение. Стоило ему это сделать, как поведение мистера Холта стало совсем странным.

Глава 30

Необычное поведение мистера Холта

Я стояла посреди комнаты, Сидней — между мной и дверью; мистер Холт оставался в коридоре, прямо за порогом, так сказать, в обрамлении дверного проема. Как только Сидней сделал к нему шаг, мистер Холт забился в конвульсиях, столь сильных, что ему пришлось прислониться к косяку, чтобы не упасть. Сидней остановился, не спуская с него взгляда. Припадок закончился так же неожиданно, как и начался; мистер Холт вновь застыл, совсем как за минуту до этого. Он замер в лихорадочном ожидании: подбородок поднят, голова запрокинута, взгляд вперен в потолок, лицо искажено той же жуткой гримасой, какую мы видели, когда вошли в дом. Мне показалось, что он очень напряженно вслушивается во что-то; мускулы его застыли, и он уподобился каменному изваянию. Вскоре неподвижность сменялась тем, что со стороны виделось беспричинным возбуждением.

— Я слышу! — вскричал он необыкновенно странным голосом. — Я иду!

Он словно говорил с кем-то далеким. Повернувшись, он направился к передней двери.

— Эй! — окликнул его Сидней. — Куда собрался?

Мы оба поспешили следом. Мистер Холт неловко тормошил засов, но не успели мы приблизиться, как дверь открылась и он вышел. Сидней бросился за ним, догнал на крыльце и схватил за руку.

— Это еще что за выходка такая?.. Куда это ты вознамерился отбыть?

Мистер Холт не соблаговолил обернуться и одарить его взглядом. Тем же сомнамбулическим, глухим и неестественным тоном — не спуская остекленевших глаз с какого-то явно удаленного объекта, видимого только ему одному, он произнес:

— Я иду к нему. Он меня зовет.

— Кто тебя зовет?

— Повелитель Жука.

Сложно сказать, по своей ли воле Сидней выпустил его руку. По-моему, мистер Холт сам выскользнул из его хватки. Выйдя за ограду и повернув направо, он зашагал туда, откуда мы только что пришли. Сидней смотрел на него в откровенном недоумении. Потом он заговорил со мной:

— Ну и ну!.. вот ведь положеньице!.. что нам теперь делать?

— Что с ним происходит? — спросила я. — Он сошел с ума?

— Если так, то безумие его весьма осмысленно. Он в том же состоянии, в котором я встретил его той ночью, когда он убегал из дома Апостола. — У Сиднея ужасная привычка называть Пола «Апостолом»; я не раз делала ему замечания, но он отказывался обращать внимание на мои слова. — Надо пойти за ним: не исключено, что именно сейчас он устремился навстречу нашему таинственному другу... Хотя, может, и нет; вполне вероятно, это не что иное, как трюк нашего приятеля-фокусника, и цель его — выманить нас и завести подальше от сего элегантного обиталища. Он уже дважды провел меня, третьего раза не будет — мне определенно не хочется, чтобы он вернулся и не застал меня здесь. Он вполне мог уловить намек и решить кануть в Ewigkeit¹, и тогда ключ к самой странной в моей жизни тайне исчезнет вместе с ним.

— Я могу остаться здесь, — сказала я.

— Вы?.. В одиночестве?

Он с сомнением посмотрел на меня, и было очевидно, что мое предложение пришлось ему не совсем по вкусу.

— Почему нет? А вы сразу же пришлете мне на помощь кого-нибудь, кто попадется вам по дороге — полицейского или извозчика. Я жалею, что мы отпустили наш кэб.

— Да, очень жаль. — Сидней прикусил губу. — Чертов идиот! Да еще как быстро уходит-то!

¹ Вечность (нем.).

Мистер Холт уже дошел чуть не до конца улицы.

— Если вы считаете, что за ним надо обязательно проследить, то идите. Не успеет он далеко отойти, как вам попадется кто-нибудь, кого можно послать сюда ко мне.

— Наверное, так я и сделаю... Вы готовы остаться здесь в одиночестве?

— А что такого?.. Я не ребенок.

Мистер Холт дошел до угла, завернул за него и скрылся из глаз. Сидней нетерпеливо хмыкнул.

— Нужно поспешить, иначе могу его упустить. Делаем, как говорите: посылаю вам первого, кого встречу, чтобы вы стерегли дом вместе.

— Вот и хорошо.

Сидней побежал следом за мистером Холтом, прокричав мне:

— Пяти минут не пройдет, как я кого-нибудь сюда пришлю!

Я помахала ему рукой, проводив взглядом до угла. Там он обернулся и тоже помахал мне. Затем исчез, как и мистер Холт до него.

Я осталась одна.

Глава 31

Ужас днем

Стоило Сиднею скрыться, как я чуть было не рассмеялась. С чего бы ему вдруг волноваться просто из-за того, что на несколько минут я окажусь единственной живой душой в пустующем доме — и это при свете дня! Тревога тут, мягко говоря, неуместна.

Я на несколько секунд задержалась у калитки и поразмышляла о том, что все-таки могло стать причиной странных поступков мистера Холта и с какой именно целью Сидней пустился следить за его передвижениями. Затем решила вернуться в дом. Как только я повернулась к нему, в голове возник иной вопрос: что, в конце концов, может связывать столь важного человека, как Пол Лессинхэм, с эксцентричным созданием, поселившимся в таком незавидном обиталище? Я плохо понимала суть рассказа мистера Холта, и внезапно мне пришло в голову во всем разобраться. Его история скорее напоминала невозможную околесицу и бред сумасшедшего, чем четкое изложение произошедшего в действительности. Честно говоря, я не думала, что Сидней воспримет ее настолько серьезно. Кажется, он в уловил в ней нечто откровенно ускользнувшее от меня. То, что мне виделось абракадаброй, было для него яснее ясного. Насколько я могла судить, он действительно имел наглость предположить, что Пол — мой Пол! — Пол Лессинхэм! — великий Пол Лессинхэм! — был втянут в самые темные похождения бедного, слабоумного, истеричного мистера Холта неким, не делающим ему чести, образом.

Конечно, одна мысль об этом представлялась чистойшей галиматейей.

Я никак не могла понять, что за навязчивая идея овладела Сиднеем. Но я отлично знала Пола. Дайте мне только встретиться лицом к лицу с этим странным виновником необычайных злоключений мистера Холта, и я, женщина,

своими лишь силами сумею показать всякому посмевавшему шутить с Полом Лессинхэмом, что он играет с огнем.

Я вернулась в легендарную комнату, куда, по его собственным словам, имел несчастье вломиться мистер Холт. Кто бы ни занимался ее меблировкой, понятия о современном жилье у него были оригинальные. Внутри не оказалось ни стола, ни стула, ни дивана; присесть было некуда, разве что на кровать. На полу лежал чудесный ковер, сотканный, как я рассудила, руками восточных мастеров. Был он до того толстый и мягкий, что нога ступала по нему, как по тысячелетнему мху. Цвета его поражали великолепием, а узор...

Рассмотрев, какой узор его покрывает, я неприятно удивилась.

Ковер испещряли жуки!

По всей его поверхности, на малом расстоянии друг от друга, были разбросаны изображения особого вида насекомого — одного и того же, опять и опять, снова и снова. Мастер впледел сей жуткий рисунок в основу и уток ткани с такой хитроумной искусностью, что при пристальном взгляде на ковер невольно хотелось спросить, не живые ли это создания.

Несмотря на мягкость ворса и — своеобразную! — виртуозность исполнения, я мгновенно решила, что столь отвратительного ковра мне видеть еще не случалось. Я покачала пальцем в воздухе, говоря «нет» повторяющимся изображениям ненавистного — мне! — насекомого.

«Заметь я вас до того, как ушел Сидней, вряд ли отпустила бы его так легко».

Мне стало невыносимо противно. Я попыталась встряхнуться: «Как тебе не стыдно, Марджори Линдон, даже думать о таком вздоре. Вся на нервах, воображение разыгралось — и это у тебя, так гордившейся своей рассудительностью! Славно же ты рвешься в бой... Они ведь ненастоящие!»

С большой неохотой я опустила ногу на одно из нарисованных созданий. Конечно, то были проделки моего воображения, но мне показалось, что из-под туфли раздался хлопающий звук. Это было омерзительно.

— Ну что ты! — подбодрила я себя вслух. — Так не пойдет! Как там говорит Сидней... ты вознамерилась строить из себя идиотку?

Я отвернулась к окну и поглядела на часы.

«Сиднея нет уже больше пяти минут. Он наверняка успел послать кого-нибудь мне для компании. Пойду, посмотрю, не появился ли кто».

Я направилась к калитке. На улице не было ни души. От этого меня охватило такое сильное чувство разочарования, что я растерялась, как мне быть дальше. Остаться на месте, во все глаза глядя, не прислал ли мне Сидней кого-нибудь, возможно, полицейского или извозчика, во временные компаньоны, казалось равносильным признанию себя простушкой; и в то же время я ощущала, что в дом мне возвращаться совсем не хочется.

Здравый смысл, или то, что я за него принимала, однако, одержал победу, и, прождав еще минут пять, я уговорила себя вернуться внутрь.

На сей раз, изо всех сил стараясь не обращать внимания на жуков на полу, я начала, удовлетворяя любопытство и занимая мысли, осматривать постель. Тут мне хватило одного поверхностного взгляда, чтобы понять, что казавшийся кроватью предмет мебели таковой не являлся; ведь если это и была кровать, то, конечно, не в британском, а в восточном смысле слова. У нее не оказалось спинки, к тому же целиком отсутствовал каркас. Передо мной высилась просто куча одеял и ковров, в беспорядке брошенных на пол. По-моему, их там было невероятное количество — всех стилей, и форм, и размеров, да и материалов тоже.

Сверху я увидела покрывало из белого шелка — высочайшего качества. Оно было огромно, но столь тонко, что его без усилий можно было бы, как говорится, пропустить сквозь обручальное кольцо. Я, насколько мне позволило свободное пространство, развернула покрывало перед собой. В середине обнаружила рисунок — вышитый или вытканый, разобрать мне никак не удавалось. Вдобавок, поначалу я не могла понять, что именно изобразил художник, настолько ослепительно и завораживающе блестели нити. Постепен-

но я сообразила, что яркие оттенки были языками пламени, и раз уж так, то надо заметить, что имитация огня получалась отнюдь не плохая. Затем пришло осознание, что передо мной изображение человеческого жертвоприношения. Его своеобразная реалистичность заставила содрогнуться.

Справа располагалась величественная фигура сидящей богини. Руки ее были скрещены на коленях, верхняя часть тела обнажена. Мне подумалось, не Исида ли это. На ее челе я заметила пестро окрашенного жука — того самого вездесущего жука! — ярким пятном застывшего на фоне ее медной кожи; насекомое было точно таким, как на ковре. Перед божеством горел огромный костер. В самом сердце пламени стоял алтарь. На алтаре сгорала заживо нагая белая женщина. Не приходилось сомневаться в том, что она была еще жива: сковывающие ее цепи давали некоторую свободу движения, и ее тело выгибалось и извивалось; глядя на ее позу, всякий с ужасом понял бы, что ее терзает агония: художник, без сомнения, приложил немало усилий, стараясь передать всю гамму боли, обрушившуюся на жертву.

«Глаз радуется, ей-Богу! Отделка помещения вопиет о прекрасном вкусе здешнего жильца! Человек, с удовольствием живущий в таком доме, особенно с таким вот покровом на постели, должен обладать своеобразными понятиями о домашнем уюте».

Я не отрывала взгляда от изображения, и вдруг мне показалось, что женщина на алтаре пошевелилась. Пусть это нелепо, но она будто свела руки и ноги вместе и чуть повернулась вбок.

«Да что ж это со мной? С ума схожу? Не может она двигаться!»

Если это делала не она, то все равно что-то происходило: изображение словно подбросило вверх. Мне пришла в голову одна мысль. Я отдернула покрывало в сторону.

Загадка объяснилась!

Из самой середины тряпичной горы тянулась тонкая, желтая, морщинистая рука: это она заставляла женщину на алтаре двигаться. Я недоуменно воззрилась на нее. За ла-

донью показалось предплечье, за предплечьем — плечо, за плечом — голова: даже в самых страшных кошмарах мне не являлось лица уродливее, ужаснее, отвратительнее. На меня уставились два исполненных злобой глаза.

Я вздрогнула, внезапно осознав, в какое положение я попала.

Сидней, последовав за мистером Холтом, погнался за химерой. Я осталась наедине с хозяином загадочного дома — главным героем удивительной истории мистера Холта. Все это время чудовище скрывалось под горой одеял.

Книга четвертая

ПОГОНЯ

Завершение истории взято из журнала исследований
Августа Чэмпнелла, частного детектива

Глава 32

Новый клиент

В пятницу, второго июня 18... года, я вносил в журнал некоторые заметки в связи с прелюбопытным делом о сейфе герцогини Дэтчетской. Было около двух часов дня. Вошел Эндрюс и положил на стол визитную карточку. На ней стояло: «Мистер Пол Лессинхэм».

— Попросите мистера Лессинхэма войти.

Эндрюс пригласил его в кабинет. Я знал, конечно, как выглядит мистер Пол Лессинхэм, но впервые встретился с ним лично. Он протянул мне руку.

— Вы мистер Чэмпнелл?

— Да.

— Кажется, я не имел чести видеть вас раньше, зато имел удовольствие быть знакомым с вашим отцом, графом Гленливетским.

Я поклонился. Он пристально посмотрел на меня, будто пытаюсь понять, что я за человек.

— Вы очень молоды, мистер Чэмпнелл.

— Говорят, одна знаменитость, часто обвиняемая в этом, как-то заметила, что молодость не обязательно преступление.

— Но вы выбрали особый род занятий — такой, в котором вряд ли есть место юности.

— Однако вы сами, мистер Лессинхэм, отнюдь не старик, тогда как считается, что политики должны быть убелены сединами... Предпочитаю думать, что я достаточно пожил для выполнения ваших поручений.

Он улыбнулся.

— Полагаю, это так. Мне неоднократно рассказывали о вас, мистер Чэмпнелл, и всегда только самое хорошее. Мой друг, сэр Джон Сеймур, буквально на днях говорил мне, что недавно вы с большим мастерством и тактом помогли ему с одним делом деликатнейшего свойства, и он горячо реко-

мендовал вас на случай, если вдруг и я попаду в затруднительное положение. Сейчас я нахожусь именно в таком положении.

Я опять поклонился.

— Это затруднение, кажется, довольно необычного сорта. Естественно, все, что я могу вам сейчас сказать, вы сохраните в тайне, совсем как отец-исповедник.

— Уверяю вас в этом.

— Хорошо... В таком случае, для прояснения ситуации, я должен начать с рассказа о случившемся... если позволите мне испытать этим ваше терпение. Я постараюсь быть не более многословным, чем того требуют обстоятельства.

Я предложил ему присесть, поставив стул так, чтобы свет, льющийся из окна, падал на лицо посетителя. Сохраняя абсолютное спокойствие, мистер Лессинхэм сделал вид, что не понял моего замысла, и переставил стул к другому краю стола, повернув его в обратную сторону. Теперь все было иначе: он сидел к свету спиной, а я — лицом. Положив ногу на ногу и сцепив руки на коленях, он на некоторое время застыл в молчании, как будто обдумывая что-то, потом окинул комнату взглядом.

— Полагаю, мистер Чэмпнелл, что в этих стенах не раз звучали весьма необычные истории.

— Да еще какие. Но необычность никогда не отпугивала меня. Я давно к ней привык.

— Тем не менее я готов поспорить, что настолько странного рассказа, как мой, вам слышать еще не доводилось. Та глава моей жизни, о которой я намерен поведать вам, воистину поразительна, и я не единожды пытался собрать и сложить происшествия с математической точностью, дабы заверить самого себя, что все здесь чистая правда.

Он умолк. В его поведении я уловил нежелание говорить дальше, нередко свойственное тем, кто собирается достать скелеты из шкафа и представить их на мое обозрение. Его следующее замечание, кажется, показало, что он догадался, какие мысли роятся у меня в голове:

— Мое положение не становится легче от того, что я не из разговорчивых по природе людей. Я не испытываю сим-

патии к современному поветрию выставлать себя напоказ, и придерживаюсь мнения, что личная жизнь даже у человека публичного должна оставаться в неприкосновенности. Мне бывает особенно горько и неприятно, когда любопытствующие пытаются влезть в области, которые, как я полагаю, являются исключительно моим делом. Так что вы, мистер Чэмпнелл, должны простить мне некоторую неловкость, с коей я открою перед вами определенные эпизоды из своей жизни, хотя ранее я надеялся схоронить их глубоко в тайниках моей души и унести с собой в могилу. Уверен, вы сможете принять как должное мое искреннее признание в том, что я вынужден сделать вас своим конфидентом исключительно под властью необоримого стечения обстоятельств.

— Мистер Лессинхэм, по опыту мне известно, что никто не приходит сюда по собственной воле. Люди относятся к визиту ко мне хуже, чем к посещению врача.

На его губах мелькнула холодная усмешка: было очевидно, что я для него гораздо хуже любого доктора. Вскоре он поведал мне самую поразительную историю — даже я такого еще не слышал. С каждой минутой я убеждался, как сильно и как естественно его нежелание говорить об этом. Вероятно, он отдал бы многое, лишь бы сохранить дело в тайне, хотя бы из-за того, что в его рассказ было нелегко поверить. Да и сам я, скажу честно, вряд ли поверил бы в нечто подобное, узнай я про это от какого-нибудь Тома, Дика или Гарри, а не от Пола Лессинхэма.

Глава 33

К чему привело подглядывание в окно

Поначалу рассказ его был отрывочен, с довольно длинными паузами. Постепенно голос крепчал. Слова полились быстрым потоком.

— Мне еще нет сорока. Поэтому, когда я говорю вам, что двадцать лет назад был сущим юнцом, я не грешу против истины. Я намерен поведать о событиях, произошедших два десятилетия тому назад.

Я потерял обоих родителей чуть не в отрочестве и после их кончины, необыкновенно рано для такого мальчишки, стал хозяином самому себе. У меня всегда был ум бунтаря, и, окончив школу, в зрелом возрасте восемнадцати лет я решил, что больше узнаю из путешествий, чем из пребывания в стенах университета. Итак, остановить меня было некому, и я, вместо Кембриджа или Оксфорда, поехал за границу. Несколько месяцев спустя я очутился в Египте — метался в лихорадке в каирском «Шеперд-отеле». Я подхватил болезнь, выпив зараженной воды в Пальмире, во время посещения тех мест с бедуинами.

Как-то вечером, когда мне стало лучше, я вышел в город в поисках развлечений. Без всякого сопровождения, я отправился в туземный квартал: не самый мудрый поступок, особенно в поздний час, но мудрость нечасто встречается у восемнадцатилетних, к тому же я до смерти устал от однообразия болезни и жаждал приправить жизнь приключениями; итак, я попал на некую улицу, и у меня есть все основания полагать, что она давно канула в Лету. Место носило французское название — рю де Рабагас: я видел табличку на углу, когда туда сворачивал, и теперь мне не стереть ее из памяти.

Улочка оказалась узкой, извилистой, темной и, конечно, грязной, более того, на момент моего появления там никого не было. Я, пожалуй, успел добраться до ее середины,

не раз при этом угодив ногой в канаву и не уставая поражаться, какая фантастическая прихоть занесла меня в такую дыру и что со мной будет, если — а это выглядело весьма вероятным! — я заблужусь. Вдруг мой слух уловил звуки музыки и пения, доносившиеся из ближайшего дома.

Я ненадолго остановился послушать.

Справа от меня было открытое окно, загороженное решетчатыми жалюзи. Звуки исходили из комнаты за ними. Кто-то пел, аккомпанируя себе на инструменте, похожем на гитару, — и пел необычайно хорошо.

Мистер Лессинхэм прервал рассказ. Кажется, на него нахлынула волна воспоминаний. Глаза подернулись мечтательной дымкой.

— Я помню все, словно это случилось лишь вчера. Невероятно отчетливо: грязная улочка, зловоние, блеклый свет, девичий голос, вдруг заполнивший пространство. Да, пела девушка: полнозвучно, и нежно, и сладко; такой голос редко услышишь, тем более в подобных местах. Это была модная песенка, которую тогда мурлыкало пол-Европы, — ариетта из оперы, шедшей в театрах парижских бульваров, «La P'tite Voyageuse»¹. Но меня она поразила как гром среди ясного неба. Я застыл на месте и дослушал ее до конца.

Не знаю, по какой причине любопытство так сильно подуживало меня, но когда песенка смолкла, я сдвинул жалюзи чуть в сторону, чтобы хоть краем глаза увидеть певицу. Внутри оказалось нечто схожее с кафе — из тех, что тогда наводнили Европу; такие заведения часто нанимали певиц для привлечения публики. В глубине комнаты устроили подобие невысокой сцены, на ней сидели три девушки. Одна из них, как я понял, только что закончила петь: в руках она продолжала держать музыкальный инструмент, вяло перебирая струны. Две других играли роль зрителей. Облачены они были в замысловатые наряды, какие обычно носят женщины в подобных местах. В углу сидела и вязала старуха — я принял ее за приставленную к девушкам дуэнью. Больше никого, кроме этих четверых, я не увидел.

¹ «Маленькая путешественница» (фр.)

Наверное, они слышали, как я дотронулся до жалюзи, или заметили движение: стоило мне бросить взгляд внутрь, как в ответ со сцены ко мне повернулись три пары глаз. Лишь старуха в углу не подала вида, что заметила мое присутствие. Секунду или две мы молча вглядывались друг в друга. Затем девушка с арфой — потому как инструмент в ее руках более походил на арфу, чем на гитару, — позвала меня: «Entrez, monsieur! Soye le bienvenu!»¹

Я немного устал. К тому же душу одолевало любопытство, что там такое: даже при первом, мимолетном взгляде маленькое кафе поражало воображение и едва ли могло сойти за обычное заведение. Скажу больше, я был не прочь послушать ариетту повторно или насладиться другой песней той же исполнительницы.

— Только, — ответил я, — если вы споете мне еще.

— Ах, месье, я с величайшим удовольствием спою вам еще двадцать разных песен.

Девушка была почти, если не так же, мила, как ее слова. Она принялась развлекать меня песнями. С уверенностью заявляю, что мне редко, быть может, никогда не доводилось слышать звуки столь же пленительные. Кажется, для нее не существовало языковых границ. Она пела по-французски и по-итальянски, по-немецки и по-английски, пела на совершенно незнакомых мне языках. Именно эти восточные мотивы удавались ей более всего. Неописуемо странные и будоражащие сердце, они лились с удивительной живостью и сладостью. Я сидел за одним из многочисленных столиков и зачарованно внимал певице.

Время пронеслось быстрее, чем я думал. Пока она пела, я медленно тянул какой-то напиток, принесенный дуэньей. Меня заворожили изумительные таланты певицы, и я не замечал, что именно я пью. Оглядываясь назад, могу лишь догадываться, что это было некое отравляющее зелье, состряпанное их собственными руками. Одна-единственная рюмка вызвала странное опьянение. Тогда я еще не вполне оправился от лихорадки, лишь недавно сотрясавшей ме-

¹ Входите, сударь! Добро пожаловать! (фр.)

ня, и, конечно, это не могло не сказаться на моем состоянии. Я по-прежнему сидел в зале, когда ощутил, что впадаю в оцепенение и не могу с ним бороться.

Вскоре певица закончила свой концерт, ее место заняли подруги, а она присоединилась ко мне за столиком. Взглянув на часы, я с удивлением обнаружил, что время совсем позднее, и собрался уходить. Она поймала меня за запястье: «Не спеши, — сказала она на ломаном английском с престранным акцентом. — С тобой все хорошо. Отдохни немного».

Вы будете смеяться, да я и сам бы посмеялся, услышь я подобное, но правда в том, что ее прикосновение оказало на меня воздействие, которое правильнее всего назвать магнетическим. Стоило ее пальцам сомкнуться на моей руке, как силы меня покинули, словно она сковала меня стальными цепями. То, что звучало приглашением, по сути было повелением. Хотел я того или нет, но уйти я не мог. Старуха подлила мне зелья, и по приказанию певицы я выпил его. Полагаю, после ее прикосновения я больше не вымолвил ни слова. Говорила одна она. И при этом ни на миг не сводила глаз с моего лица. Ах, эти глаза! Глаза дьявола. Уверю вас, воздействие их было колдовским. Они лишили меня сознания, силы воли, способности мыслить: я стал воском в ее руках. В памяти остался последний образ той роковой ночи — певица сидит передо мной, облокотившись о столешницу, и вытянутыми пальцами поглаживает мне запястье, глядя своими наводящими ужас глазами. А после словно занавес пал. Больше я ничего не помню.

Мистер Лессинхэм замолчал. Он оставался спокоен и довольно сдержан; и все-таки я мог заметить, что простое воспоминание о тех событиях всколыхнуло глубины его души. Это подтверждали ставшие резче морщины у рта и напряженное выражение глаз.

Его история, однако, показалась мне вполне обыденной. Современный Каир изобиловал описанными им заведениями — как много англичан, на свою беду, заглядывают в них! Мистер Лессинхэм славился тонким чутьем, не раз помогавшим ему на политической арене, и сразу догадался, ка-

кое направление приняли мои мысли.

— Вам уже приходилось слышать о таком?.. Без сомнения. И часто. Ловушкам нет числа, да и неосторожных болванов немало. Но самое необычное еще впереди. Вы должны простить мою медлительность и неуверенность. Мне очень хочется как можно нагляднее представить вам случившееся и при этом отсеять всякие подозрения в сгущении красок. В своем рассказе я стараюсь избегать крайностей, но боюсь, вам все равно покажется, что я преувеличиваю. Случай мой настолько уникален и так сильно выпадает из сферы привычного всем опыта, что даже самое сухое изложение фактов будет отдавать сенсационностью.

Как вы успели догадаться, когда сознание вернулось ко мне, я понял, что нахожусь в совершенно незнакомой обстановке. Обнаженный, я лежал на гряде ковров в углу зала с низким потолком. Само помещение, стоило мне разглядеть окружающее, повергло меня в изумление. Рядом со мной на коленях сидела Певица. Наклоняясь, она осыпала мои губы поцелуями. Нельзя описать, какой ужас и отвращение меня переполняли, когда ее рот прижимался к моему. Было в ней нечто столь неестественное, столь нечеловеческое, что клянусь, даже тогда я без малейших колебаний и угрызений совести раздавил бы ее, как мерзкое насекомое.

Я воскликнул:

— Где я?

— Теперь ты с детьми Исиды, — ответила она. Я не понял тогда и не знаю по сей день, о чем она говорила. — Ты в руках великой богини, матери всех людей.

— Как я сюда попал?

— Благодаря любящей доброте великой матери.

Конечно, я не утверждаю, что передаю ее речь дословно, но говорила она примерно так.

Приподнявшись на коврах, я огляделся — и поразился увиденному.

Зал, где я находился, со стенами отнюдь не высокими, казался едва ли не огромным, и мне никак не удавалось понять, внутри какого здания он мог размещаться. Потолок и стены — из голого камня, будто весь зал был высечен из

скальной породы. Ароматы странных благовоний наполняли этот зал, показавшийся мне храмом. В центре стоял алтарь, изваянный из цельного валуна. На нем плясали бледно-голубые языки пламени: несомненно, поднимавшийся с алтаря дым и был источником поразивших меня запахов. За алтарем стояла огромная, гораздо выше человеческого роста, бронзовая статуя в виде сидящей женщины. Хотя прежде, впрочем, как и с тех пор, мне ни разу не доводилось видеть фигуру Исиды, я позднее пришел к выводу, что это была именно она. На лбу статуи расположился жук. Я понял, что он настоящий: пока я его рассматривал, он дернул крыльями.

Жук на челе богини был единственным живым насекомым в зале, однако храм кишел его изображениями. Я видел их на камнях потолка и в отливающих огненными красками вышитых занавесях, там и тут закрывающих стены. Повсюду мой взор встречал скарабеев. Это воистину поражало. Мир виделся будто в кривом зеркале кошмарного сна. Я спросил себя, наяву ли все это, не является ли мое бодрствование только лишь иллюзией, вправду ли я очнулся.

И сейчас, мистер Чэмпнелл, мне хотелось бы заострить внимание на одном моменте, особо его подчеркнув: не забывайте, что я не готов с уверенностью утверждать, какая доля моих злоключений в этом необычном и жутком месте произошла в действительности и что было порождено воспаленным воображением. Пребывая я в убеждении, что все виденное мной тогда случилось на самом деле, я давным-давно разомкнул бы уста, не думая о последствиях. Но в tomto и загвоздка. События оказались настолько невероятными, а мое состояние таким ненормальным — ведь с самого начала и до последней минуты я был сам не свой, — что я сомневался в тот час и по-прежнему сомневаюсь, где проходила грань между домыслом и фактом.

Смутно надеясь удостовериться, не сон ли это, я попытался подняться с горы ковров, на которой возлежал. Однако женщина у моего одра легко опустила руку мне на грудь. Брось она, вместо этого мягкого прикосновения, на меня тонну железа, вряд ли бы что изменилось. Я рухнул на по-

стель и лежал там, хватая ртом воздух и гадая, не пересек ли я рубеж меж разумом и безумием.

— Дай мне встать!.. позволь уйти! — прохрипел я.

— Нет уж, — проворковала она, — останься еще чуть-чуть, о, возлюбленный.

Она опять меня поцеловала.

И вновь мистер Лессинхэм помедлил. По его телу пробежала дрожь. Напрасно он прилагал усилия, стремясь сохранить самообладание: лицо его исказила страдальческая гримаса. Несколько секунд он пытался найти слова для продолжения рассказа.

Когда ему наконец удалось заговорить, голос его зазвучал надтреснуто и нервно:

— Мне представляется совершенно невозможным описать, как тошнотворны были поцелуи той женщины. Они наполняли меня невероятным отвращением. Я вспоминаю их, содрогаясь телесно, умственно и душевно, хотя с той поры миновало двадцать лет. Самым кошмарным было то, что мне никак не удавалось оказать хотя бы малейшее сопротивление ее ласкам. Я лежал как бревно. Она делала со мной, что хотела, а я терзался в немой агонии.

Мистер Лессинхэм достал из кармана носовой платок и вытер им со лба выступивший, несмотря на прохладный день, пот.

— Подробный рассказ о случившемся во время моего вынужденного пребывания в том жутком месте выше моих сил. Не рискну даже заговорить об этом. Сама попытка рассказать, решишь я на нее, оказалась бы тщетной и слишком болезненной для меня. Я смотрел на происходящее вокруг словно сквозь мутное стекло, искажающее действительность. Как я успел отметить, взор мой был затуманен и все казалось чересчур странным и слишком чудовищным, чтобы являться правдой.

Только позднее, когда у меня появилась возможность сличить даты, я выяснил, сколько времени провел взаперти. Меня не выпускали из того ужасного логова больше двух месяцев — двух неописуемых месяцев. И все это время перед моим помутившимся взглядом мелькала фантазма-

гория призрачных фигур, которые постоянно приходили, уходили и возвращались обратно. Полагаю, то было место некоего религиозного служения, а его центром являлись алтарь и бронзовая статуя с жуком на челе. Более того, проводились церемонии не только с поражающей воображение сложностью тайных обрядов, но, если моей памяти стоит хоть немного доверять, перерастали в вакханалию невыразимых ужасов. Я был свидетелем таких кошмаров, что мозг мой трепещет и разрывается при одной мысли о них.

Воистину, то был культ мерзкого божества, и эти отвратительные создания воздавали ему гнуснейшие почести, с которыми связаны мои самые страшные воспоминания. Возможно, все это мне привиделось в полубреду — я даже надеюсь на это, — но, по-моему, там приносились человеческие жертвы.

Стоило мистеру Лессинхэму это произнести, как я наострил уши. По собственным соображениям, которые откроются чуть позже, я гадал, скажет он о человеческих жертвоприношениях или нет. Он заметил мой интерес — однако неверно истолковал его причину.

— Я видел, как вы вздрогнули, что неудивительно. Но повторюсь: взор мой был замутнен необычайным состоянием двойного видения, и я возблагодарю Господа, если окажется, что подобные деяния породила иллюзорность сна!.. Я не раз наблюдал, как на каменный алтарь возлагали человеческую жертву, по всей вероятности, мрачному истукану, с высоты своего роста взирающему на огонь. И, если я не ошибаюсь, в каждом случае в жертву приносилась женщина, обнаженная, белая, как вы или я; и прежде чем предать огню, ее подвергали всякого рода мерзостям, кои способны измыслить одни лишь демоны. Не раз доводилось мне слышать крики несчастных, звенящие в воздухе и перемешанные с торжествующими возгласами обезумевших убийц и мелодиями арф.

Именно одна из таких душераздирающих сцен придала мне сил, мужества или безумия, и я, сам не знаю как, порвал связывающие мое тело и разум путы; но даже сброшенные, они до сего часа преследуют меня.

Приносилась жертва богине, если, конечно, все происходящее не было просто моим сном. Издевались над женщиной — юной, если верить моим воспоминаниям, красавицей-англичанкой — а потом сожгли ее заживо. Я же беспомощно лежал и смотрел на это. Обряд завершился. Собравшиеся отведали пепел жертвы и ушли. Я остался наедине с Певницей, которая, как я понял, была хранительницей этой, с позволения сказать, адской бойни. Как обычно, после оргии она казалась скорее дьяволицей, чем человеком — оьяненная безрассудной яростью, бредящая адскими желаниями. Когда она приблизилась ко мне со своими богопротивными ласками, я вдруг ощутил нечто, чего не ощущал в ее присутствии ранее. Как будто что-то исчезло — пропал груз, давивший на меня, оковы, мешавшие двигаться. Внезапно меня охватило чувство свободы; я понял, что в моих венах течет моя собственная кровь и я вновь стал хозяином самому себе.

Могу лишь предположить, что все те недели она держала меня в состоянии гипнотического оцепенения. Воспользовавшись моей слабостью, оставшейся после лихорадки, она колдовскими чарами не позволяла мне очнуться от магнетического сна. Сейчас, по какой-то причине, путы ослабли. Возможно, погрузившись в религиозное служение, она забыла затянуть их. В любом случае, теперь, подойдя ко мне, она приблизилась к человеку, к мужчине, который впервые за много дней овладел собой. Сама она откровенно не подзревала ни о чем подобном. Она наклонялась все ниже и ниже, ничуть не сознавая, что я уже не то бесхребетное и незащитное существо, каким она меня сделала.

Она склонилась, намереваясь прижать свой рот к моему, и поняла все, едва коснувшись меня. В этот миг вся скопившаяся ярость, тлевшая в моей груди в течение тяжелых, мучительных часов, разгорелась чистым пламенем. Соскочив с тряпичного одра, я впился руками ей в горло — и она ощутила, что я проснулся. Затем она попыталась натянуть поводок, который столь неосмотрительно ослабила. Она смотрела мне в лицо исполненными злобой глазами. Я знал, что она прилагает все силы, чтобы вновь обманом лишить

меня мужественности. Но я сражался с ней как одержимый, и я одолел ее — можно выразиться и так. Пальцами обеих рук, как железными тисками, я сжал ее горло. Я не сомневался, что на кону больше, чем моя жизнь, что все может обернуться против меня, что я сражаюсь на смерть: мою волю к победе было уже не удержать.

Я давил на ее горло все сильнее и сильнее, не страшась ее убить... но вдруг...

Мистер Лессинхэм замолчал. Он глядел в пустоту остекленевшими глазами, точно все, о чем он рассказывал, разыгрывалось прямо перед ним. Голос начал изменять ему. Мне подумалось, что он уже не продолжит. Однако, собравшись с силами, он заговорил вновь:

— Но вдруг я почувствовал, как она ускользает из моей хватки. И совершенно неожиданно, в одно мгновение, женщина пропала, а перед собой, там, где она только что была, я увидел чудовищного жука — огромное живое насекомое из дикого кошмара.

Сначала мы с этим созданием были одного роста. Но пока я, остолебнев от изумления — что, как вы понимаете, неудивительно — смотрел на него, оно буквально на глазах начало уменьшаться. Я не стал наблюдать за этим процессом в подробностях; как сумасшедший в бреду, я со всех ног бросился прочь, будто за мной гнались все черти ада.

Глава 34

Двадцать лет спустя

— Затрудняюсь сказать, как мне удалось выбраться наружу: не знаю сам. Смутно помню, что бежал по сводчатым проходам и бесконечным коридорам, то и дело отталкивая людей, пытающихся меня остановить... дальше пустота.

Когда я опять очнулся, то лежал в доме американского миссионера по фамилии Клементс. Меня нашли рано утром, полностью обнаженного, на каирской улице и приняли за мертвого. Судя по всему, я бродил всю ночь напролет и прошел не одну милю. Никто не знал, откуда я появился и куда направлялся; впрочем, мне это тоже было неизвестно. Несколько недель я метался между жизнью и смертью. Нельзя описать словами доброту мистера и миссис Клементс. Меня, беспомощного и покалеченного чужака без гроша в кармане, принесли к ним, и они заботились обо мне — не ожидая земных наград. Лжет тот, кто утверждает, что под солнцем нет христианских добродетелей. Мне не было суждено отплатить за все, что для меня сделали те люди. Прежде чем я опять встал на ноги и был готов предложить им подобающее свидетельство своей благодарности, миссис Клементс утонула во время прогулки по Нилу, а ее супруг отправился с миссией в Центральную Африку, откуда так и не вернулся.

Хотя, пусть и не в полной мере, ко мне возвратилось физическое здоровье, я, покинув гостеприимный кров Клементсов, многие месяцы оставался в состоянии, которое сложно назвать вменяемостью. Я страдал от особой формы афазии¹. Днями не произносил ни слова и часто не мог ничего вспомнить... не помнил даже собственного имени. Ко-

¹ Афазия — локальное нарушение речи.

гда это наконец прошло и я начал чувствовать себя с обычными людьми более свободно, я все равно долгие годы оставался лишь тенью себя прежнего. Меня посещали, в любое время суток, пугающие... не знаю, могу ли я сказать «видения»: мне они казались реальностью, но поскольку их видел только я, вероятно, стоит описывать это именно так. Те видения неизменно повергали меня в крайний ужас, и я даже не мог притвориться, что способен им сопротивляться. Они так сильно отравили мое существование, что я добровольно отдал себя в руки специалиста-психопатолога. Довольно длительное время он постоянно наблюдал за мной, но мои приступы остались для него столь же необъяснимы, как и для меня.

Тем не менее, видения постепенно начали являться мне все реже, пока наконец я не польстил себе мыслью, что вновь стал таким же, как люди вокруг. Немного погодя я решил, для полной в том уверенности, заняться политикой. С тех самых пор я живу, как говорится, у всех на глазах. У меня отсутствует частная жизнь в любом ее понимании.

Мистер Лессинхэм умолк. История его оказалась небезынтересной, более того, весьма любопытной. Но я по-прежнему терялся в догадках, при чем тут я и с какой целью он ко мне обратился. Он продолжал молчать, будто успел объяснить, в чем дело, и я задал вопрос сам:

— Полагаю, мистер Лессинхэм, что ваш рассказ был предлюдией к настоящей пьесе? Ибо пока я не понимаю, какова моя роль в ней.

Он помолчал еще несколько секунд. Затем заговорил голосом мрачным и угрюмым, словно на его душе лежал скорбный груз:

— К несчастью, как вы успели заметить, все это оказалось только прологом к пьесе. Не будь это так, вряд ли бы мне столь насущно понадобились услуги частного детектива, то есть человека опытного и светского, от природы наделенного исключительной проницательностью, чьим способностям и чести я могу довериться без оглядки.

Я улыбнулся столь отточенному комплименту.

— Надеюсь, вы меня не переоцениваете.

— Я тоже — и мне это не менее важно, чем вам. Я слышал о вас много хорошего. Если кому-нибудь доводилось когда-либо нуждаться во всех перечисленных мной качествах вкупе с чутьем, то, конечно, я и есть такой человек.

Его слова возбудили мое любопытство. Я почувствовал, что интерес мой возрос.

— Я сделаю для вас все, что в моих силах. Все, что только возможно. Вы должны лишь испытать меня.

— Хорошо. Сделаем это прямо сейчас.

Он окинул меня долгим серьезным взглядом. Затем наклонился вперед и сказал, кажется, невольно понизив голос:

— Дело в том, мистер Чэмпнелл, что совсем недавно произошли некоторые события, способные послужить мостом через двадцатилетнюю пропасть, и теперь я могу опять очутиться лицом к лицу с моим проклятым прошлым. В данный момент мне угрожает прямая опасность вновь стать несчастной жертвой, каковой я являлся, пока не сбежал из дьявольской обители. Я пришел просить вас защитить меня. Я хочу, чтобы вы распутали адское вервие, грозящее утянуть меня в преисподнюю, а потом — безвозвратно, если будет на то воля Божья! — разорвали его.

— Объяснитесь.

Честно говоря, на какое-то мгновение я подумал, не сошел ли он с ума. Мистер Лессингхэм продолжал:

— Три недели назад, вернувшись поздно вечером домой с заседания Палаты общин, я обнаружил на письменном столе листок бумаги с изображением — удивительно точным! — того существа, в которое, как мне показалось, обратилась Певица, когда я сомкнул руки на ее горле. Единственный взгляд на рисунок породил один из тех странных приступов, о которых я вам рассказывал. А я так надеялся, что они больше не вернуться... Безумный страх сотряс меня, повергнув мое тело и разум в состояние, близкое к параличу.

— Но почему?

— Трудно сказать. Знаю лишь, что никогда не позволял себе вспоминать ту последнюю кошмарную сцену, ибо от одной мысли о ней я мог сойти с ума.

— Так что вы нашли на столе — просто рисунок?

— Это было изображение, не знаю, как и чем сделанное, однако изумительно, с инфернальной точностью повторяющее оригинал. На какое-то мгновение мне даже померещилось, что на моем столе живая тварь.

— Кто подбросил вам рисунок?

— Именно это я хочу выяснить с вашей помощью... более того, поручаю вам немедленно приступить к делу. Я находил такие рисунки на своем рабочем столе трижды, при одних и тех же обстоятельствах, и всякий раз они оказывали на меня одинаково жуткое воздействие.

— То есть в те вечера, когда вы поздно возвращались домой из Парламента?

— Точно так.

— А где же упомянутые — как бы их назвать — подобию?

— И вновь у меня нет ответа.

— Что вы имеете в виду?

— То, что сказал. Стоило мне взять себя в руки, как они исчезали.

— Исчезал листок вместе с рисунком?

— По-видимому... хотя и здесь мне трудно что-либо утверждать. Понимаете, мой стол обычно завален всяческими бумагами, и я не могу быть уверен, что рисунок не появлялся на одном из этих листов. Само подобие, используя ваш термин, разумеется, исчезало.

Я начал подозревать, что случай скорее медицинский, чем относящийся к моей сфере деятельности. И указал на это:

— Не считаете ли вы вероятным, мистер Лессинхэм, что вы переутомились... слишком сильно напрягали свой мозг... и в результате пали жертвой зрительных галлюцинаций?

— Я тоже думал об этом; скажу больше, я почти надеялся, что это так. Но подождите, дайте мне закончить. Тогда вы убедитесь, что такая возможность исключается.

Кажется, он вспоминал все по порядку, намеренно сохраняя холодность. Он словно пытался, вопреки необычности событий, удивить меня точностью и непредвзятостью каждого слова, произносимого им.

— Позавчера, вернувшись в свой кабинет, я обнаружил

там постороннего.

— Постороннего?

— Да... Иначе говоря, вора.

— Вора?.. Понимаю... Продолжайте.

Он помедлил. Его поведение становилось все более странным.

— Когда я вошел, он пытался взломать мое бюро. Вряд ли надо упоминать, что я попытался схватить его. Но... не мог.

— Не могли?... Вы хотите сказать, не смогли?

— Я хотел сказать то, что сказал. Вы должны понять: передо мной стоял не обычный преступник. Не знаю, какой он был национальности. Он произнес всего одно слово, и оно, без сомнения, было английским, но больше я ничего от него не услышал. На нем не было ни шляпы, ни обуви. Единственным его одеянием был длинный темный широкий плащ — и, когда плащ распахивался, мелькали голые руки и ноги.

— Любопытный наряд для грабителя.

— Стоило мне его увидеть, как я понял, что он некоторым образом связан с происшествием на рю де Рабагас. Все, что он говорил и делал, служило тому подтверждением.

— Что он делал и говорил?

— Когда я подошел поближе, намереваясь его скрутить, он громко произнес то самое слово, и оно вызвало в памяти жуткую сцену, от мыслей о которой, хотя я гоню их прочь, мне не избавиться. Одно лишь его звучание повергло меня в дрожь.

— Что это было за слово?

Мистер Лессинхэм открыл рот — и тут же захлопнул его. Выражение его лица резко изменилось. Взгляд застыл и остекленел, подобно пустому взгляду сомнамбулы. На секунду я испугался, решив, что мой гость собрался показать мне, как происходят «видения», о которых я уже был наслышан. Я поднялся, собираясь предложить помощь. Он отстранил меня.

— Благодарю... Сейчас это пройдет.

Голос его был сухим и надтреснутым — утерявшим привычную мелодичность. После напряженного молчания мистер Лессинхэм сумел продолжить:

— Сами видите, мистер Чэмпнелл, какой разнесчастной тряпкой я становлюсь при малейшем упоминании о предмете. Я не могу повторить слово, произнесенное незнакомцем, не могу даже его написать. По некой непостижимой причине оно воздействует на меня совсем как ведьмовские чары или заклинания в сказках.

— Полагаю, мистер Лессинхэм, что ваш таинственный вор, конечно, не был оптическим обманом?

— Наверняка. Его присутствие подтвердили слуги.

— Они его видели?

— Некоторые — да. Еще одним доказательством было бюро. Тот тип расколол его крышку надвое. Когда я решил проверить, все ли там на месте, обнаружилось, что пропала связка писем. Это были письма от мисс Линдон, от леди, которую я мечтаю видеть своей женой. Это, безусловно, тоже должно храниться в тайне.

— Зачем они могли ему понадобиться?

— Если все обстоит так, как я опасаюсь, с помощью этих писем он способен очень сильно навредить. Будь причиной всех этих событий, по прошествии стольких лет, слепая месть, то из них станет ясно, что значит для меня эта девушка, и мисс Линдон могут причинить зло — или, по меньшей мере, отравить ее разум.

— Понимаю... Каким образом исчез вор... не растворился ли он в воздухе, как те «подобия»?

— Его бегство было более прозаичным: он предпочел выскочить из окна гостиной и спуститься на улицу по решетке веранды, а внизу он угодил в руки некоего человека.

— В чьи — неужели полицейского?

— Нет, в руки мистера Атертона... Сиднея Атертона.

— Изобретателя?

— Точно... Вы с ним знакомы?

— Да. Мы с Сиднеем Атертоном давнишние друзья... Но Атертон, должно быть, видел, откуда взялся тот тип; если ваш незнакомец, как вы описали, выскочил практически

без одежды, почему он не остановил вора?

— У мистера Атертона, должно быть, имелись свои соображения. Он не остановил его, впрочем, насколько я понял, он и не собирался его задерживать. Он поступил иначе: постучался ко мне в дом и доложил, что видел, как из моего окна вылез человек.

— Я, конечно, знаю, что временами Атертон склонен к чудачествам, однако ваш рассказ все равно выходит из ряда вон.

— Честно говоря, мистер Чэмпнелл, если бы не мистер Атертон, вряд ли я бы к вам обратился даже сейчас. То, что вы, оказывается, с ним знакомы, облегчает дело.

С проворством, которого я ранее в нем не замечал, он подвинул свой стул поближе к моему. По какой-то непостижимой для меня причине упоминание имени Атертона заставило его оживиться. Однако мне не пришлось долго теряться в догадках. Полдюжины фраз, последовавших далее, пролили больше света на причины его визита ко мне, чем весь предыдущий рассказ. Да и вел он себя теперь как человек деловой и не тратящий слов даром. Передо мной впервые за нашу встречу предстал политик — внимательный, умный, готовый к действию, такой, каким его знал весь мир.

— Мистер Атертон, как и я, претендует на руку мисс Линдон. Из-за того, что я преуспел там, где он потерпел поражение, он предпочитает злиться. Кажется, ему довелось переговорить с моим ночным гостем или каким-то его знакомым, и сейчас он желает использовать то, что тогда разузнал, против меня лично. Я только что виделся с мистером Атертоном. Из тех намеков, которые он обронил при нашей встрече, я понял, что буквально несколько часов назад он говорил с кем-то, кто был неким образом связан с той неизгладимой полосой моей жизни, и этот некто поделился с ним так называемыми откровениями, но они есть не что иное, как наглая ложь; итак, мистер Атертон пространно грозился передать мисс Линдон эти самые откровения. Мне бы хотелось избежать подобной неприятности. Я более не сомневаюсь, что в данный момент в Лондоне на-

ходится лазутчик из притона с канувшей в забвение рю де Рабагас; могу даже предположить, что здесь действует Певица. Пока я не стану утверждать, затеян ли этот приезд с одной-единственной целью — навредить мне; тем не менее, совершенно ясно, что, так или иначе, мне хотят зла. По-моему, мистер Атертон гораздо полнее, чем хочет показать, осведомлен о личности моего недоброжелателя и его намерениях. Таким образом, я поручаю вам убедиться, правда ли это, выяснить, кто меня преследует и где *она* — или он — находится, а также вывести ее или его на чистую воду. Буду краток: я хочу вашей полной защиты от врага, угрожающего вновь умственно и физически поработить меня... разрушить мой разум, мою карьеру, мою жизнь, все, что у меня есть.

— Что заставило вас подозревать, будто мистер Атертон знаком с вашим недругом... он сам вам рассказал?

— Да... практически.

— Я отлично знаю Атертона. Нередко, в припадке возбуждения, он бывает несдержан на язык, но обычно дальше слов он не заходит. Я считаю, что он совсем не тот человек, чтобы преднамеренно клеветать на кого-то при любых обстоятельствах. Если я отправлюсь к нему, вооруженный вашим разрешением действовать, и объясню серьезность положения — а я приложу к этому все усилия, — то он сам, без всякого принуждения, наверняка расскажет все, что ему известно о вашем таинственном враге.

— Тогда поспешите к нему.

— Хорошо. Я готов. О результатах сообщу позже.

Не успел я встать, как в приемную перед моим кабинетом с криком и топотом вбежал человек. Я отчетливо услышал два голоса — его и Эндрю; мой помощник разразился чередой увещаний. Однако все уговоры не входить остались втуне; мгновение спустя дверь в мои личные владения с грохотом распахнулась. В комнату влетел мистер Сидней Атертон собственной персоной, и стало ясно, что он пребывает в том нередком «припадке возбуждения», о каких я недавно упоминал.

Глава 35

Гонец с дурной вестью

Атертон не стал разбираться, кто находится в кабинете: даже не удосужившись перевести дыхание, он по своему обыкновению мгновенно поднял крик:

— Чэмпнелл!.. Слава Богу, ты на месте!.. Ты мне нужен!.. Срочно!.. Не надо слов, хватай шляпу и понесись со всех ног — подробности расскажу в кэбе.

Я попытался обратить его внимание на присутствие мистера Лессинхэма — напрасно.

— Дружище...

Только я это сказал, как он меня перебил:

— Отставить «дружищ»!.. Рот на замок! И никаких уверток! Мне плевать, даже если у тебя здесь сама королева: вернется потом. Да где эта распроклятая шляпа... или ты поедешь без нее? Разве я тебе не сказал, что каждая секунда промедления смерти подобна?.. Мне тебя что, на улицу за волосы тащить?

— Такие крутые меры применять не заставлю, все равно я сейчас собирался к тебе. Мне просто хотелось указать, что я здесь не один... У меня мистер Лессинхэм.

В этой бестолковой суматохе мистер Лессинхэм остался незамеченным. Но теперь, когда мне наконец удалось привлечь внимание к моему клиенту, Атертон вздрогнул, повернулся и бросил на Лессинхэма убийственный взгляд.

— Ага!.. Так и вы тут, да?.. Какого черта сюда заявились?

Не успел Лессинхэм раскрыть рот в ответ на столь бесцеремонное приветствие, как Атертон подскочил к нему и схватил за руку.

— Вы ее видели?

Лессинхэм, пришедший от такого поразительного поведения в понятное замешательство, с откровенным изумлением воззрился на него.

- Кого видел?
- Марджори Линдон!
- Марджори Линдон?

Лессинхэм помолчал, пытаясь понять, что означает сей вопрос.

— Я не видел Марджори Линдон со вчерашнего вечера. Почему вы спрашиваете?

— Господи, помогите нам!.. Клянусь жизнью, я боюсь, что он, она или оно ее заполучили!

Высказывание прозвучало достаточно невнятно, и я заметил, что мистер Лессинхэм решил потребовать более пространный объяснения:

— Что вы имеете в виду, сэр?

— То, что говорю: не исключено, что эта ваша подружка — если, конечно, не друг — с Востока заполучила ее в свои когти; черт его знает, какого пола это ведьмовское отродье.

— Атертон!.. Объяснитесь! — Неожиданно в голосе Лессинхэма зазвенела сталь. — Если с ней что-то случится, я перережу себе горло — и вам тоже!

Последовавший за этим выпад удивил меня, а Атертона и подавно. Лессинхэм, подобно тигру, набросился на Сиднея и схватил его за горло.

— Ах ты... скотина! В какую такую мерзкую глупость ты вляпался? Да если с ее головы упадет хоть волосок, я оборву с твоей все!.. Гадливый, пронырливый, ревнивый дурак!

Он затряс Сиднея, как крысу, а затем отшвырнул прочь головой вперед. Больше всего эта сцена напомнила мне разговор Отелло с Яго. Ни разу в жизни я не видел, чтобы ярость так преображала человека. Лессинхэм будто сделался выше ростом. Он, как воплощение возмездия, стоял над распростертым Сиднеем, пылая гневом.

Атертон, как я понял, скорее удивился, чем пострадал. Секунду или две он тихо лежал у ног Лессинхэма. Затем, подняв голову, взглянул на нападавшего.

Потом встал и встряхнулся, словно проверяя, все ли кости целы. Обими руками потрогал себя за шею, немного ее потерев. И улыбнулся:

— Господи, Лессинхэм, да ты решительнее, чем я думал. Все-таки ты оказался мужчиной. Да и хватка у тебя та еще — чуть шею мне не сломал. Когда все закончится, я бы встретился с тобой на ринге, там бы и выяснили, кто сильнее. Что ты нашел в этой политике... Черт, приятель, дай я пожму тебе руку!

Лессинхэм руки не протянул. Атертон сам схватил ее — и сердечно потряс обеими руками.

Стоило первому приступу гнева миновать, как Лессинхэм вновь стал суровым и серьезным.

— Будьте любезны, оставьте ваши шуточки, мистер Атертон. Если вы говорите правду и существо, на которое вы намекаете, заполучило мисс Линдон, тогда женщине, которую я люблю — и которую, якобы, любите вы! — грозит не только опасность встретить ужасную смерть, но нечто гораздо худшее.

— Ну уж дудки! — Атертон устремился в моем направлении. — Чэмпинелл, нашел ты наконец свою проклятую шляпу? Не стой, как портновский болван, не испытывай мое терпение — пошли! Я все расскажу тебе в кэбе... А вы, Лессинхэм, ежели пожелаете к нам присоединиться, тоже все узнаете.

Глава 36

В чем состояла весть

Ехать втроем в хэнсоне¹, при любых обстоятельствах, не самый удобный способ передвижения, а если вдруг одним из троицы окажется Сидней Атертон в «припадке возбуждения», то пиши пропало, в чем мы с мистером Лессинхэмом вскоре не преминули убедиться. Сидней то оказывался на моих коленях, то на его, к тому же многократно или, неожиданно вскочив с места, чуть не обрушивался на спину лошади либо едва не выпадал из экипажа. Неистово жестикулируя, он сперва сбил шляпу с меня, потом с Лессинхэма, затем с собственной головы и наконец все три единым махом, а один раз, когда его шляпа покатилась в грязь, спрыгнул за ней на дорогу, не потрудившись предупредить возницу о своем намерении. Повернувшись к Лессинхэму, он заехал мне локтем в глаз; обратившись ко мне, засветил в глаз Лессинхэму. Ни на единую секунду он не переставал ерзать и дергаться, держа нас в напряжении. Оставалось поражаться, как эти его непрерывные гимнастические экзерсисы не привлекли особого внимания публики и не соблазнили полицейских хотя бы на минуту прервать наш путь. Не нуждайся мы столь остро во времени, я бы настоял на том, чтобы нанять для нашей экспедиции кэб попросторнее, на четырех колесах.

Лессинхэм, по-видимому, понимал причины подобного волнения гораздо лучше меня. Мне с огромным трудом приходилось складывать воедино разрозненные фрагменты мозаики. Постепенно я пришел к более или менее ясному представлению о том, что случилось в действительности.

¹ Хэнсом, или хэнсомовский кэб — двухместный двухколесный экипаж, в котором кучер располагался сзади на сиденье, возвышавшемся над купе.

Атертон первым делом обратился к Лессинхэму, угодив при этом локтем мне в глаз:

— Марджори вам рассказала, кого она нашла на улице? — Он потянулся вверх, приоткрывая створку в окошке между нами и возницей, и моя шляпа полетела с головы. — Гони, извозчик!.. не жалея лошадь!.. надо будет, я тебе новую куплю!

Мы и так неслись гораздо быстрее, чем позволял закон, но это, кажется, его совершенно не беспокоило. Лессинхэм ответил на вопрос:

— Не говорила.

— Помните вора, что в ту ночь выскочил у вас из гостиной?

— Да.

— Так вот, Марджори обнаружила его на следующее утро под окнами своей столовой — посреди дороги. Кажется, он пробродил всю ночь — голый, под дождем, по грязи, сами понимаете, — в состоянии гипнотического транса.

— И кто же этот... джентльмен, о котором идет речь?

— Говорит, что его зовут Холт, Роберт Холт.

— Холт?.. Он англичанин?

— Именно... просиживал штаны за конторкой в Сити¹... потерял все! Вышвырнули даже из ночлежки... на порог не пустили... вроде как там мест не было... бедняга! Вот до чего вы, политики, людей доводите!

— Уверены?

— В чем?

— В том, что этот самый Роберт Холт и есть тот человек, что выпрыгнул из окна моей гостиной?

— Еще бы!.. Конечно, уверен!.. Будто я его не узнал!.. К тому же он сам обо всем поведал... сам признался... именно поэтому мы в Хаммерсмит торопимся.

— Не забывайте, мистер Атертон, что я совершенно не понимаю, о чем идет речь. Какое отношение этот человек, Холт, имеет к нашей поездке?

¹ Сити — исторический район в центре Лондона, центр деловой и финансовой жизни.

— Разве я не к этому веду? Если бы вы не вмешивались в мой рассказ, я бы уже до этого добрался, но вы то и дело перебиваете; вот как, спрашиваю я вас, Чэмпнеллу понять, что к чему в этом деле, если вы не даете мне слова вставить?.. Марджори приютила нищего... он ей все рассказал... она послала за мной... буквально тут же; я как раз от Доры Грейлинг выходил, мы с ней обедали. Холт опять завел свои рассказы... я неладное учуял... сообразил, что, наверное, есть связь между тем мошенником, что пытался мне свои проклятущие фокусы-покусы показывать, и этим типом неподалеку от ночлежки...

— Что еще за тип?

— Да товарищ Холта... я про него не рассказал? Так-то, сами виноваты — договорить никак не даете! Когда Холт влез через окно, кажется, он сделал самый разумный шаг в его положении; да я б на его месте уже сорок раз к тому времени влез!.. темнокожий колдун его застукал... мозги ему заморочил... и поручил совершить кражу. Я Холту говорю: «Покажи-ка нам, дружок, ту милую хибарку». Холт не против... вклинилась Марджори... тоже хотела поехать да посмотреть. Я ей: «Как бы потом жалеть не пришлось!» — это все и решило! После таких слов она б умерла, но поехала... никогда я с женщинами управляться не умел. Наняли тарантас и отправились в путь, Марджори, Холт и я... хибарку заметили сразу... пожаловали внутрь через кухонное окно... дом вроде пустовал. Вскоре Холт на моих глазах впал в транс — такого отличного образчика гипнотического внушения мне видеть не доводилось... и пустился в одинокое странствие, нас покинув. Я, как идиот, пошел за ним, а Марджори осталась меня ждать...

— Одна?

— Одна!.. А я что говорю?.. Всеблагие святители, Лессингэм, не свихнулись ли они там все в Палате общин, раз вас за умного держат? Я ей сказал: «Пришлю вам вместо себя первого попавшегося мне нормального человека для компании». Так уж вышло, что никто мне не попался по дороге: одни дети, да еще пирожник, но он отказался тележку бросать, впрочем, с собой ее брать тоже не захотел. Я по-

чти две мили отмахал, пока констебля не встретил... да и тот был не в себе... подумал, что я с ума сошел, или напился, или то и другое вместе. К этому времени Холта и след простыл, а я был в шаге от ареста за оскорбление полицейского при исполнении обязанностей, но мне все равно не удалось заставить его двинуть хоть одной из его преогромнейших ножищ. Итак, мои труды и старания пропали даром, и мне ничего не оставалось, как поспешить обратно к Марджори; я помчался обратно и обнаружил, что дом пуст, никого нет, Марджори исчезла.

— Но я не совсем понимаю...

Атертон стремительно оборвал попытку мистера Лессинхэма закончить мысль:

— Конечно, не понимаете, откуда же вам понять, если вы упрямо несетесь впереди паровоза. Я искал на первом этаже и на втором, в доме и на улице... сорвал голос до хрипоты... но Марджори было не видно и не слышно; я пробежался вверх-вниз, наверное, раз пятьдесят и вдруг посреди коридора наступил на что-то твердое. Я наклонился и подобрал... кольцо — это кольцо. Оно немного погнулось — я вам не пушинка, тем более, если несусь с лестницы, перепрыгивая через шесть ступенек: здесь все, что осталось.

Сидней протянул перед собой какой-то предмет. Мистер Лессинхэм изогнулся, стараясь разглядеть вещьцу. Потом за нее схватился.

— Это мое!

Сидней убрал кольцо от него подальше.

— То есть как «ваше»?

— Я подарил это кольцо Марджори на помолвку. Отдай же его, негодяй!.. или хочешь, чтобы я применил силу прямо в кэбе?

Совершенно позабыв про ограниченное пространство — а также о моем благополучии, — Лессинхэм с размаху толкнул Сиднея в бок, а потом вцепился в его запястье и отнял колечко, Сидней же вовремя отпустил безделушку и тем самым спас себя от падения из экипажа на дорогу. Потеряв свое сокровище, он повернулся к похитителю и вперил в него едва ли не восторженный взгляд.

— Убейте меня, Лессинхэм, но я начинаю верить, что в ваших рыбьих венах есть немного теплой крови. Рассвисти мою свирель, но я жизнь положу, лишь бы с вами сразиться — в кулачном бою, сэр, как и полагается джентльмену.

Лессинхэм, кажется, не обращал на него никакого внимания. Он с глубочайшим тщанием рассматривал кольцо, покореженное ногой Сиднея.

— Кольцо Марджори!.. То, что я ей подарил! Наверное, с ней случилось что-то серьезное, раз она обронила его и не подняла.

Атертон продолжал:

— Именно!.. Что-то с ней случилось!.. Знать бы, что там произошло!.. Убедившись, что ее в доме нет, я кинулся на поиски. Столкнулся со стариком Линдоном — он ничего не знает... должно быть, я его напугал, убежав и оставив смотреть мне вслед безумными глазами прямо посреди Пэлл-Мэлла, он даже свою шляпу из лужи не поднял. Бросился к ней домой — ее там нет. Спросил Дору Грейлинг — она ее не видела. Никто ее не видел, она как сквозь землю провалилась. Тогда я себе сказал: «Дурачина ты первостатейный, честное слово! Ты ее везде разыскиваешь, а девчонка, небось, в доме Холтовского товарища прохлаждается. Пока ты тут бегаешь, она, поди, прогуляться вышла, но уже вернулась и теперь гадает, куда ты, черт возьми, запропастился!»

И я решил помчаться обратно и проверить это: смешно же, как мне подсказывает мое так называемое чувство юмора, получится, если она на крылечке стоит, меня ожидаючи, а я из штанов выпрыгиваю, ее ищу; по дороге обратно мне стукнуло в голову, что не самой глупой затеей будет прихватить с собой Чэмпнелла, потому как уж если и есть на свете человек, способный разыскать иголку на поле со стогами сена, то это как раз наш великий Август... Наконец-то эта лошаденка сдвинулась с места, ибо мы прибыли. Эй, извозчик, отсюда ни-ни, иначе придется тебе славно покружиться: сюда опять не приедешь — платы не получишь... Вот дом нашего фокусника!

Глава 37

Что было спрятано под полом

Кэб остановился перед полуразвалившейся дешевой «виллой» в заброшенном дешевом квартале — настоящем памятнике злосчастью незадачливого застройщика.

Атертон выпрыгнул на поросший травой гравий, заменявший мощеный тротуар.

— Не вижу, чтобы Марджори ожидала меня на крылечке.

Я тоже; я не видел ничего, кроме пустующего кирпичного уродца. Вдруг Сидней воскликнул:

— Ого!.. Переднюю дверь заперли!

Я шел прямо за ним.

— И что?

— А вот что: когда я уходил, дверь оставалась открытой. Все-таки я в конце концов оплошал, и Марджори вернулась... по крайней мере, хочется на это, во имя всего святого, надеяться.

Он постучался. Пока мы ждали, я спросил его:

— Почему ты оставил дверь открытой, когда уходил?

— Сам не знаю... наверное, у меня теплилась мысль, что Марджори, если она вернется и меня не застанет, захочет попасть внутрь; да кого я обманываю: я был в такой горячке, что вряд ли мог рассуждать здраво.

— Полагаю, ты уверен, что действительно не запер за собой дверь?

— Это уж точно, готов поклясться.

— Когда ты вернулся после погони за Холтом, дверь была открыта?

— Распахнута: я без промедления вошел внутрь, полагая, что Марджори ждет в передней комнате; меня как громом поразило, когда ее там не оказалось.

— Ты видел следы борьбы?

— Нет, вообще никаких следов не было. Все осталось нетронутым, разве что в коридоре я наступил на кольцо, которое теперь у Лессинхэма.

— Если мисс Линдон тогда вернулась, все равно не похоже, что сейчас она в доме.

Да, на это было совсем не похоже, если, конечно, тишина не считается свидетельством обратного. Атертон трижды громко постучал, но ответа не последовало.

— Все за то, что нам стоит опять попытаться проникнуть внутрь через гостеприимное окно на заднем дворе.

Атертон направился туда. Мы с Лессинхэмом не отставали. На заднем дворе никто и не пробовал хоть что-то обустроить, не говоря уже о разбивке сада; там даже не оказалось забора, чтобы отгородить дом от дикого пустыря. Кухонное окно было открыто. Я спросил у Сиднея, его ли это рук дело.

— Не знаю; скорее всего, не закрыли его мы, едва ли тогда кто-нибудь о таком думал.

Не переставая говорить, он перебрался через подоконник. Мы последовали за ним. Внутри он закричал во весь голос:

— Марджори! Марджори! Отзовитесь, Марджори... это я... Сидней!

Эхо его слов прокатилось по дому. Ответом была тишина. Он повел нас в переднюю комнату, но вдруг остановился.

— Ого! — воскликнул он. — Штора опущена! — Еще находясь снаружи, я заметил, что переднее окно оставалось наглухо закрыто. — Черт возьми, все было не так, когда я уходил. Совершенно ясно, что здесь кто-то побывал; будем надеяться, что это Марджори.

Стоило ему сделать шаг внутрь, как он опять застыл на месте.

— Бог ты мой!.. — вскричал он. — Вот это да!.. Тут пусто — все исчезло подчистую!

— Ты о чем?.. Комната, когда ты уходил, была обставлена?

Комната была совершенно пуста.

— Обставлена?.. Не знаю, что именно ты подразумеваешь под обстановкой... жилец, облюбовавший сей дом, обладал весьма своеобразными пристрастиями в интерьере... однако в наличии был ковер, и кровать, и... и много чего еще... я бы сказал, что здесь имелось множество вещей явно восточного происхождения. Все это словно растворилось в воздухе: не исключаю, что для Востока оно дело привычное, но мне это кажется странным.

Атертон озираясь, будто не в силах поверить собственным глазам.

— Как давно ты ушел отсюда?

Он посмотрел на часы.

— Где-то час назад... или полтора; точно не скажу, но наверняка прошло не больше.

— Ты не заметил – какие-то вещи были уже упакованы?

— Нет. — Он прошел к окну и поднял штору, продолжая говорить: — Самое диковинное в этом деле то, что когда мы впервые сюда попали, у меня никак не получалось поднять эту штору, и я в сердцах сорвал ее вместе со шнуром и механизмом, а сейчас она так легко и просто поднимается, что лучше и не придумаешь.

Стоя за спиной Сиднея, я заметил, как извозчик со своего сидения машет нам рукой. Сидней тоже увидел это и поднял раму.

— Что там стряслось?

— Простите, сэр, но это что еще за старикан?

— Какой старикан?

— Да который из окна на втором этаже глядит.

Не успел кэбмен договорить, как Сидней стрелой ринулся прочь из комнаты и помчался вверх по лестнице. Я более степенно двинулся за ним: его манеры всегда казались мне чересчур эксцентричными. Я еще был на площадке, когда он вылетел из передней комнаты и побежал в заднюю, а в ней заскочил в боковую дверь. Оттуда он вышел, громко возмущаясь:

— Ну что за дурак!.. старикан глядит! Вот уж я ему погляжу, дай только до кэба добраться!.. Нет здесь никого!

Он вернулся в переднюю комнату, я не отставал. Там, конечно, никого не было, более того, в последнее время туда никто не заходил. Пол покрывал толстый слой пыли, а в воздухе витал землисто-заплесневелый запах давно заброшенного жилья.

— Атертон, в задней комнате точно никого?

— Не сомневайся, можешь сам сходить и убедиться, ежели желаешь; думаешь, я слепой? Возничий пьян. — Подняв раму, он крикнул кэбмену: — Ну и где твой старикан в окошке?.. В каком окошке-то?

— В этом вот, сэр.

— Да ладно!.. Тебе приснилось, дружище!.. здесь никого нет.

— Простите, сэр, но меньше минуты назад там кто-то был.

— Померещилось тебе, возница... стекло блеснуло.... или зрение тебя подводит.

— Извините, сэр, но ничего мне не померещилось, и глаза у меня дай Бог каждому в Англии... и стеклышко так блеснуть не могло — в окнах стекол-то почитай не осталось. Я видал ясно, прямо как вас сейчас, что он выглядывает из нижней рамы, с расколотым стеклом, от вас слева. Уж точно он где-то там... не мог он уйти... он в комнатах. Там шкафа какого нет, куда спрятаться можно?

Извозчик говорил настолько серьезно, что я решил проверить сам. В коридоре стоял шкаф, однако дверцы его были распахнуты, и я видел, что он пуст. В крошечной комнате сзади, несмотря на разбитое окно, царил духота. Осколки стекла валялись на грязном полу в компании отборной коллекции камней, кирпичных обломков и иных металлических снарядов — не исключено, что следствие здесь перемешалось с причиной. В углу я увидел буфет, но мне хватило беглого взгляда, чтобы понять, что он тоже пуст. Бокковую дверь Сидней оставил нараспашку: за ней располагалась кладовка, но и в ней никого не обнаружилось. Я бросил взгляд на потолок, но не заметил там чердачного люка. На этаже не нашлось ни единого укромного уголка, в котором могло бы спрятаться живое существо.

Я вернулся к Сиднею и через его плечо крикнул об этом извозчику:

— Здесь негде спрятаться, ни в одной из комнат никого нет; возница, вы, должно быть, ошиблись.

Негодование кэбмена возросло:

— Вот только не надо! Как бы мне в голову пришло, что там кто-то есть, если бы я никого не видал?

— Иногда зрение нас обманывает, иначе как бы вы увидели то, чего нет?

— Мне это тоже любопытно. Мы только-только подъезжали, как я его заметил, вы меня даже еще остановить не успели: глядел он в окно, в которое вы сейчас глядите. Прилип носом к треснутому стеклу и пялился во все глаза. Я карету остановил, он ушел: с колен поднялся и шасть внутрь комнаты. А как стук джентльмена услышал, вернулся — на то же самое место, и на колени опять хлопнулся. Уж не знаю, какого рожна вам было надо — вам бы с таким напором да в судебные приставы! — но сдается мне, пускать он вас не хотел еще больше, чем вы желали войти, потому-то дверь открывать не спустился, а все оттуда на вас без перерыву глазел. Вы назад пошли, он тоже встал; мне подумалось, что он вас встречать направился, может, сказать что решил; ну, говорю себе, сейчас загалдят или еще что будет. А когда вы штору внизу подняли, он, мне на удивление, опять появился. Носище свой в трещину оконную засунул и башкой трясет, как сорока-стрекотуха. Ох, думаю, не особо любезно так поступать — я ж ему ничего худого не делал; вот потому я вас кликнул, чтоб вы знали, где он укрывается. Но то, как вы говорите, что его там нету да и не было никогда... черта с два я вам так спущу! Если его там нету, то и меня тоже нету, и коняги моей нету, и кэба нету — пропади все пропадом! — и дома нету, ничего нету!

Он уселся на место с самым что ни есть оскорбленным видом; до этого он стоял, выдавая нам свою тираду. Сомневаться не приходилось, он не шутил. Впрочем, он сам заметил, что причин нас обманывать у него нет. Было очевидно, что он уверен в собственной правоте. Но, с другой сто-

роны, куда мог подеваться — за пятьдесят секунд! — этот его «старикан»?

Атертон задал вопрос:

— И как выглядел твой... старикан?

— Ну, описывать его я бы не взялся. Я же не все его лицо видал, а только нос да глаза... а они мне ничуть не понравились. Он все время чем-то прикрывался, будто не хотел, чтоб его разглядели.

— Чем прикрывался?

— Вроде как плащом, да не плащом, в таких штуках арабы на выставке в Эрлс-корте¹ расхаживали, ну, знаете!

Эта часть сообщения, кажется, заинтересовала моих товарищей сильнее прочего.

— Говоришь, он был в бурнусе?

— Откуда мне знать, как оно там называется? Чужих языков не учил... незачем мне! Только и знаю, в чем те арабы, в Эрлс-корт наехавшие, по нему туда-сюда ходили: то эту штуку на голову натянут, то нет. Вот если бы вы меня, вместо того чтоб допытываться, что я там углядел или что там мне примерещилось, об этом спросили, то я б вам сказал, что старикан, о котором я говорил, напоминал араба... Он когда с колен встал от окошка отойти, я видал, что был он замотан, вроде как в плащ с капюшоном.

Лессинхэм, дрожа от волнения, обратился ко мне:

— По-моему, он говорит правду!

— Тогда можете ли вы предположить, куда этот таинственный пожилой джентльмен запропастился? Мягко выражаясь, весьма странно, что никто, кроме извозчика, не видел его и не слышал ни звука.

— Здесь какой-то дьявольский фокус... точно говорю, я уверен!.. чутье подсказывает!

Я уставился на него. В подобных делах никак не ожидаешь услышать о «чутье» от такого человека, как Пол Лессинхэм. Атертон тоже удивленно воззрился на него. А потом, совершенно неожиданно, воскликнул:

¹ Эрлс-корт — выставочный центр в Лондоне.

— Господи, а Апостол-то, по-моему, прав... весь дом пропитан запахом мошенничества... я его унюхал, только нос сюда сунул. В делах претидижитации, Чэмпнелл, мы тут, на Западе, в зачаточном состоянии... нам еще учиться и учиться... Восток давно нас обскакал. Мы предпочитаем считать их цивилизацию погибшей, но их магия — когда с ней сталкиваешься! — по-прежнему жива!

Он направился к двери, но вдруг споткнулся, или нам так показалось, и упал на колени.

— Я за что-то задел ногой... это еще что? — Он уже стучал каблуком по полу. — Доска не прибита. Ну-ка, друзья, подойдите и помогите мне ее поднять. Кто знает, что за тайна там скрывается?

Я кинулся к нему на подмогу. Как он и сказал, под одной из досок была пустота. Он споткнулся, когда случайно наступил на это место. Вместе мы вынули половицу, в то время как Лессинхэм наблюдал за нами со стороны. Убрав доску, мы принялись осматривать открывшееся пространство.

Там что-то лежало.

— Эй! — вскричал Атертон. — Это женская одежда!

Глава 38

Находка

Без сомнения, это была женская одежда, беспорядочно брошенная, будто тот, кто поместил ее сюда, отчаянно торопился. Здесь нашлось все: платье, туфли, чулки, белье, корсет, даже шляпка, перчатки и шпильки для волос; последние в странном хаосе перемешались с остальными вещами. Было очевидно, что женщину, все это носившую, раздели донага.

Лессинхэм с Сиднеем молча наблюдали, как я доставал и раскладывал на полу наши находки. Платье лежало на дне тайника — шерстяное, красивого голубого оттенка, украшенное кружевом и лентами, как требует нынешняя мода, отороченное шелком цвета морской волны. В свое время — и было это совсем недавно! — оно считалось «очаровательной моделью», но теперь запачкалось, измялось, порвалось. Стоило мне извлечь его на свет, как оба моих спутника одновременно бросились к нему.

— Боже мой! — кричал Сидней. — Это платье Марджори!.. она была в нем, когда я видел ее в последний раз!

— Оно принадлежало Марджори! — Лессинхэм задышался; он вцепился в изорванное платье, не сводя с него взгляда только что приговоренного к смерти человека. — Она была в нем вчера, когда мы виделись. Я тогда сказал, какое оно красивое и как ей к лицу!

Повисло молчание: красноречивая находка говорила сама за себя. Двое мужчин взирали на ворох женской одежды, словно никогда не видели ничего прекраснее. Лессинхэм, внезапно посеревший и осунувшийся, подал голос первым:

— Что с ней случилось?

Я ответил вопросом на вопрос:

— Вы уверены, что это платье мисс Линдон?

— Это совершенно точно; если нужны доказательства, то вот они.

Он нашел в платье карман и достал из него содержимое: кошелек с деньгами и визитными карточками с ее именем и адресом, небольшую связку ключей с именным брелоком, носовой платок с ее инициалами в уголке. Никто более не сомневался, чья одежда перед нами.

— Видите, — произнес Лессинхэм, показывая деньги, — попытки ограбления не было. Здесь две банкноты в десять фунтов, одна в пять, к тому же есть золотые и серебряные монеты — в целом, больше тридцати фунтов.

Атертон, ворошивший оставшийся в тайнике мусор, тоже не остался без находки:

— Я обнаружил ее кольца, часы и браслет... нет, безусловно, о попытке кражи речи не идет.

Лессинхэм гневно взглянул на него из-под нахмуренных бровей.

— За все это благодарить надо только вас.

Сидней ответил с несвойственной ему кротостью:

— Вы суровы ко мне, Лессинхэм, незаслуженно суровы: я бы жизнь свою отдал, лишь бы предотвратить эту беду.

— Говорить-то вы умеете. Не влезали бы в это дело, ничего бы не произошло. Глупец творит больше несчастий своим недомыслием, чем злым умыслом. Если Марджори Линдон пострадает, вы ответите за это передо мной собственной кровью.

— Да будет так, — сказал Сидней. — Я согласен. Если с Марджори приключится беда, видит Бог, я готов молить о смерти.

Пока они пререкались, я продолжал поиски. Немного сбоку, под нетронутыми досками пола, что-то лежало. Протянув руку, я сумел дотянуться до предмета: то была длинная девичья коса. Ее отрезали прямо у корней — так близко к голове, что на волосах остался кусочек кожи и запеклась кровь.

Лессинхэм с Сиднеем были поглощены перепалкой и не обращали на меня внимания. Чтобы показать находку, мне пришлось их окликнуть:

— Джентльмены, боюсь, у меня имеется кое-что способное расстроить вас еще больше. Это волосы мисс Линдон?

Они мгновенно узнали их. Лессинхэм, выхватив у меня из руки косу, прижал ее к губам.

— Это мое... пусть хоть что-то мне останется. — Он говорил эти слова с пугающей мрачностью. Шелковистые пряди он держал перед собой на вытянутых руках. — Коса указывает на убийство — подлое, жестокое, беспричинное. Пока я жив, я пожертвую всем — деньгами, временем, репутацией! — ради мести негодяю, совершившему это.

Атертон поддержал его:

— Да будет так, аминь! — Он поднял руку. — Призываю Господа в свидетели!

— Сдается мне, джентльмены, мы слишком торопимся; по-моему, все это вовсе не указывает на убийство. Напротив, я сомневаюсь, что здесь имела место смерть. И я, конечно, осмелюсь добавить, что моя версия случившегося говорит об обратном.

Лессинхэм поймал меня за рукав.

— Мистер Чэмпнелл, что у вас за версия?

— Расскажу, но немного позже. Не спору, я могу ошибаться, хотя мне кажется, что это не так; я поделюсь своими доводами, когда дойдет до дела. Но сейчас надо заняться кое-чем иным.

— Я за то, чтобы перевернуть каждую доску в этом доме! — воскликнул Сидней. — Разнести эту чертову хибару по кирпичику. Это колдовское логово... Не удивлюсь, ежели старикан кэбмена и теперь подглядывает за нами в какую-нибудь щелку.

Мы обыскали весь дом так методично, как только могли, дюйм за дюймом. Больше неприбитых досок не нашлось; приколотенные половицы голыми руками поднять было невозможно, а инструментов мы не прихватили. Мы простучали каждую стену: за исключением внешних, все они были сделаны из досок и оказались совершенно цельными. Потолок тоже выглядел нетронутым; если над ним что-то и спрятали, то довольно давно: старый цемент успел запылиться. Мы разнесли кладовку по кусочкам, проверили

трубы, заглянули в кухонный очаг и котел; короче говоря, мы осмотрели все, куда смогли проникнуть без особой подготовки, однако ничего не обнаружили. В конце концов мы устали, перепачкались и отчаялись. Тайна «старикана», виденного извозчиком, осталась нераскрытой, к тому же не нашлось ни единого нового следа мисс Линдон.

Атертон не пытался скрыть досаду:

— Что теперь делать-то? Кажется, здесь совсем ничего нет, но в то же время это не так: готов поклясться, что разгадка всего этого проклятущего дела именно тут.

— В таком случае я бы предложил тебе остаться и поискать еще. Можно послать кэбмена за нужными инструментами или, если пожелаешь, за рабочим, который тебе поможет. Я, в свою очередь, уверен, что на данный момент гораздо важнее улики иного сорта, и потому собираюсь продолжить расследование визитом в дом по ту сторону дороги.

Когда мы только прибыли сюда, я заметил, что на улице всего два более или менее законченных здания: в первом мы находились сейчас, а второе стояло в полусотне метров отсюда на противоположной стороне. Про него я и говорил. Оба моих спутника немедленно согласились идти со мной туда.

— Я с вами, — сказал мистер Лессинхэм.

— Я тоже, — эхом откликнулся Сидней. — А сие премилое домохозяйство мы оставим под присмотром извозчика: эту хибару я разнесу позже. — Он вышел на улицу и обратился к кэбмену: — Возница, мы намереваемся почтить своим посещением вон ту халупу, а ты приглядывай за этой. Ежели кого заметишь — живого ли, мертвого — ори. Я буду на посту, и ты глазом моргнуть не успеешь, как окажусь рядом с тобой.

— Ох уж я и заору — у вас волосы дыбом встанут. — Извозчик осклабился. — Только я же не знал, что вы, джентльмены, меня на весь день наймете: мне бы коня переменить — этот уже часа два как должен быть в стойле.

— Забудь про лошадь — завтра отдохнет на пару часов подольше и упущенное наверстает. Я позабочусь о том, что-

бы ты из-за нас в обиде не остался, и коняга тоже... Кстати, держи-ка: это будет похлеще ора.

Вынув из кармана брюк револьвер, Атертон протянул его ухмыляющемуся кэбмену.

— Появится твой старикан — ты в его сторону пальни: выстрел я точно лучше крика услышу. Будет желание, прямо в него меться — даю слово, убийством это не назовут.

— Оно мне не важно, — объявил извозчик и взял револьвер с уверенностью человека, знакомого с огнестрельным оружием. — Давно люблю из револьвера садить — с самой военной службы; если вправду понадобится, пристрелю эту старую калошу, только чтоб вам доказать, что не врал я.

Не знаю, говорил он всерьез или нет, впрочем, как и то, не пошутил ли Атертон, ему отвечая:

— Пристрелишь его, получишь пятьдесят фунтов.

— Заметано! — Извозчик засмеялся. — Обещаю за такие деньжищи расстараться!

Глава 39

Мисс Луиза Коулман

То, что в доме через дорогу живут, было ясно всему свету: по меньшей мере одна его обитательница сидела у окна передней комнаты второго этажа и глазела на улицу. Старушка в капоре, эдаком старомодном чепце, подвязанном бантом под подбородком, какие во время оно носили наши бабушки. Она сидела в эркере и потому, глядя прямо в нашем направлении, наверняка видела, как мы шли к ее дому, однако просто продолжала невозмутимо сидеть, не сводя с нас взгляда. Я постучал в дверь один раз, потом второй, а она и вида не подала, что слышала.

Сидней выразил свое нетерпение в присущей ему манере:

— В здешних краях дверные молотки, кажется, предназначены для одного только украшения: никто и бровью не ведет, когда их используют. Старушка наверху либо глухая, либо из ума выжила. — Он отошел подальше на дорогу проверить, на месте ли она. — Смотрит на меня и глазом не моргнет; интересно, что, она думает, мы тут делаем — мелодию на ее двери для вящего удовольствия наигрываем?.. Мадам! — Он снял шляпу и помахал ей. — Мадам! Дозволено ли мне заметить, что ежели вы не снизойдете нам открыть, вашей двери может быть нанесен немалый ущерб!.. Да она на меня как на пустое место смотрит; выбей-ка еще раз зорю молоточком. Вдруг она настолько глуха, что до ее барабанных перепонок дойдет только грохот, с каким мир в тартарары покатится.

И тут старушка не замедлила показать, насколько он ошибался. Не успел гром молотка затихнуть, как она, открыв окно, высунула в него голову и обратилась ко мне с возмущением, в данных обстоятельствах, неожиданным и незаслуженным:

— А теперь, юноша, поспокойнее!

Ей ответил Сидней:

— Простите, мадам, но спокойнее нельзя — у нас слишком мало времени: это вопрос жизни и смерти.

На сей раз она заговорила с Сиднеем — да с такой серьезностью, что он оказался к ней не готов:

— Вот только не надо мне дерзить, юноша.. Я вас давно заметила: вы тут весь день слоняетесь! И мне вы вовсе не по нраву, так и знайте. Это мое крыльцо и мой молоток — спущусь и открою, только когда сама захочу, а спешить я не собираюсь, и ежели кто еще раз молотка коснется, то я вовсе вниз не сойду.

Она громко захлопнула окно. Сидней разрывался между гневом и хохотом:

— Милая дамочка, честное слово, старой доброй закалки. Кажется, в этой округе живут одни приятнейшие персонажи — пребывание в сих краях оздоравливает душу. К несчастью, я нынче не расположен стоять здесь и в пыли ботинком ковыряться. — Он опять приветственно приподнял шляпу и во весь голос закричал: — Мадам, десять тысяч извинений за беспокойство, но у нас дело, в котором каждая секунда может все решить; не позволите ли мне задать вам пару вопросов?

Рама поползла вверх, и вновь показалась голова старушки.

— Юноша, не стоит на меня орать — я такого не потерплю! Я спущусь и открою вам дверь не раньше, чем через пять минут по часам на моем камине, и ни на секунду раньше.

Решение оглашено, рама опущена. Сидней помрачнел и принялся глядеть на часы.

— Не знаю, о чем думаешь ты, Чэмпнелл, но я глубоко сомневаюсь, что это чудесное создание сможет сообщить нам нечто, ради чего стоит терять целых пять минут. Утраченного времени не вернешь, а оно летит.

Я придерживался иного мнения и сказал ему об этом:

— Боюсь, Атертон, я с тобой не согласен. Кажется, она заметила, как ты здесь весь день бегаешь, а это по меньшей мере указывает на вероятность того, что она видела и нечто такое, о чем нам стоит послушать. Разве похоже, что мы

тут найдем свидетеля получше? Дом напротив виден только из ее окон. По моему убеждению, нам не только необходимо подождать эти пять минут, но было бы неплохо, если удастся, постараться больше ее не обижать. Вряд ли она расскажет нам что-нибудь полезное, если ты не воздержишься от оскорблений.

— Ладно. Раз уж ты и впрямь так считаешь, я готов ждать... Остается лишь надеяться, что ее часы движутся побыстрее хозяйки.

Вскоре, где-то минуту спустя, он крикнул извозчику:

— Ты что-нибудь видел?

— Ничегошеньки, — откликнулся тот. — Когда увижу, сами стрельбу услышите.

Пять минут не шли, а ползли. Но наконец Сидней, со своего наблюдательного пункта на дороге, объявил, что старушка зашевелилась:

— Она встает... отходит от окна... будем надеяться, что она направляется отпирать дверь. Это самые длинные пять минут в моей жизни.

Я услышал, как кто-то неуверенной походкой спускается по лестнице. Потом идет по коридору. Дверь открылась — как говорится, «на ширину цепочки». Старушка глядела на нас сквозь образовавшуюся щель.

— Уж не знаю, что вам, юноши, тут надо, но всех троих я в дом не пущу. Пущу его и вас, — тощий палец указал на меня и Лессинхэма, а потом уткнулся в Атертона: — а вот его ни за что. Посему, ежели хотите мне что-то сказать, прикажите ему уйти.

Услышав это, Сидней повел себя до крайности покладисто. Сняв шляпу, он глубоко поклонился.

— Мадам, если я хоть чем-то вас обидел, примите миллион извинений; заверяю вас, подобных намерений и мыслей у меня и в помине не было.

— Не нужны мне твои извинения, и видеть тебя не желаю; ты мне сразу не понравился, как я тебе и сказала. Прежде чем кто-то в мой дом войдет, чтоб духу твоего тут не было.

Она захлопнула дверь у нас перед носом. Я повернулся к Сиднею:

— Чем быстрее ты уйдешь, тем лучше для всех. Подожди нас на той стороне улицы.

Он пожал плечами и простонал, полушутя-полусерьезно:

— Надо — значит, надо; впервые в жизни леди отказала мне от дома! Чем же я такое заслужил?.. Если заставите меня долго ждать, разнесу ту халупу к чертям!

Он пофланировал на другую сторону улицы, на ходу пиная камешки. Дверь опять приоткрылась.

— Тот юноша ушел?

— Да.

— Тогда я вас пущу. Но его у себя не потерплю.

Она убрала цепочку. Мы с Лессинхэмом вошли. Дверь опять была заперта на все засовы. Хозяйка провела нас в переднюю комнату первого этажа — скудно обставленную и довольно грязную; но стульев нам хватило, и она заставила нас сесть:

— Давайте-ка, располагайтесь, не выношу, когда кто-то стоит, мне от этого не по себе делается.

Только мы уселись, как она, без всякой увертюры, приступила к делу:

— Я знаю, зачем вы явились, знаю! Хотите, чтоб я сказала, кто живет в доме на той стороне. Ладно, расскажу... я бы смело поставила шиллинг на то, что, кроме меня, рассказать об этом особо некому.

Я кивнул.

— Это так. Правда, мадам?

Она тут же фыркнула:

— Не надо мне всяких «мадам» — терпеть не могу пустозвонства. Женщина я простая, такая, какая есть, и мне хочется, чтоб другие говорили так же прямо, как я. Имя мое мисс Луиза Коулман, но обычно все зовут меня просто мисс Коулман — Луиза я только для родни.

Так как ей было между семьюдесятью и восьмьюдесятью — и каждый год ее возраста явственно читался на лице, — я понял, что душой она не кривит. Мисс Коулман представлялась той еще штучкой. Если нам действительно хотелось вытянуть из нее сведения, то нужно было позволить

ей рассказать все самой: пытаться принудить ее к чему-либо стало бы пустой тратой времени. Мы уже видели, какая участь постигла Сиднея.

Она начала с чего-то вроде отвлеченной преамбулы:

— Все тут моя собственность; дядя оставил, покойный Джордж Генри Джобсон... его на Хаммерсмитском кладбище похоронили, там, через дорогу... и он оставил все мне. Здесь один из лучших пригородных участков для застройки, его цена каждый год растет, я его еще лет двадцать сдавать не буду, пока мне втрое, а то и вчетверо больше не дадут; ежели вы сюда поэтому явились, а ко мне многие так вот навевываются, то можете даже не беспокоиться. А щиты пускай себе стоят, чтоб люди знали — земля сдается... хотя, как я сказала, ничего строить на ней двадцать лет не позволю: потом она пойдет только под дорогие особняки, какие теперь на Гроувенор-сквер стоят, а не всякие там лавки с пабами и уж точно не ваши лачуги. Я тут живу и за землицей своей присматриваю... а что до дома напротив, так я его сдавать никогда не хотела и не сдавала, пока однажды утром, с месяц назад, не получила письмо. Можете на него взглянуть, ежели пожелаете.

Покопавшись в отнюдь не маленьком кармане у пояса — таком, что, не приподняв юбку, до дна не доберешься — она протянула мне замызганный конверт. На нем неловкой рукой было выведено: «Мисс Луизе Коулман, вила Родендроны, Вьюнковая аллея, парк Высокие дубы, Вест-Кенсингтон». Мне подумалось, что если отправитель не решил вдруг пошутить или у него не разыгралось воображение и это был настоящий адрес нашей хозяйки, то имя все же что-то значит¹.

Само письмо было написано тем же неровным, безликим почерком; если бы меня попросили поделиться мыслями по этому поводу, я бы ответил, что над ним корпела

¹ Парафраз двустишия из пьесы «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира: «Что значит имя? Роза пахнет розой, / Хоть розой назови ее, хоть нет» (пер. Б. Пастернака).

служанка, так как стиль и грамотность послания вполне соответствовали его каллиграфии:

«Ниже подписавшись будит примного обязан, если мисс Коулман здаст ему пустой дом. Не знаю, сколько он стоит, но шлю пятьдесят фунтов. Если мало, пришлю есче. Ответ шлите по адресу — Мохамеду эль-Керу, Почтамт, Слайго-стрит, Лондон».

Отправитель, спору нет, изъявлял свое желание снять дом крайне необычным образом. Когда я передал письмо Лессинхэму, его, кажется, тоже посетила подобная мысль.

— Любопытное письмо, мисс Коулман.

— И я так решила — особенно когда внутри обнаружила деньги. Пять бумажек по десять фунтов, прямо так, в конверте, а само письмо даже без штемпеля. Ежели б меня спросили, сколько я хочу за аренду, я б сказала, самое большее фунтов двадцать... знаете ли, только пускай это останется промеж нами, дом надо хорошенько отделать, а до той поры в нем жить едва ли возможно.

Я успел убедиться в истинности этого замечания гораздо раньше честного признания домовладелицы.

— Ладно, думаю, он сам виноват. Я б могла оставить все деньги себе, а ему отослать расписку за три месяца. И некоторые так бы и поступили, но я не из них и становиться такой не намерена. Поэтому я отправила этому господину — имя его мне в жизнь не выговорить, да и не нужно мне это — договор на год.

Мисс Коулман замолчала, разглаживая фартук на коленях и раздумывая о чем-то.

— Ну, мой ответ должен был дойти до этого господина вроде как в четверг утром... отослала-то я его в среду вечером, а в четверг, после завтрака, собралась пойти в дом и посмотреть, можно ли там вообще хоть что-то сделать: в окнах-то почитай ни одного целого стекла не осталось, — и вдруг прям так и села. На улицу гляжу и, ей-Богу, вижу, что жилец-то въехал... по меньшей мере, он уже был там, а я и переезда-то никакого не видала, честное слово... понятия не

имею, как он внутрь без ключа попал, разве что посередеь ночи в окошко залез... на Библии готова присягнуть, что в доме никого не было, когда я спать ложилась... а тут вдруг штора в гостиной висит, к тому ж с той поры всегда опущенная — редко-редко поднимается.

«Надо же, — про себя думаю, — экий нахал... с чего это он заехал в дом, до того как разрешение от меня получил? Может, считает, что я слова против сказать не посмею, а как по мне, хоть с пятьюдесятью фунтами, хоть без них, я так просто это ему не спущу». Значит, чепец я на голову натянула, дорогу перешла, в дверь тарабаню.

Ну, с той поры повидала я всяких, что в двери колотят-ся, ох, повидала, доныне не пойму, как им не надоедает: иные по часу стучаться могут... однако ж я первая согрешила. Колочу в дверь, колочу, колочу без устали, но толку никакого, все равно что по могильному камню настукивать. Я к окну и там тарабаню — опять впустую. Дом обошла, стучусь в заднюю дверь... кажись, никто и ухом не ведет. Тут я себе говорю: «Стало быть, что есть у меня жилец, что нету — все едино; но с дома я теперь глаз не спущу, а когда он появится, постараюсь, чтоб не ушел, пока я ему не скажу пару ласковых».

Вот я домой вернулась и, как обещала, весь день просидела, глядя на дом, но ни души не увидела. Наавтра, то бишь в пятницу, я встала в пять утра проверить, не пошел ли дождь, потому как надумала прогуляться, ежели погода будет славная, однако ж гляжу, жилец мой по улице идет. Весь вроде как бурым одеялом обмотанный — голову им покрыл, вокруг тела обернул; слыхала я, что арабы такую одежду носят, да и самой доводилось встречать их в Вест-Бромтоне¹ на ярмарке. Денек выдался ясный, видала я его, прям как вас: чуть не сломя голову по улице неся, у дома через дорогу остановился, переднюю дверь открыл и внутрь зашел.

¹ Вест-Бромптон — район Лондона, располагающийся рядом с Хаммерсмитом.

«Ага, — думаю, — вот и ты. Ладно, мистер араб или кто ты там есть, я уж позабочусь, чтоб ты опять не ускользнул, со мной не переговорив. Я тебе докажу, что у домовладельцев прав не меньше, чем у любых других христиан в этой стране, а ваши обычаи меня не касаются». Так я опять весь день сидела и следила, чтоб он из дому не вышел, а он и не выходил, и между семью и восьмью часами я сама пошла и постучалась к нему в дверь, потому как решила, что чем раньше, тем лучше.

Можете не верить, но меня продолжали не замечать, будто и на земле меня нету. Вот я колочу, колочу, уже рука болит, раз двадцать, надо признаться, стукнула... пошла к задней двери, уже там тарабаню, а все как об стенку горох. Я было начала думать, что меня за пустое место держат, и ладно бы кто, а то какой-то грязный чужеземец, что в ночной рубахе по улицам разгуливает; прям из себя выходить начала.

И опять я отправилась к переднему крыльцу, теперь уже в окно наколачиваю — все костяшки отбила — и кричу: «Я мисс Луиза Коулман, хозяйка этого дома, и вам меня не провести: я видала, как вы вошли, знаю, что вы дома, и ежели вы немедленно мне не откроете и со мной не поговорите, я полицию позову».

Как вдруг, когда я того не ждала и со всей мочи колотила по окну, штора как поднимется, за ней рама вверх пошла, а из-за нее урод, да такой, о каких я слыхом не слыхивала, не то что видывала, голову прямо перед моим лицом как выставит: ну просто бабуин кошмарный, а не человек. Я дернулась, о заборчик позади запнулась и вверх тормашками полетела. А чудище как завопит, вроде по-английски да еще таким голосищем, что мне во сне не снился, совсем как ржавый паровоз: «Прочь! Прочь! Не хочу тебя видеть! Не ходи сюда — никогда! Получила свои пятьдесят фунтов... получила деньги... хватит тебе... тебе больше ничего не надо! Не приходи сюда!.. никогда!.. ни за что!.. или пожалеешь!.. Прочь!»

Я и впрямь ушла, да так быстро, только пятки сверкали: вид у него такой, и голос, и слова — затрясло меня с ног

до макушки. Дай мне тысячу фунтов, я все равно ему не ответила бы, промолчала бы обо всем, что раньше надумала. Признаюсь честно, только, чур, оно между нами останется: мне пришлось четыре чашки чая одну за одной выдуть, чтоб нервишки успокоить.

«Ну, — говорю себе, когда мне вроде как полегче сделалось, — дом ты никогда не сдавала, а теперь сдала так сдала — да уж. Ежели есть на свете второй такой же жуткий негодяй, как твой жилец: по нему веревка плачет, а он по земле ходит, — то уж он точно его братец, ибо не может быть второй семейки, похожей на ту, из которой он выполз, это я точно говорю. Эх и хороший араб у тебя через дорогу проживает!»

Но потом я вроде поостыла — я же из тех, кому дело со всякой стороны рассмотреть нужно. «В конце концов, — думаю, — арендную плату он внес, а пятьдесят фунтов всегда пятьдесят фунтов... Весь дом навряд много больше стоит, да и не сможет этот тип сделать его хуже, чем есть, как бы ни старался».

Да ежели бы он его сжег, я бы особо не печалилась, ибо, опять между нами, застрахован он на хорошенькую сумму. Итак, я решила, пусть все идет своим чередом, а я издали погляжу. Но с того часа до сей поры я с этим типом больше не говорила, и не хотела, и по собственной воле не стала бы, даже ежели бы мне за каждый разговор шиллинг давали: эта его рожа меня, как говорится, до Страшного суда преследовать будет. Я видала, что он в любой час дня или ночи из дома выйти может или обратно заявиться — этот араб весь из себя таинственный, а ходит так быстро, будто от смерти спасается. К дому тому много кто приходил: мужчины и женщины... женщины по большей части... и даже дети малые. Видала, как они в переднюю дверь тарабаны, надрываются, но ни разу не замечала, чтоб их кто-то внутрь пускал — да им и не отвечал никто. Кажется, могу сказать, ни чуточки не соврав, что пока араб у себя был, я с дома глаз почти не спускала, я и по ночам часто встаю на него поглядеть, поэтому навряд я много пропустила из того, что там случалось.

Мне больше звуки не нравятся, что из того дома доносятся. Иногда целыми днями тишина, словно все внутри померли, а бывает, ночь напролет вопли да стоны, крики да визги — никогда доселе такого не слыхивала. Не раз и не два думала, что у него в передней комнате сам дьявол обитает, со всеми его чертями. А кошки-то — ума не приложу, откуда они набежали! Пока араб тут не поселился, котов в округе не было... да и что им тут делать; а как только он въехал, так целое нашествие началось. Набегут к дому чуть не полками и давай орать, точно взбесились... говорю вам, глаза б мои на них не смотрели. Их этот араб, должно быть, шибко любит. Я их и в доме видала, сидят в окошках, внизу и наверху, иной раз не меньше чем по дюжине.

Глава 40

Что мисс Коулман увидела в окне

Когда мисс Коулман сделала паузу, словно ее рассказ подходил к концу, я посчитал разумным как можно быстрее попытаться направить ход повествования к недавним происшествиям.

— Насколько я понимаю, мисс Коулман, вы видели, что творилось в доме сегодня.

Она стиснула свои похожие на щипцы для орехов челюсти и окатила меня презрением, посчитав свое достоинство задетым:

— А я не к тому веду?.. ежели позволите. Не научили вас манерам, так я их преподам. Люди моего возраста не любят, когда их поторапливают, юноша.

Я покорно замолчал: она ясно дала понять, что пока сама не закончит, остальные должны просто слушать.

— В последнее время там, через дорогу, много странностей случается — настоящих странностей, потому как, видит Бог, ничего обыкновенного тут и не происходило. Араб этот туда-сюда, точно одержимый, носился: я его раз по двадцать на дно видела. А нынче утром...

Она замолчала и уставилась на Лессинхэма. Очевидно, стоило повествованию свернуть в нужном направлении, она заметила его растущую заинтересованность — и ей это не понравилось:

— Не надо на меня так смотреть, юноша. Я такого не потерплю. А что касается вопросов, отвечу на них, как закончу, но даже не смейте меня до поры спрашивать — не надо меня перебивать.

До этой минуты Лессинхэм и без того хранил молчание, но старуха, кажется, хорошо понимала, что поток невысказанных слов так и рвется у него из груди.

— Нынче утром... как я уже упомянула, — она зыркнула на Лессинхэма, будто подавляя его сопротивление, — ча-

сов в семь, араб тот домой заявился. Время я точно знаю: я иду открывать молочнику, когда половина восьмого бьет, а часы мои всегда забегают на тридцать минут вперед. Значит, забираю я молоко, а молочник мне говорит: «Эге, мисс Коулман, дружок-то ваш тут как тут». «Какой еще дружок?» — спрашиваю, потому как никаких друзей у меня в округе не водится, да и врагов, я надеюсь, тоже.

Я оборачиваюсь, а там араб по дороге несется, только одеяло его на ветру развевается, руки перед собой выставил — не случилось мне еще видать, чтоб кто-то этак хаживал. «Боже мой, — говорю, — как бы он себя не покалечил». «Как бы его кто другой не покалечил, — говорит мне молочник. — У меня от одного его вида молоко киснет». Ну, бидон он свой взял и с ворчанием ушел; не знаю, чем тот араб ему насолил... Как он мне молоко не доливает, так и Господь ему терпения не додал. Мне не особо приглянулось, что он араба мне в друзья приписывает: не друг он мне, никогда другом не был и уж точно не будет.

Молочник ушел, а к арабу, пока он дома сидел, приходили пятеро: трое из них торговцы, это я точно знаю, потому как потом они ко мне наведались. Конечно же, араба они не дозволись, сколько в дверь ни тарабанили; ясное дело, денег этим в карман не положишь, только настроение попортишь, но я его не виню: торгашам дай лишь слово вымолвить, и их уже не остановить.

А теперь о том, что днем случилось.

Я подумал, что ей было давно пора перейти к делу, хотя ни за что в жизни не посмел бы намекнуть на это.

— Ладно; наверно, три пробило, ну, может, половина четвертого, что-то около того, когда к дому подошли двое мужчин и женщина, и одним из них как раз был этот ваш приятель. «Угу, — думаю, — что-то новенькое, такие сюда еще не приходили; интересно, что им понадобилось». Этот ваш приятель начал в дверь колотить — тарабанит и тарабанит, впрочем, здесь так уже принято, а ему, как обычно, ни ответа ни привета, хотя я знаю, что араб все еще дома.

Вот тут я почувствовал, что мне, несмотря на весь риск, просто необходимо задать вопрос:

— Вы уверены, что араб был дома?

Она восприняла это вмешательство спокойней, чем я ожидал.

— Конечно, уверена... ужель я не видала, как он в семь вернулся и больше не выходил: да я за все то время и на пару минут глаз с дома не отвела, однако же его не заметила. Ежели не внутри он был, то где еще?

В тот момент я при всем желании не смог бы ответить. Она с торжеством продолжала:

— Другие натарабанытся всласть и уходят, а эта троица направилась на задний двор, и я не я буду, ежели им, вместе с женщиной-то, не пришлось в кухонное окно пролезать, потому как ни с того ни с сего в передней комнате штору даже не подняли, а сорвали, и гляжу, за окошком этот ваш приятель стоит и штору в руке сжимает.

«Ох, — себе говорю, — вот нахальство так нахальство. Ежели тебя не пускают, а ты сам проходишь, ни у кого не спросясь, то дело-то славный оборот принимает». Где бы тот араб ни был и что бы там ни думал, в жизнь не поверю, чтоб он просто так войти дал, ибо он из тех, кто только свою волю признает.

Сию я и жду, что вот-вот завопят и скандалить начнут, но, насколько вижу, кругом тишь да гладь. Я еще тогда подумала: «Дело темное, эти трое, должно быть, в своем праве сюда заявились, иначе так вести себя побоялись бы, да и крик бы поднялся».

Пять минут проходит, открывается передняя дверь, а оттуда юноша — не ваш приятель, другой — марширует прочь через калитку вниз по дороге, весь прямой да одереvenелый, аки гренадер; никогда не видала, чтоб так вышагивали да вдобавок настолько быстро. А за ним по пятам этот ваш знакомец, и вид у него такой, точно он не понимает, что тот вытворяет. Я и думаю: «Поссорились они, потому-то один от другого удирает». Ваш приятель стоит у калитки — издергался весь — и глаз от второго не отрывает, и девушка тоже в дверях встала и туда же смотрит.

Тот юноша, что удирал, за угол свернул и с глаз скрылся, а этот ваш приятель вдруг вроде как действовать решил

и за ним побежал, только пятки засверкали; девица же одна осталась. Я все думала, что он того и гляди с тем другим юношей вернется, да и подруга их, кстати, так и стояла у калитки, того же, видимо, ждала. Но нет, ничего подобного. Когда ждать ей надоело, она вернулась в дом: гляжу, она там в передней комнате мимо окна прошла. Потом опять к калитке возвратилась, стоит и все на дорогу глядит, но от тех двух ни слуху ни духу. Простояла она там минут пять, наверно, опять в дом направилась — и больше я ее не видала.

— Больше не видели?.. Вы уверены, что она вернулась в дом?

— Я не я буду, своими глазами видела.

— Полагаю, что вы не могли наблюдать за зданием, не отрываясь ни на секунду?

— Однако так я и делала. Почуяла, что чудные дела творятся, вот и решила проследить. А уж ежели я что решила, назад меня не повернуть. Сиднем сидела на стуле в спальне и глаз с дома не сводила, пока вы в дверь колотить не принялись.

— Но так как барышни в данный момент в доме определено нет, то, должно быть, вы наблюдали не слишком пристально: она ускользнула, а вы и не заметили.

— Это вряд ли. Ума не приложу, как бы ей такое удалось; как в доме араб поселился, странные там дела творятся, ох, странные! Ладно, пусть я ее не видала, зато видала еще кое-кого.

— Кого?

— Юношу.

— Юношу?

— Да, юношу. Вот с тех пор сижу и недоумеваю, как вышло, что я не видала, когда он успел в дом попасть.

— Можете его описать?

— Лицо не смогу: он грязную свою фуражку на самый нос натянул да так быстро вышагивал, что я и рассмотреть ничего не успела. Ежели его еще увижу, то узнать смогу только по одежде да походке.

— Что особенного было в одежде и походке?

— Ну, был он во всем поношенном, рваном, грязном — такие тряпки старьевщикам даром не нужны... и сидели они как с чужого плеча... болтались на нем, будто на пугале... смех, да и только; думаю, мальчишки, как такого завидят, за ним по улицам толпой бегают. А что до походки, так шел он, совсем как тот первый молодой человек: несется, ноги выбрасывает, плечи откинuty, нос задрал, спина прямая — прямая — у меня кочерга на кухне и то кривее будет.

— Между исчезновением девушки и появлением молодого человека что-нибудь привлекло ваше внимание?

Мисс Коулман немного поразмышляла.

— Вот когда вы сказали, поняла, что да... совсем бы запаматовала, ежели б вы не спросили... а все оттого, что вы мне, как я хочу, рассказать не даете. Через двадцать минут, после того как девица внутрь вернулась, кто-то сорванную этим вашим приятелем штору в передней комнате обратно на место повесил, только я не видала, кто это сделал — между нами же штора была, а минут через десять из дома тот оборванный юноша вышел.

— Что было потом?

— Ну, еще через десять минут сам араб в дверях появился.

— Араб?

— Да, араб! У меня от одного его вида челюсть отвисла. Сама б шиллинг из собственного кармана выложила, лишь бы узнать, где он был и куда девался, пока та троица его жилье обшаривала, однако ж вот он, собственной персоной, да еще тюк тащит.

— Тюк?

— Тюк, на голове, совсем как пирожники поднос носят. Большущий, и не подумаешь, что поднять такой можно. Хотя видно было, что он его едва держит: пополам согнулся и ползет как улитка, долго-долго до конца улицы добирался.

Мистер Лессинхэм с криком вскочил с места:

— В том тюке была Марджори!

— Сомневаюсь, — сказал я.

Заламывая руки, он принялся рассеянно ходить по комнате.

— Она!.. она наверняка была там! Храни нас Господь!

— Повторяю, что сомневаюсь в этом. Прислушайтесь к моему совету, подождите немного и только потом делайте такие выводы.

Неожиданно раздался стук по стеклу. Снаружи стоял Атертон и смотрел на нас.

Потом закричал через закрытое окно:

— Эй, окаменелости, выходите!.. Я к вам с новостями!

Глава 41

Констебль, его рассказ и кэб

Мисс Коулман, всполошившись, поспешила к двери.

— Не нужен мне в доме этот юноша. Не потерплю его! Пусть и носа не смеет здесь показывать.

Я попытался смягчить ее возмущение:

— Обещаю, мисс Коулман, он сюда не войдет. Мы с моим другом сами выйдем к нему и поговорим.

Она приоткрыла входную дверь как раз настолько, чтобы мы с Лессинхэмом смогли протиснуться наружу, а затем с грохотом захлопнула ее. В том, что она действительно не желала пускать Сиднея на порог, сомневаться не приходилось.

Стоя прямо за калиткой, Атертон приветствовал нас со свойственной ему живостью, едва ли поразовавшей нашу недавнюю хозяйку. За его спиной мы увидели констебля.

— Надеюсь, вас там эта старая кошка всласть замякала. Пока вы у нее дурака валяли, я времени не терял: послушайте-ка, что вам поведает сей страж порядка.

На лице констебля, засунувшего большие пальцы за ремень, блуждала снисходительная улыбка. Кажется, Сидней его забавлял. Полицейский заговорил глубоким басом, будто исходившим из самых ботинок:

— Я не знал, что должен что-то рассказывать.

Было очевидно, что Сидней так не думает:

— Офицер, подождите, пока я не введу эту парочку сплетников в курс дела, а потом будет ваш выход. — Он обратился к нам:

— Итак, я засунул свой нос в каждую чертову щель этого адского логовища, и наградой за труды мне стала одна лишь занывшая спина, после чего я вышел остудиться на крыльцо, при этом размышляя, а не скоротать ли мне время, затеяв потасовку с извозчиком или раздражив его так, чтоб он сам полез драться: малый утверждает, что бокси-

ровать умеет, да и вид у него соответствующий; вдруг вижу, по улице дефилирует не кто иной, как сей блестящий представитель столичной полиции. — Он махнул рукой в сторону констебля, отчего тот осклабился еще шире. — Я смотрю на него, он смотрит на меня; когда мы вдосталь налюбовались утонченной красотой и дюжей статью друг друга, он мне говорит: «Он уехал?» «Кто уехал? — отвечаю. — Роберт Сесил?..¹ или Оскар Уайльд?» А он мне: «Да тот араб». А я: «Вам что-то известно об арабах?» А он: «Ну, видал я его три четверти часа назад на а когда заметил, что вы рядом с отпертым домом стоите, подумал, уж не съехал ли он наконец». Я чуть из штанов не выпрыгнул, как это услышал, но, клянусь жизнью, и вида не показал. Спрашиваю: «Откуда вам известно, что то был он?» Он мне отвечает: «Конечно, он, кто же еще? Такого однажды встретишь, больше не забудешь». «Куда он направлялся?» «Торговался о кэбе — на четырех колесах. На голове у него здоровенный тюк был... он его хотел внутри провезти. Но извозчик ни в какую». Этого мне было достаточно; я тут же сего достойнейшего офицера взял в охапку и потащил через дорогу, к вам двоим, с быстротой молнии.

Полицейский был мужчина немаленький, с широкими плечами, и его вряд ли удалось бы схватить в охапку и молниеносно куда-то унести; судя по все шире расплывающейся по его лицу улыбке, он и сам так считал.

Тем не менее, даже оставляя в стороне склонность Атертона вечно все преувеличивать, принесенные им новости оказались довольно важными. Я сам принялся спрашивать констебля о случившемся:

— Офицер, вот моя визитка; не исключено, что еще до заката человеку, проживающему в доме на той стороне улицы, будет предъявлено весьма серьезное обвинение. В данный момент необходимо держать его под наблюдением. Полагаю, вы совершенно уверены, что араб, замеченный вами на улице, и есть разыскиваемая нами личность?

¹ Роберт Сесил (1830-1903) — в период написания книги премьер-министр Великобритании.

— Без сомнения. Я его, как своего родного брата, мгновенно узнаю — да каждый констебль на этом участке узнает. Мы его так и зовем промеж собой — Араб. Как только он въехал, я его на карандаш взял. Уж очень он чудной. Я всегда говорил, что-то он затевает. Ни разу не видал, чтобы человек днем ли, ночью, в любую погоду так сломя голову носился, будто за ним черти гонятся. Как я успел рассказать этому джентльмену, заметил я его на улице... уже, наверно, с час назад, а то и поболее. Я заступал на пост и вдруг взгляд мой упал на толпу у местной железнодорожной станции: народ глазел, как Араб с извозчиком пререкается. На голове у Араба здоровенный тюк, метра полтора в длину, не меньше. И хочет он этот тюк с собой в экипаж взять, а кэбмен не дает.

— И вы не стали ждать, договорятся ли они?

— Нет, время поджимало. Мне надо было на станцию попасть — я едва успевал.

— Вы не заговорили ни с ним... ни с извозчиком?

— Нет, вроде бы тогда причин не было. Все случилось, когда я просто мимо проходил.

— Вы не записали номер кэба?

— Нет, необходимости не увидел. Но я этого кэбмена знаю, имя и прочее, конюшня у него в Брэдморе.

Я достал блокнот.

— Диктуйте адрес.

— Не знаю, под каким именем его крестили, кажется, он Том, но не уверен. В любом случае, по фамилии он Эллис, живет в Черч-мьюз на Сент-Джонз-роуд в Брэдморе... дома не знаю, но там вам любой на него укажет, если спросите Четырехколесного Эллиса — так его все приятели зовут, кэб-то у него на четырех колесах.

— Спасибо, офицер. Премного вам обязан. — Две полукроны поменяли хозяина. — Вы окажете мне неоценимую услугу, если присмотрите за этим домом и сообщите по адресу, указанному в моей визитной карточке, обо всем, что произойдет здесь в ближайшие несколько дней.

Мы опять забрались в наш экипаж, кэб уже двинулся, но тут констеблю пришла в голову неожиданная мысль:

— Секунду, сэ; господи, я чуть самое важное не забыл. Я же слышал, как Араб говорил Эллису, куда нужно ехать — заладил на своем ломаном английском: вокзал Ватерлоо да вокзал Ватерлоо. «Ладно, — отвечает ему Эллис, — отвезу вас на вокзал Ватерлоо, только вот этот ваш тюк внутри моего экипажа не поедет. Места не хватит, поэтому грузите его на крышу». «На вокзал Ватерлоо, — настаивает Араб, — и тюк со мной на вокзал Ватерлоо поедет тоже — беру его с собой». «Кто ж говорит, что не берете? — гнет свое Эллис. — Берите ваш тюк, да хоть двадцать таких же, единственное, о чем я беспокоюсь, как бы вы его внутрь кэба не затащили. Кладите его на крышу». «Я везу его с собой на вокзал Ватерлоо», — продолжает Араб. Вот так они пререкались да переругивались, ни один другого слушать не хотел, а люди вокруг смеялись.

— Вокзал Ватерлоо... вы уверены, что он сказал именно это?

— Готов чем угодно поклясться. Я еще, услышав это, подумал: «Интересно, сколько денежек ты за поездочку выложишь, ведь до вокзала-то побольше четырех миль»¹.

Когда мы отъехали, я никак не мог успокоиться, все время задаваясь вопросом, возможно, несправедливо обидным: не вошло ли в обыкновение у большинства лондонских полицейских забывать самые важные сведения — точнее, всегда оставлять их напоследок и вспоминать лишь в том случае, когда ладонь почувствует тяжесть серебряной монеты.

Пока кэб катился вперед, мы вели беседу, едва не превратившуюся в жаркий спор.

— В том тюке была Марджори, — начал Лессинхэм на мрачнейшим тоном, сделав препечальнейшее лицо.

— Сомневаюсь, — заметил я.

— Была... я чувствую это... знаю наверняка. Ее либо изувечили и умертвили, либо связали, вставили кляп и унесли беспомощную. Мне остается лишь мстить.

— Повторяю, что сомневаюсь в этом.

¹ За поездки в кэбе на расстояние, превышающее четырехмильный радиус от Черинг-кросс, взималась дополнительная плата.

Тут встрял Атертон:

— Хотя всеми фибрами души мне хочется верить в обратное, я вынужден признаться, что согласен с Лессинхэмом.

— Ты ошибаешься.

— Хорошо тебе говорить с такой самоуверенностью; однако заявить, что я ошибся, проще простого, а ты докажи. Если я ошибаюсь и Лессинхэм тоже неправ, тогда как объяснить настойчивость, с которой араб, по словам полицейского, пытался втащить тюк внутрь кэба? Если в тюке не таилось ничего жуткого и кошмарного, то почему этот тип боялся разоблачения и не хотел грузить тюк на крышу?

— Я не исключаю, что внутри находилось нечто, что араб очень не хотел показывать, но вряд ли он прятал в нем ту, о ком вы говорите.

— Марджори остается в доме одна... с тех пор ее не видят... ее одежда и волосы спрятаны под досками пола. Негодяй ускользает с места преступления с огромным тюком на голове... полицейский утверждает, что длина тюка примерно с человеческий рост... араб беспокоится и не хочет упускать груз из вида, даже на мгновение. Что там внутри? Не указывает ли, к несчастью, все вышеперечисленное на определенные обстоятельства?

Мистер Лессинхэм закрыл лицо руками и простонал:

— Боюсь, мистер Атертон прав.

— Не согласен с вами обоими.

Сидней сразу принялся горячиться:

— Ну же, давай, сам скажи, что было в тюке?

— Полагаю, что способен угадать его содержимое.

— Да ладно; тогда, ради всего святого, не томи — и не стоит разыгрывать из себя прорицателя! — в конце концов, у нас с Лессинхэмом в этом деле интерес.

— В тюке были личные вещи араба — только и всего. Погодите! Прежде чем осмеять мою версию, послушайте ее. Если я правильно понял, кем является человек, описанный констеблем как Араб — то содержимое тюка, как я полагаю, для него гораздо важнее, чем мисс Линдон, живая или мертвая. Скажу больше. Я склонен подозревать, что если бы

Араб положил тюк на крышу кэба, а извозчик в него заглянул и понял, что внутри, то это мгновенно привело бы несчастного к буйному помешательству.

Сидней молчал, будто обдумывая мою версию. Кажется, он увидел в ней здоровое зерно.

— Что же, в таком случае, произошло с мисс Линдон?

— Думаю, в данный момент она... где-то там; я пока не знаю, где именно, но надеюсь, что вскоре буду способен сказать точнее, а не просто упомянуть о дырявой и запыленной паре сапог, или о грязных потрепанных штанах, или лоскутах нестиранного подобия рубахи, или о засаленном и бесформенном старом пальто и замусоленной фуражке.

Выпучив глаза, они уставились на меня. Атертон заговорил первым:

— Что ты там такое сказал?

— Я сказал, что, по-моему, факты указывают скорее на мое предположение, а не на ваше; мало того, они вопиют об этом. Мисс Коулман уверяет, что видела, как мисс Линдон вернулась в дом, а через несколько минут на окно повесили штору, после чего из передней двери вышел молодой человек, одетый в описанный мной костюм. Полагаю, это и была мисс Марджори Линдон.

Лессинхэм с Атертоном принялись забрасывать меня вопросами. Сидней, как обычно, кричал громче всех:

— Но, боже ты мой, что могло заставить ее так поступить? Скромней и застенчивей Марджори во всем свете не сыщешь, и тут она, среди бела дня, ни с того ни с сего разгуливает в таком облачении! Чэмпнелл, голубчик, для этого ей надо было перво-наперво сойти с ума.

— Ее загипнотизировали.

— Господи!.. Чэмпнелл!

— Что?

— Ты думаешь, тот... проклятый мошенник заполучил ее в свои сети?

— Несомненно. Я понимаю дело именно таким образом, но не забывайте, что это всего лишь гипотеза, и к ней не следует относиться иначе. Мне представляется очевидным, что Араб — будем называть его так — находился где-то в до-

ме, пока вы считали, что его там нет.

— Но... где? Мы осмотрели первый этаж, потом второй, обыскали все... где он мог прятаться?

— Пока, что-то мне подсказывает, об этом рано говорить, но предлагаю принять мое утверждение за аксиому. Он за-гипнотизировал этого вашего Холта и отослал прочь, думая, что вы отправитесь вслед за ним; таким способом он соби-рался избавиться от вас обоих...

— Черт возьми, этого он и хотел, Чэмпнелл! Можешь записывать меня в болваны!

— Стоило горизонту очиститься, как Араб предстал пе-ред мисс Линдон, тем самым, вероятно, неприятно ее пора-зив, и погрузил ее в гипнотическое состояние.

— Негодяй!

— Дьявол!

Первое восклицание вырвалось у Лессинхэма, второе — у Сиднея.

— Затем он принудил ее раздеться донага...

— Скотина!

— Сатана!

— Он отрезал ей волосы, спрятал их и одежду под доска-ми пола, туда, где мы их обнаружили и где он сам, вероят-но, прятал те лохмотья мужского костюма...

— Господи! Не удивлюсь, если они принадлежали Холту. Припоминаю, что тот рассказывал, как этот милый шутник снял с него последние тряпки... и точно, когда я увидел его впервые — и когда Марджори подобрала его на улице! — на нем не было ничего, кроме странного плаща. Неужели наш озорной профессор надувательских наук — да обрушат-ся на его главу все кары небесные! — действительно пос-лал Марджори Линдон, нежнейшую девушку на земле, раз-гуливать по улицам Лондона в обносках Холта?

— Ответ на этот вопрос представляется мне затрудни-тельным, но, если я понял тебя верно, это вполне вероят-но. Как бы то ни было, я предпочитаю думать, что он пос-лал мисс Линдон вслед за Холтом, естественно, полагая, что ты его упустил...

— Именно. И опять я в списке болванов!

— Просто ты сам сказал, что он от тебя ускользнул.

— А все из-за того, что я остановился поговорить с тем тупоголовым констеблем... да я бы за Холтом на край света пошел, если б не та оказия.

— Точно; причина несущественна, но факт остается фактом. Ему удалось от тебя скрыться. И я думаю, что сейчас мисс Линдон и мистер Холт находятся в одном и том же месте.

— Оба одеты как мужчины?

— Оба в мужских костюмах, хотя мисс Линдон скорее в мужских лохмотьях.

— Великий Потифар! Представить, что с Марджори происходит такое!

— Араб в данный момент тоже недалеко от них.

Лессинхэм поймал меня за руку.

— Как вы считаете, что за дьявольскую мерзость он намерен совершить?

Я уклонился от прямого ответа:

— Что бы он ни задумал, наша задача не допустить этого.

— А куда, по-вашему, он их отослал?

— Выяснить это — задача первостепенной важности, и ею мы сейчас займемся. Как видите, мы уже добрались до вокзала Ватерлоо.

Глава 42

Дело осложняется

Я направился к кассе на главной платформе. Пока я шел туда, из своего кабинета появился главный инспектор Джордж Беллинхэм, ответственный за порядок на вокзале. Мы с ним были знакомы, поэтому я смело остановил его:

— Мистер Беллинхэм, не будете ли вы столь любезны проводить меня к кассе? Я хотел бы попросить клерка ответить на один или два вопроса, которые мне необходимо ему задать. Чуть позже я объясню вам, с какой целью, но вы и так достаточно хорошо меня знаете и вряд ли усомнитесь, если я скажу, что дело крайне важное.

Он прошел вместе с нами в служебное помещение зала продажи билетов.

— Мистер Чэмпнелл, кого из кассиров вы хотели бы опросить?

— Того, кто продает билеты третьего класса до Саутгемптона¹

Беллинхэм указал на человека, пересчитывающего пачку денег; по-видимому, кассир намеревался сверить сумму с записями в огромном гроссбухе, развернутом перед ним. Это был невысокий худощавый парень с приятным лицом и улыбчивыми глазами.

— Мистер Стоун, этот джентльмен желает задать вам пару вопросов.

— Я к его услугам.

— Мистер Стоун, продавали ли вы, в течение сегодняшнего дня, билеты человеку, одетому в арабский костюм? — спросил я.

¹ Догадка сыщика может показаться необъяснимой, но для современников автора смысл был прозрачен: Саутгемптон являлся крупнейшим и ближайшим к Лондону (121 км) портом, откуда отходили большие пассажирские суда.

Он ответил с удивительной точностью:

— Продавал. Три билета на последний поезд в семь двадцать пять.

Три билета! Значит, интуиция меня не подвела.

— Вы можете его описать?

Мистер Стоун моргнул.

— Не совсем уверен в этом, разве что в самых общих чертах: он был необыкновенно стар и необыкновенно уродлив, а таких поразительных глаз, как у него, мне еще видеть не доводилось. У меня по телу холодок побежал, когда он уставился на меня через окошко кассы. Еще помню точно, что на голове он нес огромный тюк и придерживал его одной рукой, а края тюка свисали во все стороны — популярности среди людей, стоявших в очереди, ему это не добавило.

Сомневаться не приходилось, то был наш Араб.

— Вы уверены, что он попросил три билета?

— Конечно. Так и сказал: три билета до Саутгемптона — выложил передо мной точную сумму и показал три пальца — вот так. Ну и жуткие у него пальцы, ногти длинные, прямо как когти.

— Вы не видели, с кем он был?

— Нет, впрочем, я даже не смотрел. Отдал ему билеты, и он сразу ушел. На него еще люди вокруг ворчали, потому что он задевал их своим тюком.

Беллинхэм дотронулся до моей руки.

— Я знаю, про какого араба говорит мистер Стоун. Я сам его заметил, когда он настоятельно желал пронести тюк в вагон... и ноша эта была настолько велика, что не проходила в дверь, а оказавшись внутри, заняла целое сиденье. Однако пассажиров ехало меньше, чем обычно, к тому же араб не мог или не хотел понять, что его драгоценный груз останется в безопасности в багажном вагоне, да и походил на человека, с которым спорить бессмысленно, так что я просто разрешил ему обосноваться в отдельном купе, вместе с его тюком и прочим.

— Он в тот момент был один?

— Тогда я подумал, что да: про другие билеты или спутников он промолчал, — но перед самым отбытием поезда к нему присоединились двое, мужчины, англичане. Когда я возвращался к себе, контролер у входа на перрон сказал, что те двое прошли к поезду вместе с арабом и он показывал три билета. Контролер еще тогда подумал, что это странно: он чужеземец, а они вроде местные.

— Вы можете описать тех двоих?

— Я-то вряд ли, но контролер, который проверял их билеты, сможет. Я был у другого конца поезда, когда они пришли. Успел только заметить, что первый казался достаточно заурядным, а второй был одет как бродяга, весь в лохмотьях и обносках, мне он тогда крайне не понравился.

Я подумал: «Ведь это была мисс Марджори Линдон, прекрасная девушка из почтенного семейства, избранница будущего министра».

Но вслух сказал:

— Мистер Беллинхэм, мне бы хотелось, чтобы вы немного отступили от правил и оказали мне услугу, а я, в свою очередь, уверяю, что вам не придется об этом жалеть. Пожалуйста, пошлите на следующую станцию телеграмму с приказом задержать араба и его спутников и не отпускать до получения дальнейших инструкций. В данный момент полиция их не разыскивает, но, как только я передам сведения в Скотланд-Ярд, приступит к розыскам — и, поверьте, весьма энергично. Как вы успели понять, сейчас нам дорога каждая секунда. Где мне найти начальника вокзала?

— Он уже ушел. Я его замещаю.

— Так вы сделаете это для меня? Повторяю, вам не придется об этом сожалеть.

— Сделаю, но только под вашу ответственность.

— С удовольствием соглашусь.

Беллинхэм взглянул на часы.

— Сейчас примерно без двадцати девять. По расписанию поезд прибывает в Бейсингсток в девять ноль шесть. Если мы незамедлительно отправим туда телеграмму, их задержат, как только поезд придет.

— Отлично!

Телеграмма была отправлена.

Нас проводили в кабинет Беллинхэма, где мы стали ждать ответа. Лессинхэм безостановочно мерил шагами комнату; кажется, он утратил всякую власть над собой, и беспрестанное движение стало для него абсолютной необходимостью. Непоседливый Сидней, напротив, уселся, откинувшись на спинку стула, вытянул ноги перед собой и глубоко засунул руки в брючные карманы. Он не сводил взгляда с Лессинхэма, словно наблюдение за волнением спутника помогало ему успокоиться. Я же попытался как можно полнее, насколько позволяли ситуация и время, изложить дело в письме, которое отправил с вокзальным полицейским в Скотланд-Ярд.

Затем я обратился к своим компаньонам:

— Джентльмены, день близится к вечеру. Возможно, нам предстоит дальняя поездка. Осмелюсь посоветовать немного перекусить.

Лессинхэм потряс головой.

— Ничего не хочется.

— Мне тоже, — эхом отозвался Сидней.

Я вскочил с места.

— Вы уж извините, если скажу глупость, но, безусловно, вам ли, мистер Лессинхэм, не знать, что нельзя исправить положение, будучи неспособным здраво его оценить? Идите и поешьте.

Невзирая на сопротивление, я потащил их в буфет, где пообедал сам — не слишком хорошо, а мистер Лессинхэм с трудом справился с тарелкой супа. Сидней копался в малопривлекательном пироге с курицей и ветчиной; в этом он оказался упрямее Лессинхэма: нам так и не удалось переубедить его взять что-нибудь менее тяжелое для пищеварения.

Я только-только покончил с котлетой и намеревался приступить к сыру, когда в буфет, с телеграммой в руке, ворвался Беллинхэм.

— Птички упорхнули, — закричал он.

— Упорхнули!.. Как?

Вместо ответа он передал мне телеграмму. Я прочитал ее:

«Описанные личности в поезде не обнаружены. Проводник утверждает, что они сошли в Воксхолле. Телеграфировал в Воксхолл, они вам ответят».

— Какой рассудительный малый послал эту телеграмму, — сказал Беллинхэм. — Самостоятельно отправил в Воксхолл сообщение, и это сэкономит нам много времени; надо немедленно связаться с ними. Ого!.. это еще что? Не удивлюсь, если нам уже ответили.

Пока он говорил, вошел носильщик и передал Беллинхэму конверт. Инспектор распечатывал телеграмму, а мы не сводили глаз с его лица. Наконец он прочитал депешу и не смог сдержать удивленного возгласа:

— Мистер Чэмпнелл, этот ваш араб со своими приятелями, кажется, прелюбопытнейший тип.

Он передал бумагу мне. Телеграмма походила на доклад. Лессинхэм с Сиднеем, отбросив условности, нависли над моим плечом, пока я ее читал:

«Пассажиры вечернего поезда до Саутгемптона жаловались на шум, исходивший из купе в вагоне 8964. Установлено, что со времени отбытия поезда из Ватерлоо оттуда раздавались крики и вопли, словно там кого-то убивали. Из купе вышли араб и два англичанина, весьма подходящие под описание в телеграмме из Бейсингстока. Все трое утверждали, что ничего особенного не происходило, а кричали они, потому что решили так развлечься. Араб сдал три билета до Саутгемптона в кассу, а в ответ на вопросы объяснил, что они передумали и дальше не поедут. Так как следов борьбы или насилия обнаружено не было, причин для задержания не нашлось и им было разрешено уйти. Они взяли кэб (номер 09435). Араб и один его спутник сели внутрь экипажа, а второй англичанин поехал снаружи. Местом назначения была

названа Коммершиал-роуд в Лайм-хаусе¹. Кэб успел вернуться. Извозчик говорит, что по просьбе пассажиров высадил их на Коммершиал-роуд, на ее пересечении с Сатклифф-стрит, недалеко от порта. Они пошли вверх по Сатклифф-стрит: англичане впереди, араб сзади — повернули за первый же угол и скрылись из глаз. Извозчик также рассказал, что всю дорогу англичанин внутри экипажа, настолько грязный и потрепанный, что его не хотелось пускать в кэб, непрерывно рыдал, и это так сильно привлекало внимание, что он дважды спускался с облучка и заглядывал внутрь кареты, желая убедиться, все ли в порядке, и оба раза англичанин отвечал, что ничего особенного не происходит. Извозчику показалось, что оба англичанина слабы умом. Мы тоже заметили это. Они молчали, пока араб не приказывал им говорить, а когда к ним обращались, смотрели пустым взглядом, как сумасшедшие.

Стоит отметить, что араб нес огромный тюк, который, вопреки протестам кэбмена, взял с собой внутрь экипажа».

Я внимательно изучил содержание доклада, не упустив из вида его ужасный тайный смысл, неведомый составителю, после чего обратился к Беллинхэму:

— Мистер Беллинхэм, с вашего позволения, я оставляю этот отчет у себя: в моих руках он будет в безопасности, вы же можете снять копию, а если понадобится, я предоставлю оригинал в полицию. Когда поступит запрос из Скотланд-Ярда, скажите, что я отправился на Коммершиал-роуд и о дальнейших своих действиях сообщу в полицейский участок Лаймхауса.

Через минуту мы вновь колесили по улицам Лондона — втроем в хэнсомовском кэбе.

¹ Лаймхаус — район в Восточном Лондоне.

Глава 43

Убийство у миссис Хендерсон

От Ватерлоо до Лаймхауса путь неблизкий, и он кажется еще длиннее, если волнение до предела натягивает нервы и только и думаешь, как бы поскорее добраться до места. Как назло, кэб нам попался не из быстрых. Начало поездки прошло в тишине. Все размышляли о своем.

Потом Лессинхэм, сидящий рядом со мной, сказал:

— Мистер Чэмпнелл, то сообщение все еще у вас?

— Да.

— Вы не покажете его мне?

Я передал ему бумагу. Он прочитал ее один раз, затем повторно — и, по-моему, снова. Я старался не смотреть на него, однако не мог не заметить, что щеки его побледнели, рот задергался и лихорадочно заблестели глаза; этот Народный Вождь, чьей главной чертой всегда считалась невозмутимость, был готов сорваться, как истеричная дама. Умственное напряжение, преследовавшее его в последние дни, слишком сильно сказалось на его физическом состоянии. Исчезновение любимой, безусловно, стало последней каплей. Я понял, что если в скором времени это напряжение не разрядится, он окажется гораздо ближе к эмоциональному и интеллектуальному краху, чем сам предполагает. Будь у меня власть над Лессинхэмом, я бы тут же приказал ему отправиться домой и ни о чем не думать, но в сложившейся ситуации я сознавал, что это бесполезно, и поэтому решил действовать совершенно иначе. Чувствуя, что ожидание для него является худшей мукой, я счел нужным объяснить, насколько это возможно, чего именно опасюсь и как предполагаю предотвратить нежелательный ход событий.

Вскоре он задал давно ожидаемый мной вопрос, но сделал это голосом столь хриплым и надорванным, что тот, кто слышал его выступления перед избирателями или в Палате общин, вряд ли узнал бы его:

— Мистер Чэмпнелл... кем, по вашему мнению, был человек в обносках и лохмотьях, описанный в докладе с Воксхоллского вокзала?

Он прекрасно знал, кто это был, но я понимал, почему ему так хочется, чтобы догадку высказал я.

— Надеюсь, что этим человеком окажется мисс Линдон.

— Надеетесь! — у него вырвался стон.

— Да, надеюсь: ведь если это так, то не исключено и даже вполне вероятно, что через несколько часов она вновь окажется в ваших объятиях.

— Дай Бог, чтобы вы оказались правы!.. дай-то Бог!.. да смилостивится над нами Господь!

Я не смел на него посмотреть: дрожь в голосе говорила о том, что в глазах Лессинхэма стоят слезы. Атертон продолжал молчать. Он наполовину высунулся из кэба, глядя прямо вперед, будто видел там девушку, вызывающую к нему, и не мог отвести от нее взора.

Потом Лессинхэм опять заговорил, то ли обращаясь к себе самому, то ли ко мне:

— Там написано о криках в поезде и плаче в кэбе... что этот негодяй сделал с ней? Как моя милая, должно быть, страдает!

Лично я вряд ли позволил бы себе задумываться над этим. Представляя, как взлелеянная в неге девушка попала во власть дьявола во плоти, одержимого — я не сомневался, что так называемый Араб одержим, — всеми демонами ужаса и страха, я не мог унять дрожь. Отчего, как говорилось в отчете со станции, кто-то пронзительно кричал, заставляя пассажиров думать, что совершается убийство? Какая невыносимая боль стала причиной воплей? Какая нестерпимая мука? Что за плач заставил приземленного и много повидавшего извозчика дважды спускаться с козел и проверять, в чем там дело? Какие страдания все это могло означать? Беспомощная девушка — успевшая испытать так много, пережить мучения, что были, возможно, хуже смерти! — оказалась заперта в тряской, болтающейся карете вместе с адским чужеземцем и огромным тюком, внутри которого таились безымянные кошмары... как издевались над

ней, пока везли через самый центр цивилизованного Лондона? Что она испытывала, беспрестанно стеная и рыдая?

О таких вещах лучше не думать, и мне было совершенно очевидно, что следует во что бы то ни стало отвлечь Лессинхэма от горестных размышлений.

— Ну же, мистер Лессинхэм, ни вас, ни меня подобные мрачные мысли до добра не доведут. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Кстати, разве сегодня вы не должны были произносить речь в Палате общин?

— Должен!.. Да, я должен был выступить... но какое это имеет значение?

— Но вы никого не предупредили о том, что будете отсутствовать?

— Предупредил?.. но кого я должен был поставить в известность?

— Дорогой мой! Послушайте меня, мистер Лессинхэм. Я бы всерьез хотел, чтобы вы последовали моему совету. Возьмите другой кэб — или даже этот! — и немедленно отправляйтесь в Парламент. Еще не поздно. Будьте мужчиной, произнесите речь, которую обязаны произнести, исполните свой политический долг. Если вы поедете со мной, то скорее помешаете, чем поможете, и при этом, вероятно, нанесете своей репутации непоправимый урон. Делайте, как говорю, а я приложу все усилия к тому, чтобы вы получили благие новости еще до окончания своего выступления.

Он ответил мне с горечью, к которой я оказался не готов:

— Если я отправлюсь в Парламент и, находясь в таком состоянии, попробую произнести речь, меня засмеют, похоронив мою карьеру.

— Разве, пропустив заседание в Палате, вы не рискуете тем же?

Он схватил меня за рукав.

— Мистер Чэмпнелл, вы понимаете, что я на грани безумия? Понимаете, что хотя я сижу рядом с вами, я продолжаю жить в двойственном мире? Я все пытаюсь и пытаюсь схватить этого... этого дьявола и вдруг оказываюсь в его египетском логове, на постели из ковров, а рядом с собой

вижу Певицу, тогда как Марджори истязают, рвут на части и сжигают у меня на глазах! Да поможет мне Бог! В моих ушах звенят ее крики!

Он говорил довольно тихо, но от этого не менее выразительно. Я собрался с силами и строго ответил ему:

— Признаюсь, мистер Лессинхэм, я в вас разочарован. Мне всегда казалось, что вы человек недюжинного склада, а вместо этого предо мной некто необыкновенно слабый, с настолько разыгравшейся фантазией, что его волнение больше походит на женскую истерику. Ваши дикие речи совсем не соответствуют обстоятельствам. Повторяю, я ничуть не исключаю, что к завтрашнему утру мисс Линдон окажется рядом с вами.

— Да... но какой она будет? Той же Марджори, которую я знаю, с которой я расстался вчера... или иной?

Я уже задавался этим вопросом: в каком состоянии мы найдем ее, когда наконец вызволим из плена? Я отказывался думать об ответе. И я покривил душой:

— Давайте надеяться, что она вернется прежней, целой и невредимой, пусть и немного напуганной.

— Вы сами-то верите, что так будет: ее не тронут, она не изменится, сохранив свою чистоту?

Тут я не мог не солгать, потому что мне показалось необходимым успокоить его растущее возбуждение:

— Верю.

— Не верите!

— Мистер Лессинхэм!

— Думаете, я не вижу вашего лица, на котором написаны те же мысли, что терзают меня? Являясь человеком чести, неужели вы продолжите отрицать свои опасения, что когда Марджори вернется ко мне — если вернется! — то от моей возлюбленной останется одна лишь оскверненная оболочка?

— Даже если предположить, что в ваших словах имеется крупица истины — а я отнюдь не намерен этого делать, — какой смысл заговаривать о таком с подобным отчаянием?

— Да, смысла нет... если, конечно, не хочется взглянуть в глаза правде. Мистер Чэмпнелл, не надо со мной лице-

мерить или пытаться что-то скрывать, как будто я малое дитя. Если жизнь моя разрушена — а ей действительно конец, — скажите об этом прямо, выкладывайте все как есть. Вот это, по-моему, и называется мужским поведением.

Я молчал.

Дикая история его пребывания в каирской преисподней, столь странная — хотя почему странная, когда мир наш полнится совпадениями?! — пролила свет на определенные события, произошедшие три года тому назад и с тех пор остававшиеся окутанными тайной. Тогда это дело попало мне в руки. Если вкратце, случилось следующее.

Трое — две сестры и их младший брат, выходцы из приличной английской семьи, — отправились в кругосветное путешествие. Они были молоды, жаждали приключений и, грубо говоря, творили всякие глупости. Вечером после своего приезда в Каир им вдруг «взбрело в голову», несмотря на возражения людей более осведомленных, чем они сами, прогуляться в одиночку по туземным кварталам.

Они ушли — и больше не вернулись. Точнее, не вернулись обе сестры, потому что спустя некоторое время молодого человека — то, что от него осталось, — все же обнаружили. Когда они пропали, начались розыски, но так как родственников или даже друзей у них в стране не оказалось, а имелись только случайные знакомые, прибывшие в Египет на одном корабле с ними, то и особой суматохи вокруг их исчезновения никто не поднял. В любом случае, ничего не нашли. В Англии у них осталась мать-вдова, получившая одну лишь короткую телеграмму об их прибытии в Каир и не знавшая ничего о том, что с ними там произошло. Она связалась с египетским посольством и выяснила, что, по всей вероятности, ее детей больше нет на белом свете.

Вот тогда и поднялась настоящая шумиха. Насколько я могу судить, полиция перевернула вверх дном город и его окрестности. Но все оказалось тщетно: если говорить о результатах поисков, то власти могли бы с тем же успехом оставить дело в покое — от этого ничего бы не изменилось.

Тем не менее, примерно три месяца спустя, группа дружественно настроенных арабов доставила в британское по-

сольство юношу, уверяя, что они нашли его, нагого и полумертвого, посреди пустыни в районе Вади-Хальфы¹. В нем признали брата двух пропавших девушек. Когда его принесли в посольство, он находился между жизнью и смертью, ближе к последней, к тому же был невероятно искалечен. Под тщательным присмотром врачей он, кажется, начал поправляться, однако так и не произнес ни одного разумного слова. Хоть как-то понять, что с ним случилось в действительности, можно было, лишь прислушиваясь к его горячечному бреду.

За ним записали кое-какие отрывочные фразы и позже передали заметки мне. Я прекрасно помню их суть, а когда мистер Лессинхэм приступил к своему чудовищному рассказу, они отчетливо всплыли в моем сознании. Если бы я показал ему те записи, то он, конечно же, немедленно бы понял, что — спустя семнадцать лет после злоключений, оставивших неизгладимые шрамы на его сердце — этот юноша, едва ли не мальчик, видел то же самое, что видел он, и страдал от немислимых мук и унижений, выпавших и на его долю. Молодой человек в бреду беспрестанно твердил о некоем невообразимо ужасном месте, как две капли воды похожем на храм из рассказа Лессинхэма, и о чудовище в женском обличье, так сильно пугавшем его, что при малейшем воспоминании он бился в конвульсиях, остановить которые могли лишь умелые руки медиков. Он часто звал своих сестер и говорил о них так, будто ему выпало стать невольным и беспомощным свидетелем ужасных пыток, которым их подвергали; и тогда он приподнимался на постели и кричал: «Они сжигают их!.. сжигают! Дьяволы!.. дьяволы!» И каждый раз требовалась вся сила его сиделок, чтобы укротить этот яростный припадок.

Юноша умер во время одного из подобных приступов неестественного перевозбуждения и не успел, как я уже написал, сказать ничего членораздельного; он скончался, не приходя в сознание, и некоторые люди, способные в полной

¹ Вади-Хальфа — город на правом берегу Нила, находится в современном Судане на границе с Египтом.

мере оценить его состояние, сочли, что такая смерть была для него благом. Вскоре поползли слухи о некой секте идолопоклонников, чей храм, вероятно, находился где-то в глубине страны; кто-то утверждал, что он располагается в одной округе, кто-то указывал на другую местность. Так или иначе, говорили, что культ продолжает существовать, как беспрерывно существовал на протяжении всей истории, в форме отвратительных, нечистых, таинственных и кровавых ритуалов и идолослужения, зародившегося в столь далекий период становления человечества, что было бы вернее описать то время как доисторическое.

Шумиха никак не хотела утихать, когда в британское посольство пришел туземец, заявивший, что он принадлежит к племени, обитающему на берегах Белого Нила¹. Он рассказал, что вступал в соприкосновение с той самой языческой религией, однако не входил в круг сектантов. Тем не менее, он не стал отрицать своего участия в оргиях и поведал, что приношение девушек в жертву является постоянной практикой секты и что идолопоклонники предпочитают белых христианок, питая особое пристрастие к англичанкам, если удастся их захватить. Он поклялся, что своими глазами видел, как юных английских дев сжигают заживо, а данное им описание происходящего до и после ужасных убийств заставило слушателей содрогнуться. Закончил он предложением за определенную и немалую плату отвести отряд солдат в это логовище порока и заставить язычников в полном составе в момент, когда они соберутся для участия в богослужении, которое должно состояться в ближайшие несколько дней.

Его предложение приняли — с некоторыми оговорками. Египтянина заперли в отдельной комнате с двумя охранниками — снаружи и внутри нее. Ночью часовой у дверей услышал сильный шум и пугающие крики, доносящиеся из помещения, где находился туземец. Он вызвал подмогу. Дверь открыли. Солдат, несший караул в комнате, потерял рассудок; он умер через несколько месяцев, до конца жиз-

¹ Белый Нил — река в Африке, один из двух основных притоков Нила.

ни оставшись сумасшедшим идиотом. Египтянина нашли мертвым. Единственное окно, надо сказать, очень маленькое, было надежно заперто изнутри, а снаружи закрыто крепкой решеткой. До сих пор неизвестно, как убийца проник внутрь. Однако те, кто видел тело, сошлись во мнении, что египтянин погиб от когтей дикого зверя. Жертву сфотографировали, и копия этой фотографии попала ко мне. На ней явственно различимы рваные раны на шее и нижней части живота, словно оставленные после нападения огромного и кровожадного животного. Череп пробит в полудюжине мест, а лицо разорвано в клочья.

Это произошло более трех лет назад. Дело так и не раскрыли. Но я несколько раз сталкивался с мелкими происшествиями, заставившими меня поверить, что ужасная история, рассказанная убитым египтянином, была хотя бы частично правдива. Невольно я задумывался, не продолжают ли по сей день исчезать люди и не попадают ли и сейчас на тот проклятый алтарь женщины одного со мной народа. И вот ко мне пришел Пол Лессинхэм, всемирно известный политик, человек незаурядного ума и бесспорной честности, и невольно подтвердил все худшие подозрения!

Я более не сомневался в том, что создание, известное нам как Араб, хотя арабского в нем не больше, чем во мне, и, конечно, носящее иное имя, чем Мохамед эль-Кер, является посланником логовища демонов. Но зачем оно прибыло в Англию, оставалось загадкой. Не исключено, что одной его целью было телесное и духовное уничтожение Пола Лессинхэма, а другой — поиск новых жертв для многовекового жертвоприношения. Я пребывал в убеждении, что последнее объясняет причину исчезновения мисс Линдон. Безусловно, ее похититель, это воплощение зла, уготовал ей участь подвергнуться всем ужаснейшим мукам, описанным в свидетельствах, и быть сожженной заживо среди победных воплей языческих дьяволов. И, конечно же, негодяй, понимая, что его вот-вот настигнут, сейчас беснуется, рвет и мечет и не остановится ни перед чем, лишь бы вывезти бедняжку из Англии.

Мой интерес к делу давно уже вышел за рамки профессионального. Кровь моя закипала от одной мысли о том, что такая женщина, как мисс Линдон, попала во власть чудовища. Могу смело заявить, что на протяжении всего расследования я совсем не думал о плате или благодарности. Для меня стало бы лучшей наградой само участие в спасении несчастной девушки и уничтожении ее кошмарного обидчика.

Не всегда человек, даже в делах сугубо профессиональных, следует исключительно профессиональным целям.

Кэб замедлил движение. Из люка наверху раздался голос извозчика:

— Коммершиал-роуд, сэр. Где вас высадить?

— Едем в полицейский участок Лаймхауса.

Он довез нас до места. Я подошел к окошку и обратился к дежурному инспектору.

— Меня зовут мистер Чэмпнелл. Вы получали сегодня вечером какие-либо известия от Скотланд-Ярда об интересующем меня деле?

— Вы о деле араба? Полчаса назад нам позвонили.

— Скотланд-Ярду известно, что власти с Воксхоллского вокзала передали определенные сведения. Можете ли вы сказать: люди из вашего подразделения видели этого человека?

Я протянул инспектору «доклад» из Воксхолла. Его ответ был лаконичен:

— Я спрошу.

Он прошел внутрь участка, унося с собой бумагу.

— Прощеньца просим, сэр, но о каком таком арабе вы говорили с инспектором?

Вопрос задал джентльмен, безусловно принадлежащий к классу босяков. Он восседал на скамье, а рядом маячил полицейский, как я понял, специально приставленный присматривать за ним.

— Почему вы спрашиваете?

— Прощеньца просим, сэр, но я своими глазами видал араба с час назад; ни дать ни взять, гляделся он арабом.

— Как именно он выглядел?

— Описать-то я его навряд сумею, сэр, потому как разглядеть я его не разглядел, однако на башке он тащил славенький такой тюк... Вот как оно было. Выворачиваю я из-за угла, а он идет мимо, не приметил я его, покуда сам на него не выскочил да лоб в лоб случайно не влетел — ух ты ж! — он мне как врезал, вроде ничего не сделал, а я уже навзничь посередь дороги валялся. Я очухаться не успел, как он уже на другом конце улицы оказался. Если б он меня не вырубил, я бы мигом за ним припустил, точно вам говорю!.. я б его спросил, что там о себе такое думает, вот только, когда в себя сызнава пришел, его уж и след простыл!

— Вы уверены, что на голове он нес тюк?

— Вот это уж я особым образом приметил.

— Как давно, вы говорите, это случилось? И где?

— Около часа назад... может, чуток раньше или чуток позже.

— Он был один?

— Кажись, шел за ним какой-то тип, вроде того — припоминаю, по пятам за ним тащился паренек, уж не знаю, чего ему там понадобилось, но что шел, точно. Спросите вон бобби... он знает, эти бобби всегда все знают.

Я обратился к «бобби»:

— Кто этот человек?

«Бобби» сцепил руки за спиной и выпятил грудь. Он оказался крайне дружелюбен:

— Да ладно вам... задержали мы тут его по одному подозрению. Дал он нам адрес, чтобы справки навести, ну, мы и навели. На вашем месте, я бы его слушать не стал. Помоему, ему соврать, что плюнуть.

Это честное высказывание заставило джентльмена на скамье возмутиться:

— Ах ты легавый! Опять за свое! Все вы, бобби, одним миром мазаны! Да что ты обо мне знаешь? Ничегошеньки! У энтото джентльмена, как я разумею, нет причин мне не доверять... хотя мне едино, верит он мне иль нет, однако ж тут я ни капли не вру.

В этот момент в окошке показался инспектор и тут же перекрыл фонтан красноречия:

— Эй, там, хватит шуметь! — Он обратился ко мне: — Насколько нам известно, никто из нашего подразделения не видел нужного вам человека. Но если пожелаете, мы можем послать с вами полицейского, который будет сопровождать вас, пока вы опрашиваете население.

Тут с улицы в участок ворвался до крайности взволнованный оборвыш. Он бежал сюда изо всех сил, потеряв по дороге головной убор и запыхавшись:

— Мистер полицейский, там убийство... араб парня уколошил.

«Мистер полицейский» схватил его за плечо:

— Что такое?

Мальчишка выставил вперед руку и инстинктивно пригнулся, будто защищаясь от удара:

— Не трожьте меня! Не надо меня держать!.. Ничего я вам не сделал! Говорю вам, это все он!

— Что он, дружок, сделал? Что такое там произошло? — спросил инспектор в окошке.

— Убийство там... как пить дать!.. это все он!.. у миссис Хендерсон в Пэрэдайс-плейс... араб пришел и парня убил!

Глава 44

Тот, кого убили

Инспектор повернулся ко мне:

— Если мальчик говорит правду, то похоже, что к делу приложил руку разыскиваемый вами человек.

Я придерживался того же мнения, как, очевидно, и Лессинхэм с Сиднеем. Атертон приобнял вестника за плечо, освободившееся от хватки «мистера полицейского»:

— А что там за парня уколошили?

— Ниче не знаю! Сам его не видал! Это миссис Хендерсон меня кликнула! «Густус Барли, — говорит, — тут человека убили. Полчаса назад я араба из дома вышвырнула, а парня-то он уже уколошил да у меня в задней комнате оставил. Беги со всех ног в участок и расскажи это треклятым легавым, раз уж они все равно свои грязные носы в дома уважаемых людей совать любят». Ну, я побежал и рассказал. Больше ниче не знаю.

Мы вчетвером: инспектор, Лессинхэм, Сидней и я — втиснулись в хэнсом, ожидавший нас снаружи, и отправились в Пэрэдайс-плейс к миссис Хендерсон. «Мистер полицейский» и Август Барли последовали за нами пешком. По дороге инспектор объяснил ситуацию:

— У миссис Хендерсон что-то вроде пансиона, «Пристанище для моряков», как она сама его называет, но заведение у нее то еще. Добрые люди там не селятся, и если вы меня спросите, то я прямо скажу, что творятся там непотребства.

Пэрэдайс-плейс оказался в трех или четырех сотнях метров от участка. Насколько можно было разглядеть в темноте, квартал состоял из нескольких домов изрядных размеров — и изрядного возраста. У каждого было каменное крыльцо с двумя или тремя ступеньками, выходящее прямо на улицу. У одной из дверей стояла пожилая дама в шали,

накинутой на голову. Это и была миссис Хендерсон. Она с ворчливым многословием приветствовала нас:

— Надо же, прибыли. Я уж думала, никогда не приедете, вот как. — Она узнала инспектора: — Вы, что ль, мистер Филипс? — При виде нас, она немного отпрянула. — А это еще кого принесло? Они ж не легавые, да?

Мистер Филипс коротко оборвал ее:

— Не ваше дело, кто они такие. Что там я слышал про убийство?

— Тсс! — Старуха окинула взглядом улицу. — Не так громко, мистер Филипс. Пока никто ничего об этом не знает. В моем пансионе останавливаются приличные люди — еще какие приличные! И вряд ли им понравится, что здесь рыскает полиция.

— В этом-то мы не сомневаемся, миссис Хендерсон.

Фраза была произнесена мрачным тоном.

Миссис Хендерсон повела нас вверх по лестнице, которую не мешало бы починить. Приходилось смотреть, куда ставишь ногу, а так как света не хватало, то мы не раз и не два спотыкались.

Наша проводница остановилась у двери на самом верхнем этаже. Из какой-то потаенной складки платья она извлекла ключ.

— Он там. Я дверь заперла, чтоб никто ничего не тронул. Я-то знаю, какие вы, полицейские, дотошные.

Она открыла замок. Мы все вошли внутрь, однако теперь хозяйка держалась за нашими спинами.

На ветхом, поломанном умывальнике слабо мерцала свеча. Рядом с умывальником стояла узкая железная койка с беспорядочным ворохом белья на ней. Еще мы увидели плетеный стул с продырявленным сиденьем, и все это, вкупе с парой треснувших плошек и круглым зеркальцем, висевшим на вбитом в стену гвозде, служило единственной обстановкой в комнате. Ничего похожего на труп убитого человека я не заметил. Кажется, инспектор тоже.

— Что это значит, миссис Хендерсон? Я ничего здесь не вижу.

— Гляньте за лежанкой, мистер Филипс. Где я его нашла, там и оставила, в жизнь бы до него не дотронулась, да и другим трогать его не дала, потому как, сами слышали, я вашу полицейскую дотошность знаю.

Мы вчетвером поспешили вперед. Чтобы увидеть труп, я и Атертон зашли со стороны изголовья, а Лессинхэм с инспектором перегнулись через кровать. Там, на полу между кроватью и стеной, лежал убитый.

Увидев его, Сидней воскликнул:

— Это Холт!

— Слава Богу! — вырвалось у Лессинхэма. — Это не Марджори!

В его голосе явственно слышалось облегчение. То, что человека больше нет на свете, волновало его гораздо меньше сознания, что девушка жива.

Отодвинув койку на середину комнаты, я склонился над распростертым на полу телом. Мне редко доводилось лицезреть кого-то в более плачевном состоянии. Одежда на Холте была приличная: серый твидовый костюм, белая шляпа, воротничок и галстук, — но, вероятно, от этого его крайнее истощение еще более бросалось в глаза. Вряд ли на его теле нашлась бы хоть унция плоти. Щеки и глазницы превратились в зияющие провалы. Кожа туго обтянула скулы, и из-под нее торчали кости. Даже от носа почти ничего не осталось, разве что хрящ. Я подложил руку ему под спину и приподнял тело с пола, не почувствовав веса: Холт оказался легким, как ребенок.

— Сомневаюсь, — произнес я, — что здесь произошло убийство. По-моему, мы имеем дело с жертвой голода или изнеможения, возможно, того и другого вместе.

— Что это на его шее? — спросил инспектор, успевший опуститься на колени рядом со мной.

Он указал на две ссадины на коже, по одной с каждой стороны.

— Кажется, царапины. И довольно глубокие, но вряд ли они сами по себе могли послужить причиной смерти.

— Могли бы, если учесть уже ослабевший организм. В карманах у него что-нибудь есть?.. давайте-ка положим пар-

ня на кровать.

Так мы и сделали, благо был он легок как перышко. Пока инспектор проверял его карманы — в них ничего не нашлось, — в комнату влетел высокий чернобородый мужчина. Он оказался доктором Глоссом, полицейским врачом, за которым послали, когда мы уходили из участка.

Едва начав осмотр, он поразил нас странным, в данных обстоятельствах, заявлением:

— Не верю я, что этот человек мертв. Почему за мной не послали сразу после того, как его обнаружили?

Этот вопрос он задал миссис Хендерсон.

— Ну, доктор Глосс, я сама его не трогала и другим не давала, потому как я же говорила, знаю я, какие эти полицейские дотошные.

— В таком случае, если он все-таки умрет, то в его убийстве вы тоже будете виновны — так-то.

Дама хихикнула:

— Знаем-знаем, доктор Глосс, какой вы шутник.

— Вот повесят вас за это, как полагается, тогда посмейтесь... — Эту фразу доктор пробормотал себе под нос. Сомневаюсь, что миссис Хендерсон она польстила. — В доме есть бренди?

— Ежели кто платить готов, то для того у нас все имеется, все-все. — Затем, неожиданно вспомнив про присутствие полиции и о том, что лицензии на продажу спиртного у ее заведения нет, она добавила: — По крайней мере, были б деньги, а за бутылкой мы завсегда пошлем, как известно, лишь бы гостю угодить.

— Вот и пошлите — к бочонку внизу, он же ближайший! Если опоздаете и этот человек умрет, я позабочусь, чтоб вас в тюрьме сгноили, провалиться мне на этом месте.

Нам не пришлось долго дожидаться бренди, однако человек на постели успел к этому времени очнуться. Он открыл глаза и посмотрел на склонившегося над ним врача.

— Привет, дружок!.. вот это уже дело! Как себя чувствуете?

Пациент глядел на него затуманенным взором, словно никак не мог прийти в себя и очутившийся перед ним бо-

родатый здоровяк казался ему какой-то диковинкой. Атертон наклонился над плечом доктора.

— Рад, что вам лучше, мистер Холт. Вы же меня узнаете? Я за вами весь день пробегал.

— Вы... вы... — Холт прикрыл глаза, точно попытка вспомнить вконец его измотала. Не поднимая век, он продолжал говорить:

— Я знаю, кто вы. Вы... тот джентльмен.

— Именно, я тот самый джентльмен — по фамилии Атертон... друг мисс Линдон. Должен сказать, вы порядком измотались, вам бы попить да поесть... глотните-ка бренди.

Доктор плеснул немного напитка в стакан. Приподняв голову пациента, он позволил бренди тонкой струйкой литься в горло. Холт механически глотал, оставаясь при этом недвижимым, будто не сознавая, что делает. Щеки больного вспыхнули, и этот быстро сошедший с лица румянец лишь подчеркнул его необычайную и воистину поразительную изможденность. Врач помог Холту опуститься на подушку и, молча встав рядом, взял его за запястье и начал считать пульс.

Затем, повернувшись к инспектору, доктор негромко произнес:

— Если хотите его допросить, делайте это прямо сейчас: он быстро утасует. Многого от него не добьетесь — он слишком слаб, я лично тормозить бы его не стал, однако попытайтесь хоть что-то разузнать.

Инспектор с блокнотом в руке шагнул поближе.

— Как я понял со слов этого джентльмена, — он кивнул на Атертона, — ваше имя Роберт Холт. Я из полиции, и мне нужно выяснить, почему вы оказались в таком состоянии. На вас напали?

Холт, приоткрыв глаза, невидяще посмотрел на инспектора, словно никак не мог не только разглядеть его, но даже понять, что он говорит. Сидней, склонившись над больным, попытался объяснить:

— Инспектор хочет знать, как вы сюда попали и что с вами случилось. Вам сделали что-то плохое?

Веки Холта вновь начали смыкаться. Но вдруг его глаза распахнулись, становясь все шире и шире. Рот тоже открылся. На его лице, схожем с черепом, появилось выражение панического страха. Он старался заговорить, но не мог. Наконец у него получилось:

— Жук! — Он замолк. Потом вновь приложил все усилия: — Жук!

— О чем это он? — спросил инспектор.

— Кажется, я понимаю, — сказал Сидней и обратился к человеку на койке: — Да, я вас слышу: жук. Этот жук что-то вам сделал?

— Схватил за горло!

— Поэтому у вас на шее отметины?

— Жук меня убил.

Его веки сомкнулись. Холт впал в беспамятство. Инспектор был озадачен — и не скрывал этого:

— Про какого жука он говорит?

— Полагаю, мне — и моим товарищам — все и так ясно. Мы объясним позже. А сейчас нам необходимо вытянуть из него все, что можно... пока время не вышло.

— Да, — подтвердил доктор, не отпуская запястье больного, — время еще есть. Немного, счет идет на секунды.

Сидней попытался привести Холта в чувство:

— Мистер Холт, вы всю вторую половину дня провели с мисс Линдон. Это так?

Атертону удалось пробудить что-то в сознании несчастного. Его губы задрожали, мучительно выговаривая:

— Да... весь день... и вечер... Господи, помоги мне!

— Надеюсь, Бог тебе поможет, бедный мой товарищ; тебе, как никому другому, нужна Его помощь. На мисс Линдон сейчас твоя старая одежда, ведь так?

— Да... старая одежда. Боже!

— Где теперь мисс Линдон?

До этого Холт отвечал с закрытыми глазами. Теперь они широко раскрылись, и в них вернулся прежний ужас. Сам он пришел в крайнее возбуждение — и приподнялся на кровати. Трясущиеся губы начали выговаривать слова, будто мучительно выдавливая звук за звуком:

— Жук хочет убить мисс Линдон.

Кажется, он содрогнулся до глубин своего существа. Его всего заколотило. Он упал обратно на подушку — и это был плохой признак. Врач молча осмотрел его, мы тоже притихли.

— На сей раз он ушел безвозвратно, его не вернет никакое волшебство.

Я вдруг ощутил, что кто-то сжимает мне руку; это Лессинхэм, возможно, не осознавая, как сильно давит, схватил меня за предплечье. Его рот подергивался. Он дрожал. Я окликнул медика:

— Доктор, не осталось ли у вас глотка бренди для моего друга?

Лессинхэм проглотил остатки «шиллингового пойла». Кажется, это спасло нас от истерики.

Инспектор заговорил с хозяйкой заведения:

— Итак, миссис Хендерсон, давайте, объясните нам, что все это означает. Кто он такой, как сюда попал, кто с ним был, что вам вообще известно? Если вам есть что сказать, выкладывайте, однако будьте осторожны: я обязан вас предупредить, что все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Глава 45

Все, что знала миссис Хендерсон

Миссис Хендерсон засунула руки под передник и растянула губы в улыбке.

— Мистер Филипс, странно мне слышать, что вы так вот со мной разговариваете. Можно подумать, что я натворила что-то такое, чего делать не надобно, раз эти речи от вас исходят. А о том, что стряслось, расскажу все-все с преогромнейшей охотой. Не нуждаюсь я в осторожности, и призывать меня к ней не стоило, потому как всегда держусь настороже, сами, поди, уже поняли.

— Да... так я и понял. Больше вам сказать нечего?

— Ох уж, мистер Филипс, подловить кого вы мастак, к бабке не ходи. Конечно, есть у меня что поведать, разве не к тому веду?

— Тогда выкладывайте.

— Будете давить на меня, только с толку собьете; ляпну что-нибудь не то, скажете, я вру, однако Господь-то видит, женщины правдивей меня в Лаймхаусе не сыскать.

У инспектора с языка было готово сорваться ругательство, но ему удалось сдержаться. Миссис Хендерсон закатила глаза, будто искала вдохновение на грязном потолке.

— Дай бог памяти, случилось все меньше часа назад, или час с четвертью прошло, или час и двадцать минут...

— Наша дотошность до секунд не доходит.

— Слышу, стучат в переднюю дверь, иду открывать, там араб с громадным тюком на голове, чуть его самого не больше, а с ним два типа. Этот араб мне говорит, акцент у него еще такой чудной, как у всех арабов, мол, комнату мне на ночь, одну комнату. Иностранцев-то я не особо жалую, никогда их не любила, особенно этих арабов, от которых меня прям с души воротит; ну, я ему на это намекаю. А араб-то, кажись, меня не понимает и все твердит по-прежнему, мол, комнату на ночь, комнату. И сует мне две полукроны в ру-

ку. А я всегда себе говорила, что деньги есть деньги и деньги одного ничем не хуже денег другого. Ну, спорить я не стала — не возьму я, кто другой возьмет — и провела их в номер. Потом вернулась вниз, и где-то через полчаса наверху загалдели...

— Что это был за шум?

— Орали и визжали — аж, Господи спаси, кровь в жилах сворачивалась — таких пронзительных криков я в жизнь не слыхивала. Бывают у нас беспокойные гости, у кого ж их нету, но такое у меня впервой. Подождала я с минуту, а они все орут и орут, да так, что того и гляди кто-нибудь на них жаловаться придет, ну, я наверх и поднялась, стучу в дверь, но, кажись, колотить в нее я могла веки вечные.

— Шум не прекращался?

— Не прекращался! Еще как не прекращался! Благослови вас Господь! крик за криком, думала, крыша упадет.

— Вы больше ничего не слышали? Например, звуков борьбы или ударов?

— Ничего такого, кроме тех воплей.

— Кричал один человек?

— Один. Я уже сказала, вопль за воплем, а когда ухо к двери приложишь, кажется, что кто-то другой будто себе под нос жужжит, и оно не просто так: с такими-то криками сразу и не подумаешь, что какое-то там гудение за ними услыхать возможно. Я в дверь колочу-колочу, уж было посчитала, что она от моих ударов рухнет, и тут араб мне изнутри говорит: «Уходи! За комнату заплачено! Прочь!» Ну и дела, думаю. Я ему отвечаю: «За комнату хоть уплачено, хоть не уплачено, но за такой хай вы мне не платили!» И еще ему говорю: «Только попробуйте пошуметь, разом отсюда вылетите! Не успокойтесь, я мигом кого-нибудь кликну, мало не покажется!»

— Они успокоились?

— Вроде того, только все равно слышать было, как кто-то там гудит и еще кто-то будто отдышаться не может.

— Что произошло потом?

— Я вижу, вроде как все стихло, потому спустилась к себе. Через четверть часа, ну, или минут через двадцать, вы-

шла я на крыльцо языком почесать. И миссис Бейкер, что в доме 24 через дорогу живет, подходит ко мне и говорит: «Что-то твой араб у тебя особо не задержался». Я на нее гляжу. «Это ты о чем?» — спрашиваю, а сама недоумеваю. «Видала я, как он к тебе пришел, — отвечает, — а теперь, несколько минут назад, гляжу, он опять идет, и тюк свой огромный на голове волочит, самого аж шатает!» «Ну и ну, — говорю, — вот это новости, я и не знала, что он ушел, надо же, не увидала...» — в этом я не соврала. Итак, поднимаюсь я наверх опять; дверь, конечно, нараспашку, а комната вроде пустая, я внутрь прошла и вижу, что бедолага этот за койкой лежит.

Тут не выдержал врач:

— Было б у вас что в голове, за мной бы сразу послали, и бедняга мог бы сейчас в живых остаться.

— Мне откуда было знать, доктор Глоссоп? Я же того не поняла. Думала, его убили, и мне этого хватило. Ну, я вниз кинулась, Густуса Барли, что стенку подпирал, схватила и говорю: «Густус Барли, беги в участок что есть мочи и скажи, что тут человека убили... что у нас был араб и парня уколошил». Это все, что я знаю, и больше ничего рассказать не могу, мистер Филипс, даже если приметесь меня час за часом допрашивать.

— Вы думаете, что кричал вот этот человек? — инспектор указал на кровать.

— По правде сказать, мистер Филипс, сама не знаю, что тут думать. Если б меня кто спросил, то я б ответила, что кричала женщина. Уж женские вопли я отличу, когда услышу; чего-чего, а уж их я за жизнь наслушалась, видит Бог. Потому скажу, что так кричать могла только женщина и только если ее довели до крайности. Однако женщины при нем не имелось. Был этот, убитый, да еще один... а про того могу заметить, что одежды на нем и на два пенса не набралось бы. А еще, мистер Филипс, заявляю, что больше под свою крышу арабов не пущу — этот был последним, и неважно, сколько они заплатят, попомните мое слово.

Миссис Хендерсон вновь возвела очи к потолку, как будто только что дала религиозный обет, после чего весьма торжественно покачала головой.

Глава 46

Неожиданная остановка

Когда мы покидали дом, констебль протянул инспектору записку. Тот прочитал ее и передал мне. Она была из местного участка.

«Получено сообщение, что араба с большим тюком на голове заметили поблизости от вокзала Сент-Панкрас. Его сопровождал молодой человек, похожий на бродягу. Последний выглядел нездоровым. Предполагается, что они ждали поезд, вероятно, на север. Следует ли задержать их?»

Я сделал в конце приписку:

«Возьмите их под стражу. Если они успели уехать на поезде, подготовьте экстренный для погони».

Через минуту мы опять были в кэбе. Я попытался убедить Лессинхэма и Атертона позволить мне продолжить преследование одному – тщетно. За Атертона я не беспокоился, но боялся за Лессинхэма. И не столько из-за ежеминутного ожидания срыва, сколько из-за того, что его вид, манеры и поведение, столь красноречиво свидетельствовавшие о крайнем психическом истощении и возбуждении, начинали действовать мне на нервы. Я предвидел надвигающуюся катастрофу. Мы стали свидетелями того, как один раз в этой трагедии пал занавес. Сомнений не оставалось, дальше будет хуже — гораздо хуже. Стоило отказаться от оптимистических надежд: нет, существо, которое мы преследуем, не вернет нам жертву целой и невредимой, — после всего виденного и слышанного нами рассчитывать на это не приходилось. Я мог с уверенностью заявить, что если надо будет действовать быстро и без колебаний, Лессинхэм скорее помешает нам, чем поможет.

Но нам была дорога каждая секунда, и раз Лессинхэм упорствовал, настаивая, что продолжит погоню вместе с нами, стоило попытаться свести ущерб от его присутствия к минимуму.

Перед нами чернел высокий свод Сент-Панкраса. Временами вспыхивали огни, отчего темнота становилась еще ощутимее. Вокзал пустовал. Поначалу я подумал, что внутри ни души и нас вызвали напрасно; придется, размышляя я, вернуться в участок с пустыми руками и продолжать расследование оттуда. Но как только мы, разрывая ночь и тишину гулками шагами, свернули к кассам, открылась дверь. Из комнаты полился свет и раздался голос:

— Кто там?

— Моя фамилия Чэмпнелл. Вы получили сообщение от полиции Лаймхауса?

— Идите сюда.

Мы прошли в довольно уютный кабинет одного из железнодорожных инспекторов, крупного мужчины со светлой бородой. Он, будто в чем-то сомневаясь, окинул меня внимательным взглядом. Однако он мгновенно узнал Лессинхэма и снял перед ним фуражку.

— Кажется, вы мистер Лессинхэм?

— Это так. У вас для меня новости?

Я догадался, что инспектора поразила бледность его лица и дрожь в голосе.

— Мне приказали передать определенные сведения некоему мистеру Августу Чэмпнеллу.

— Я мистер Чэмпнелл. Что вам велели передать?

— Сведения об арабе, которого вы разыскиваете. Иностранец, одетый как араб, с большим тюком на голове взял три билета на полуночный экспресс в Халл.

— Он был один?

— Говорят, его сопровождал молодой человек очень подозрительной внешности. К кассам подходил один араб, однако ранее их заметили вместе. Араб сел в поезд первым, а через минуту-другую вслед за ним в купе вошел тот юноша. Они были в первом вагоне.

— Почему их не задержали?

— У нас не было ни полномочий, ни причин так поступить: ваше сообщение мы получили совсем недавно и не знали, что они разыскиваются.

— Вы сказали, что они купили билеты до Халла. Поезд проходит через сам город?

— Нет, он даже идет не туда. Частично он состоит из вагонов Манчестерского и Ливерпульского экспрессов, остальные вагоны отправятся в Карлайл. Поезд расцепят в Дерби. Вашему арабу придется сойти либо на станции в Шеффилде, либо в Кадворте и оттуда поехать в Халл утренним поездом. Там у них местная линия.

Я бросил взгляд на часы.

— Говорите, поезд отправился в полночь. Сейчас почти двадцать пять минут первого. Где он в данный момент?

— Приближается к Сент-Олбанс, будет на станции в двенадцать тридцать пять.

— Мы успеем послать в Сент-Олбанс телеграмму?

— Вряд ли. В любом случае, им с трудом хватит людей, чтобы встретить и проводить экспресс. Они будут заняты обычными обязанностями. Полицию вызвать не успеют.

— Вы можете послать туда телеграмму и просто узнать, находятся ли араб со спутником в поезде?

— Это сделать можно, безусловно. Если хотите, я пошлю ее прямо сейчас.

— Где следующая остановка?

— В Лутоне в двенадцать пятьдесят одну. Но там та же ситуация, что и в Сент-Олбанс. Понимаете, телеграмма дойдет, у них будет минут двадцать, но я не думаю, что в Лутоне ночью на ногах много служащих. В этих городишках на станциях, дай Бог, экспресс встречает один полицейский, а зачастую и того нет. А если полицейского нет на месте, пока его в столь поздний час вызовут и он доберется до вокзала, пройдет, вероятно, немало времени. Вот что я бы вам посоветовал...

— Что?

— В Бедфорде поезд будет в час двадцать девять — отправьте телеграмму туда. Там обычно народу много, к тому же полицию вызвать они наверняка успеют.

— Отлично. Я просил приготовить экстренный поезд. У вас все готово?

— Паровоз в ангаре, под парами, для отправки нам надо десять минут. Вот что я скажу: до прибытия экспресса в Бедфорд у вас остается пятьдесят минут. Бедфорд в пятидесяти милях отсюда. Если повезет, то прибудете туда одновременно с экспрессом... Мне приказать машинисту приготовиться?

— Немедленно.

Он принялся давать телефонные указания работникам ангара, а я тем временем поспешно написал пару телеграмм. Закончив говорить, инспектор повернулся ко мне:

— Они выезжают с запасной ветки: будут готовы меньше чем через десять минут. Я прослежу, чтобы пути были свободны. Где ваши телеграммы?

— Вот одна, в Бедфорд.

Я написал следующее:

«Арестуйте араба в поезде, прибывающем в час двадцать девять. Пассажир отбыл из Сент-Панкраса в переднем вагоне в купе третьего класса. С ним большой тюк, который следует задержать. У него два билета в Халл. Также задержите его спутника, одетого как бродяга. Это девушка в состоянии гипнотического транса, которую араб переодел и похитил. Пусть ее осмотрит врач. Доставьте ее в гостиницу. Все расходы будут возмещены, когда в экстренном поезде прибудет нижеподписавшийся. Так как араб может оказать сопротивление, приготовьте достаточные полицейские силы.

Август Чэмпнелл».

— Вот вторая. Наверное, слишком поздно отсылать ее в Сент-Олбанс, однако отправьте и туда, и в Лутон:

«Едут ли в поезде, отбывшем из Сент-Панкраса в полночь, араб с попутчиком? Если едут, не разрешайте им покидать

вагон, пока поезд не прибудет в Бедфорд, где их уже ожидает полиция».

Инспектор быстро просмотрел обе телеграммы.

— Полагаю, все получится, как вы пишете. Пройдемте со мной: я и телеграммы сразу отошлю, и проверю, готовы ли ваш поезд.

Поезд готов не был; не был он готов и спустя отведенные десять минут. Кажется, что-то случилось с приватным вагоном. Наконец нам достался обычный старомодный вагон первого класса. Однако, несмотря на задержку, время не было потеряно даром. Когда паровоз со своим единственным вагоном подходил к платформе, нам принесли какой-то конверт:

— Телеграмма из Сент-Олбанс.

Я вскрыл конверт. Все было кратко и по делу:

«Араб со спутником остались в поезде при отбытии. Телеграфирую в Лутон».

— Это хорошо. Теперь, если не случится ничего совершенно непредвиденного, мы их перехватим.

Ох уж это непредвиденное!

Я прошел вперед с инспектором и проводником нашего поезда, чтобы еще раз переговорить с машинистом. Инспектор уже объяснил ему, что делать:

— Я приказал машинисту не жалеть угля и доставить вас в Бедфорд не позднее, чем спустя пять минут после прибытия экспресса. Он считает, что вы успеете.

Машинист высунулся из кабины, привычно вытирая руки замасленной тряпкой. Это был крепкий уса́тый коротышка с поседевшими волосами; как все машинисты, держался он уверенно, с полунасмешливой серьезностью.

— Все должно получиться. Многое против нас, но ночь светлая, ветра нет. Единственное, что может нас задержать – стрелки где переведут или товарняки попадутся. Конечно, если дорогу нам перекроют, то ничего не поделаешь, но инспектор обещал пути для нас очистить.

— Да, — подтвердил инспектор, — все будет в порядке. Я уже разослал телеграммы.

Тут вмешался Атертон:

— Машинист, если доставишь нас в Бедфорд до прибытия экспресса, будешь делить пятифунтовую банкноту со своим товарищем.

Машинист улыбнулся.

— Доставим вас вовремя, сэр, даже если через стрелки ехать придется. Нечасто нам пять фунтов за доставку в Бедфорд предлагают, мы уж постараемся их заработать.

Сзади нам помахал кочегар.

— Это точно, сэр! — крикнул он. — Но придется и вам потрястись за эти пять фунтов.

Не успели мы отъехать от вокзала, как сомнения в том, что Атертон, по меткому замечанию кочегара, «потрясется», начали исчезать. Поездка в единственном вагоне, непосредственно прицепленном к паровозу, который несется на всех парах, кардинально отличается от путешествия на обычном поезде, едущем с привычной для экспресса скоростью. У меня уже был подобный опыт, но ощущений в ту ночь мне хватило с лихвой. Новичку — или даже искушенному, но нервному путешественнику — было бы простительно думать, что поезд того и гляди сойдет с рельс. С трудом верилось, что у вагона имелись рессоры: его шатало и мотало, подкидывало и подбрасывало. Дорога оказалась отнюдь не гладкой. При всем желании разговаривать было невозможно — а вот за это лично я был благодарен. Помимо того, что мы с огромным трудом удерживались на местах: каждую секунду нас с них сталкивало и раскачивало туда-сюда, вверх и вниз, вперед и назад, отчего приходилось держаться настороже, — шум стоял оглушительный. Казалось, что за нами гонится легион вопящих, ревуших, буйствующих демонов.

— Господи! — прокричал Атертон. — Они и правда решили заработать ту пятерку. Надеюсь, я выживу и смогу им заплатить!

Он был всего-навсего на другом конце купе, но хотя я видел по его искаженному лицу, что он кричит во весь го-

лос — а голосом-то он не обделен, — я расслышал всего лишь несколько слов. Мне пришлось самому додумывать смысл.

Надо было видеть, что творилось с Лессинхэмом. Мало кто из огромного количества людей, знакомых с ним лишь по портретам, то и дело появляющимся в прессе, узнал бы перспективного политика. Однако я прекрасно понимал, что ничто так не соответствовало его нынешнему состоянию, как эта бешеная гонка. Казалось, он вот-вот развалится на куски, но эта суровая тряска отвлекала его раздумий об ужасе, способном поглотить саму его душу. Элемент риска в нашем путешествии оказывал тонизирующее влияние. Привкус опасности бодрил. Вряд ли наши жизни действительно находились под угрозой, но тогда нам так совсем не казалось. Лишь одно было совершенно определено: если бы Бог судил нам разбиться, на такой скорости это была бы катастрофа из катастроф. Не исключая, что мысль об этом заставляла кровь Лессинхэма бурлить в жилах. В любом случае — пусть это и прозвучит только фигурой речи — пока я сидел и наблюдал за ним, ко мне приходило понимание, что покинувшая его сила духа возвращается и с каждым рывком и толчком он обретает все больше и больше мужественности.

Вперед и вперед неслись мы, рыча, стуча, ревя и воя. Атертон, не оставлявший попыток поглядеть в окно, вновь напряг легкие, стараясь быть услышанным:

— Черт побери, где мы?

Я посмотрел на часы и прокричал в ответ:

— Сейчас почти час ночи, значит, мы подъезжаем к Лутону... Эй! Что там еще такое?

Кажется, что-то произошло. Паровоз пронзительно зашвистел. Через секунду мы убедились — убедились сполна! — в эффективности воздушного тормоза Вестингауза¹. Это был наимоощнейший из всех мощнейших толчков! Вагон так завибрировал, что чуть не вытряс души из наших тел. То, что мы почувствовали, помогло в полной мере ощутить

¹ Джордж Вестингауз (1846-1914) — американский изобретатель и предприниматель.

всю силу сжатого воздуха в механизме, и нам уже не казалось удивительным, почему поезд может останавливаться почти мгновенно.

Мы втроем одновременно вскочили на ноги. Я опустил свое окно, Атертон — свое, прокричав:

— По-моему, телеграмма инспектора не оказала должного действия — мы все-таки встали... более того, застряли в Лутоне. Не может это быть Бедфордом.

Конечно, это был не Бедфорд, хотя поначалу я никак не мог ничего разглядеть. Голова не переставала идти кругом, перед глазами все плясало, за окном царила крошечная тьма. Потом я услышал, как проводник открыл дверь своего купе и нерешительно застыл на пороге. Затем, с фонарем в руке, он вышел из вагона.

— Что стряслось? — спросил я его.

— Не знаю, сэр. Кажется, что-то на путях. Что это?

Вопрос был задан людям в паровозе. На него ответил кочегар:

— Кто-то спереди, как сумасшедший, машет красным фонарем. Повезло ему, что я это заметил, иначе бы прямо на него наехали. Кажется, что-то произошло. Вон он подходит.

Глаза мои привыкли к темноте, и я увидел, как кто-то, сильно торопясь, приближается к нам по шпалам, не переставая размахивать красной лампой. Проводник двинулся ему навстречу, громко спрашивая:

— Что случилось? Кто там?

Ему ответили:

— Господи! Да это же Джордж Хьюитт. Думал, вы прямо в нас врежетесь!

— Ого! — откликнулся наш проводник. — Джим Брэнсон! Какого черта ты тут делаешь, что стряслось? Я думал, вы давно проехали. Мы-то за вами гонимся.

— Даже так? Значит, догнали. И слава Богу!.. У нас авария.

Я уже открыл дверь вагона, и мы втроем выбрались наружу.

Глава 47

Что было в вагоне третьего класса

Я подошел к незнакомцу в железнодорожной форме, державшему фонарь.

— Вы проводник полуночного поезда из Сент-Панкраса?

— Да.

— Где ваш поезд? Что произошло?

— Ответ на первый вопрос: вон там, прямо перед вами, его обломки. А произошло, ну, крушение.

— Что значит «крушение»?

— От товарняка, шедшего впереди нас, оторвались перегруженные вагоны и въехали по наклонной прямо в наш экспресс.

— Как давно это случилось?

— И десяти минут не прошло. Я как раз направлялся по путям к сигнальной будке, а до нее добрых две мили, когда заметил вас. Господи! Я думал, будет второе столкновение!

— Каков ущерб?

— Как по мне, нас всех будто передавило. Насколько я понял, впереди все вагоны искорежены. У меня самого такое чувство, точно весь я изнутри переломан. Я служу на дороге уже тридцать лет, но это моя первая авария.

Было слишком темно, и я не видел лица говорящего, однако по его голосу было похоже, что он либо плачет, либо вот-вот разрыдается.

Наш проводник повернулся и крикнул машинисту:

— Ты б к сигнальной будке отъехал, им сообщил!

— Хорошо! — раздалось ему в ответ.

Поезд дал задний ход, непрерывно свистя по мере движения. Должно быть, его было слышно всей округе, и люди наверняка поняли, что на дороге произошло серьезное несчастье.

Пострадавший экспресс тонул во тьме: от резкого столкновения у него погасли фонари. Кое-где мерцали свечи и зажигались спички, но больше света не было. Люди собирали обломки в кучи возле путей, намереваясь разжечь костры — скорее для освещения, чем для тепла.

Многим удалось выбраться из вагонов, и теперь они бродили здесь и там вдоль насыпи. Но большинство пассажиров экспресса оставались заперты внутри поезда. Двери вагонов заклинило. Их нельзя было открыть без специальных инструментов. На каждом шагу мы слышали жалобные крики. Мужчины, женщины, дети молили о помощи.

— Сэр, откройте дверь! Ради Бога, откройте дверь!

Вновь и вновь, на разные голоса, жалобно или яростно повторялись эти слова.

Проводники безуспешно пытались успокоить своих зачастую обезумевших пассажиров.

— Все в порядке, сэр! Подождите минуточку, мадам! Нам не открыть дверь без инструментов, экстренный поезд уже отправился за ними. Потерпите, и скоро вам окажут любую помощь. Здесь вы в безопасности, только не волнуйтесь.

Но именно это и было труднее всего — не волноваться!

Впереди, у паровоза, царил хаос. Товарные вагоны, послужившие причиной катастрофы — впоследствии их насчитали шесть, вместе с вагонами караульной службы, — везли мешки с цементом. Мешки порвались, и теперь все вокруг покрылось едкой пылью. Она витала в воздухе и разъедала глаза, ослепляя нас. Паровоз экспресса оказался перевернут. Он исторгал дым, пар и огонь — того и гляди, могли вспыхнуть деревянные части ближайших вагонов.

Передние вагоны, как выразился проводник, «искорежило». Они обратились в груды обломков, беспорядочной массой втиснутых друг в друга. Внутри вагонов, точнее, внутри того, что от них осталось, удалось попасть лишь днем. В первом купе третьего класса творилось нечто невообразимое.

Везде были разбросаны куски опаленных ковров и лоскуты, предположительно, шелковых и льняных тканей. Я подобрал их. Эксперты заверили меня, что это не шелк и

не лен, а какой-то натуральный, неизвестный им материал происхождения скорее животного, чем растительного. На подушках сидений и деревянных покрытиях, особенно на досках пола, темнели огромные пятна, похожие на потеки. Когда мы их заметили, они еще не успели высохнуть и источали очень неприятный запах. Одна деревянная панель — с такими пятнами — до сих пор у меня. Она была также отправлена на анализ, и мнения экспертов разделились. Некоторые специалисты утверждали, что это пятна человеческой крови, подвергнувшейся воздействию высокой температуры и, так сказать, перекаленной. Другие заявили, что это кровь дикого животного, возможно, из семейства кошачьих. Третьи заверяли, что это вовсе не кровь, а просто краска, тогда как четвертые высказались следующим образом — цитирую лежащее передо мной заключение: «Пятна являются нагаром некоего вязкого вещества, представляющего собой, судя по всему, выделения какой-то разновидности ящериц».

В углу нашли женщину, одетую в потрепанный мужской костюм. Это была Марджори Линдон.

В вагоне провели самый тщательный обыск, но больше ничего не обнаружили.

Глава 48

Заключение

Со времени моего участия в событиях, бегло описанных выше, прошло несколько лет — иначе я не чувствовал бы себя вправе придать их огласке. Но по причинам вполне объяснимым я отказываюсь говорить, сколько именно лет миновало.

Марджори Линдон до сих пор с нами. Когда ее извлекли из-под обломков экспресса, в ней теплилась искра жизни — теперь вновь превратившаяся в пламя. Ее выздоровление, однако, стало не просто делом недель и месяцев, оно длилось годы. Насколько мне известно, даже после полного восстановления физических сил, что само по себе оказалось задачей сложной, ее психическое состояние еще три года оставалось предметом заботы врачей. Они сделали все, что могут позволить медицина и деньги, и с течением времени — великого целителя — добились весьма неплохих результатов.

Ее отец скончался, оставив ей семейное состояние. Она вышла замуж за человека, появляющегося на этих страницах под именем Пола Лессинхэма. Будь имя настоящим, ее сразу бы узнали: это пользующаяся популярностью и всеобщим уважением жена одного из величайших политиков нашего века.

Ей ничего не рассказали о роковом дне, когда она, находясь в сознании или беспамятстве, прошла по Лондону в истрепанном одеянии бродяги. Сама она тоже никогда не упоминала о тех событиях. Рассудок вернулся к ней, но они, кажется, испарились из памяти, будто их и не было вовсе, за что ей следовало бы благодарить Бога, хотя она может не знать этого. Как следствие, все случившееся тогда и особенно то, что происходило в железнодорожном вагоне в ужасный час ее пребывания между жизнью и смертью, навсегда останется тайной, которую уже никому не раск-

рыть. До сей поры мы ломаем головы над многими вопросами: что стало с существом, чуть ее не убившим, кем и какого пола оно было, откуда явилось, куда исчезло и с какой целью ранее прибыло в Англию.

Мучитель Пола Лессинхэма больше не докучал ему, да и видения перестали его преследовать. Тем не менее, он до сих пор продолжает питать огромное отвращение к жукам, такое, что вообще не говорит о них. Если вдруг речь заходит об этих насекомых, а немедленно сменить тему разговора не представляется возможным, он предпочитает просто встать и выйти из комнаты. Более того, они с женой целиком и полностью сходятся в этом отношении.

Вряд ли многим известно о подобной странности, но это так. У меня также есть основания предполагать, что иногда воспоминания о жутких кошмарах прошлого все же возвращаются к нему, принося почти физические страдания, и он молит Господа о том, чтобы тот ужас остался далеко позади и никогда не повторился.

Прежде чем завершить рассказ, надо упомянуть еще кое о чем. История держалась в секрете, но я могу поручиться, что в ней нет ни слова лжи.

Однажды ночью, во время недавнего наступления в Донголе¹, отряд туземных экспедиционных войск, разбивший лагерь в глубине пустыни, был поднят на ноги звуком громкого взрыва. На следующее утро, в нескольких милях от лагеря, они обнаружили огромную дыру в земле — такую, будто на этом месте велись обширные взрывные работы. В самом провале и вокруг него нашли фрагменты тел, и надежные свидетели утверждают, что это были останки не женщин и не мужчин, а неких существ огромного размера. Я предпочитаю думать, раз место происшествия не осматривалось учеными, что свидетели, люди честные, но невежественные, ошиблись.

¹ Донгола — город в Нубийской пустыне, один из центров антиколонизального восстания в Судане в конце девятнадцатого века. В 1896 г. в Донгольской области британцы нанесли решающее поражение восставшим.

Можно с уверенностью утверждать лишь одно. Многочисленные каменные и металлические обломки, найденные на месте, позволяют предположить, что взрыв разрушил какое-то необычное подземное сооружение. Особенно любопытны куски литого металла, по-видимому, некогда являвшиеся частями гигантской бронзовой статуи. Вокруг также подобрали больше дюжины бронзовых фигурок священного скарабея.

Я не стал бы с полной убежденностью доказывать, что адское логовище из рассказа Пола Лессинхэма в ту ночь наконец прекратило свое существование и что эти разбросанные тут и там по голой пустыне обломки и тела являлись свидетельством его окончательной гибели. Но складывая разрозненные элементы в единую картину, нельзя не заметить, что факты указывают на это, — и как же хочется верить в подобный исход.

Между прочим, Сидней Атертон женился на мисс Доре Грейлинг. Ее состояние сделало его одним из богатейших людей в Англии. Дора, как говорится, души не чает в своем муже, и я готов подтвердить, что со временем чувство стало взаимным. Эта любовь является ярчайшим опровержением расхожего убеждения, что каждый брак обязательно постигает бесславный конец. Сидней по-прежнему занимается изобретательством. У всех на языке его последние открытия в области воздухоплавания, немало приблизившие практическое использование летательных аппаратов.

Шафером на свадьбе Атертона был Перси Вудвилль, теперь уже граф Барнский. Через полгода он женился на одной из подружек невесты с той свадьбы.

До сих пор точно неизвестно, почему погиб Роберт Холт. Судебная экспертиза ограничилась следующим заключением: «Умер от истощения». Его похоронили на кладбище Кенсал-Грин под красивым могильным камнем, стоимость которого, зазвени она монетой в его карманах, вероятно, продлила бы его жизнь.

Стоит упомянуть, что сведения, положенные в основу «Удивительного рассказа Роберта Холта», почерпнуты из того, что от него слышали Атертон и мисс Линдон, как она

была известна в те дни, когда он, грязный и больной страдалец, лежал в доме ее отца.

Рассказ мисс Линдон, открывающий некоторые тайны, собственноручно записан ею самой. После того, как к ней вернулось физическое, но не психическое благополучие, она по-прежнему продолжала витать между тьмой и светом, и ее единственной отдушиной стал дневник. Хотя она никогда не говорила о том, что пишет, темой, как выяснилось, служило одно и то же. Она доверила перу и бумаге то, что у нее не получалось произнести вслух. Она рассказывала, пересказывала и повторяла вновь историю своей любви и страданий; все это вошло в нашу книгу. Ее повесть неизменно начиналась и заканчивалась одинаково. Все эти записи были уничтожены, кроме одной-единственной. Именно она представлена здесь читателю.

Я не думаю, что повествование о тайне Жука следует завершать определенным заключением. Мы с Атертоном неоднократно обсуждали произошедшее, но так и не пришли к единому мнению. Сам же я лишний раз убедился на опыте, что многое на свете даже не снилось нашим мудрецам. Я готов поверить в то, что так называемый Жук, которого видели многие, но не видел я, был — или есть, ведь подтверждений его полного уничтожения так и не нашли, — существом, порожденным не Богом и не человеком.

А. Шерман

«ЖУК»:

Энциклопедия викторианских страхов

Велик был год 1897-й, от начала же царствования королевы Виктории шестидесятый. Королева праздновала первый в истории Великобритании алмазный юбилей. В Судане, несмотря на победы Китченера, продолжалась махдистская война. В Афганистане, где с переменным успехом шла «Большая игра», два десятка сикхов прославили себя в самоубийственном сражении с десятью тысячами афганцев при Сарагархе. В Лондоне появились – и быстро исчезли – первые электрические такси. Оскар Уайльд вышел из тюрьмы и навсегда покинул Англию.

Велик был год и страшен год 1897-й, ибо читатели Ее Величества в тот год боялись.

Герберт Уэллс, удивительный автор *Машины времени* и *Острова доктора Моро*, со страниц *Pearson's Magazine* страшил их нашествием спрутообразных марсианских вампиров, едва не уничтоживших половину Англии своими тепловыми лучами. Под скромной желтой обложкой улыбался читателю, пряча до поры до времени клыки, еще один вампир, граф Дракула – творение директора лондонского театра «Лицеум» и по совместительству романиста Брэма Стокера. Одиннадцать лет спустя Александр Блок писал одному из друзей: «...прочел я *Вампира – графа Дракула*. Читал две ночи и боялся отчаянно». Как же пугались тогда, в году 1897-м! И, словно морлоков и изрезанных скальпелем жертв безжалостного Моро, марсианских треножников и трансильванских замков было мало, под не менее скромной, только темно-красной обложкой притаился чудовищный Жук, созданный воображением Ричарда Марша...

«Варварская» угроза и имперская стабильность, прогресс и традиция – каждый из этих трех романов, впервые опубликованных в 1897 году, по-своему рассматривал вопросы тогдашней общественной повестки дня. Хотелось бы написать, что каждый из трех романов также по-своему определил развитие фантастического жанра, но не будем грешить против истины. Если *Война миров* Уэллса стала зачастую недостижимым образцом для всех «романов Вторжения», повествующих о встрече землян с враждебными космическими пришельцами, если *Дракула* Стокера заложил основы современного вампирского романа и кинематографа – *Жука* ждала странная, как сам роман, судьба.

Не самой обычной была и судьба автора романа. Начнем с того, что до сравнительно недавнего времени о нем мало что знали даже самые осведомленные исследователи викторианской литературы: Марш тщательно скрывал свое прошлое. Лишь с публика-

цией воспоминаний внука писателя Роберта Эйкмана¹ – автора изысканных рассказов ужасов и историй о привидениях – стало известно, что под вымышленным именем «Ричард Марш» скрывался Ричард Бернард Хелдман. Он родился в Лондоне в 1857 году в семье состоятельного торговца галантереей Джозефа Хелдмана. Вскоре после рождения сына Хелдман-старший, обвиненный в мошенничестве, стал героем шумного судебного процесса, сменил амплуа и превратился в директора школы в Хаммерсмите. С 1880 года молодой Ричард начал публиковать приключенческие произведения «для мальчиков» в религиозных изданиях и еженедельниках *Graphic* и *Union Jack*, подписываясь «Бернард Хелдман». В *Union Jack* карьера Хелдмана быстро пошла в гору: он стал постоянным автором, а в 1882 году – соредактором издания. Но с 1883 г. публиковаться он почему-то стал все реже. Затем в журнале было напечатано краткое извещение: «Мистер Хелдман отныне никак не связан с *Union Jack*». После – тишина: писатель Бернард Хелдман перестал существовать.

Надо сказать, что Эйкман, не без присущего ему изящества, навел литературных сыщиков на ложный след, упомянув о «поспешном» браке деда и семейных преданиях, касавшихся «скандалов с женщинами». Недавно выяснилось, что дело было вовсе не в этом. В 1883 г. Хелдман колесил по Англии, выдавая себя то за «капитана Джорджа Робертса», то за «капитана Мартина», то за «доктора Грина» или «доктора Вильсона» – и жил на широкую ногу, щедро рассыпая чеки без покрытия. Газеты описывали его как «утонченного мошенника» – прекрасно одетого и привлекательного молодого человека с манерами прирожденного джентльмена. В феврале 1884 г. Хелдман был наконец арестован и в апреле 1884 г. приговорен к полутора годам заключения.

В 1888 г. на свет появился новый писатель – Ричард Марш. Под этой комбинацией из собственного имени и фамилии матери Марш дожил до августа 1915 г., когда скончался в Сассексе от сердечной недостаточности. При жизни он пользовался немалой популярностью, успел издать 76 книг и опубликовать множество рассказов, работал в самых разных жанрах – здесь и детективы, и триллеры, и любовные, и уголовные романы, а также юмористические произведения.

Став успешным писателем, Марш не изменил привычкам юности. По воспоминаниям Эйкмана, не менее трех раз в год он

¹ Aickman R. The Attempted Rescue. London, 1966.

совершал заграничные вояжи, останавливался в роскошных отелях, мог по целым дням следить за крикетными матчами, «подкрепляясь исключительно вином и лососем», несколько раз в неделю обедал в ресторанах, посещал театральные и оперные премьеры и был завсегдатаем балов в Ковент-Гардене.

Одним из наиболее удачных романов Марша считается *Goddess: A Demon* («Богиня, или Демон», 1900) – запутанная детективно-оккультная история об оживающем фетише, пронизанная, как и *Жук*, месмерическими мотивами. Напоминает *Жука* и роман *Joss: A Reversion* (1901), где туземцы посредством отвратительных операций превращают беднягу-англичанина в живого идола. Как можно видеть, Марш был не чужд фантастике; в повести *A Second Coming* («Второе пришествие», 1900) он предвосхитил целый ряд авторов, изобразив появление Христа в Лондоне конца XIX века; в повести *A Spoiler of Men* («Разрушитель людей», 1908) джентльмен-мошенник расправляется с жертвами путем гипноза и инъекций изобретенного им химического вещества. Знатокам детективного жанра хорошо знакома такая героиня Марша, как женщина-сыщик мисс Джудит Ли, молодая учительница, раскрывающая преступления с помощью умения читать по губам. Любопытен и цикл рассказов *Curios* («Диковинки», 1898), в котором два друга и соперника-антиквара сталкиваются с различными странными и мистическими артефактами¹. Однако наиболее известным произведением Марша был и остается *Жук* – мрачный апофеоз поздней готики и оккультного месмеризма, разворачивающийся на фоне тревожного ночного Лондона.

Жук, точнее говоря, еще не *Жук*, а роман под неуклюжим заглавием *Бедствия Пола Лессинхэма: История преследуемого* был впервые напечатан с продолжениями в дешевом и популярном еженедельнике *Answer* (тираж его к 1890-м годам достиг полумиллиона экземпляров). В конце сентября или начале октября 1897 г. вышло и первое книжное издание; роман получил знакомое нам заглавие *Жук: Таинственная история*. До конца года последовали три переиздания. Критики были в восторге и сравнивали *Жука* с *Дракулой*, причем не в пользу последнего. «*Дракула* м-ра Брэма Стокера был пугающ, но м-р Марш – ах! – стра-

¹ В настоящее время готовится к изданию в нашем издательстве. С кратким описанием многочисленных произведений Марша можно ознакомиться в аннотированной библиографии: Vuohelainen M. Richard Marsh // *Victorian Fiction Research Guide* 35 (2009).

шит во много, много раз больше» – писал журнал *Academy*. «Трудно, почти невозможно, начав читать, отложить эту книгу в сторону» – утверждал критик *Glasgow Gerald*. – «С полетом воображения м-ра Брэма Стокера состязаться нелегко, но м-р Марш, так сказать, превзошел в крайностях самого Ирода»². И действительно, к 1913 г. *Жук* выдержал пятнадцать переизданий, не считая переводов на европейские языки, *Дракула* – всего десять³. К слову, немецкий перевод *Жука* вышел еще в 1900 г., и влияние Марша, его описаний заброшенного дома с прячущимся внутри жутким насекомым, вполне отчетливо ощущается в *Превращении* (1915) Франца Кафки.

Успеху романа способствовала избранная Маршем повествовательная техника, заимствованная им у Мэри Брэддон, Уилки Коллинса и других авторов «сенсационных романов» середины века. Это и сплав жанров – *Жука* можно было читать и как мистический триллер, и как любовный роман, и как детектив, многое взявший у Артура Конан-Дойля – и фабула, изобилующая резкими и неожиданными поворотами и поданная с точки зрения нескольких рассказчиков. Каждый из рассказчиков, разумеется, призван был импонировать той или иной читательской прослойке.

В 1927 г. *Жук* отметил свое тридцатилетие двадцать четвертым изданием. Но к середине XX века и роман Марша, и *Дракула* оказались в достаточной степени забыты, хотя переиздаваться продолжали и позднее. *Дракулу* спасла непреходящая мода на вампиров и, конечно, «хаммеровская» киносага. *Жуку* выпало ждать дольше: еще в 1986 г. Ричард Долби, большой поклонник Марша, писал о *Жуке* как о «недооцененном» романе¹. Новый пик популярности *Жука* пришелся уже на девяностые и двухтысячные годы.

Сегодня количество новых изданий *Жука*, учитывая электронные, исчисляется десятками; не меньше и посвященных роману академических работ. В контексте *Жука* исследователи рассуждают о «трансготике» и «имперской готике», столкновении

² См. Vuohelainen M. Richard Marsh's *The Beetle*: A late-Victorian popular novel // *Working With English: Medieval and Modern Language, Literature and Drama 2.1: Literary Fads and Fashions* (2006), с. 94.

³ Dalby R. Richard Marsh: Novelist Extraordinaire // *Book and Magazine Collector* 163 (October 1997), с. 82.

¹ Dalby R. Unappreciated Authors: Richard Marsh and *The Beetle* // *Antiquarian Book Monthly Review* 144 (April 1986).

европейцев с другими народами и в целом ориентальным «Другим», монструозной женской и «шаткой» мужской телесности. Для одних роман выражает бешеный темп огромного викторианского мегаполиса, для других – страх перед девиантной сексуальностью, третьи видят основную идею *Жука* в пришествии новых технологий (и впрямь, как отмечали многие критики, в финале романа современный технологический «Бог из машины» в лице железнодорожного экспресса изгоняет древнее зло). Но все эти разнообразные мнения и интерпретации говорят, пожалуй, об одном: Маршу, как мало кому другому, удалось объединить в одной книге множество волновавших и пугавших современников предметов и тем – и создать целую энциклопедию викторианских страхов.

Марш касается преступности и классовой розни, колониальных завоеваний и, как выражались некоторые, «дикарских колоний» лондонской бедноты, страха будущих войн и боязни расовой «дегенерации» и возможного вторжения – будь то вторжение с континента или с Востока, где ужасные идолопоклонники только и мечтают принести в жертву юную, белую и предпочтительно английскую девственницу.

Находят свое отражение в романе и социальные дебаты эпохи, в особенности связанные с женской эмансипацией и появлением фигуры так называемой «Новой женщины». Ее олицетворяет смелая и раскрепощенная Марджори Линдон, которая восстает против власти отца, посещает собрания политических реформаторов и стремится к независимости. В конце концов, замечает по этому поводу Дэвид Стюарт Дэвис, «Марджори превращается в мужчину... Существо заставляет ее надеть мужскую одежду и обрезает ей волосы; возможно, это говорит о том, что стремление к равенству в конечном итоге стирает гендерные различия. Женственность становится жертвой, принесенной на алтарь равенства. Но повествование движется бешеным темпом, а Марш лишь поверхностно затрагивает подобные темы и идеи, и потому роман лишь роман задает вопросы и указывает на проблемы, не пытаясь их решить»¹.

Впрочем, известное решение в романе все же имеется. Зловещие и загадочные аспекты книги, саму природу страха воплощает *Жук* – не человек и не насекомое, не мужчина и не женщина, «существо, порожденное не Богом и не человеком». Как сви-

¹ Davies S. D., Introduction // Marsh R. *The Beetle: A Mystery*. Ware, 2007. С. IX.

детельствует перемена заглавия, не «преследуемый» Лессинхэм, а именно Жук, наводящий ужас на лондонцев, стирающий все и всяческие социальные и сексуальные границы, является главным героем романа. Природа страха и коренится в стирании границ, нарушение их карается. Несчастный диккенсовский клерк Роберт Холт, выпавший из своей социальной среды, наказан смертью. Марджори и Лессинхэм, чьи «радикальные» социально-политические взгляды нарушают предустановленные рамки, наказаны приступами безумия, предполагаемыми сексуальными истязаниями, утратой собственного пола – Лессинхэм то и дело теряет всякую мужественность, Марджори фактически превращена в мужчину. Трансгрессия выявлена, кара назначена – и в конце романа должный порядок восстанавливается. Марджори становится не более чем любящей женой знаменитого политика, взгляды Лессинхэма, судя по всему, теперь приемлемы для всех, сыщик-аристократ Чэмпнелл с удовольствием вспоминает о завершённом деле, холостяк и бонвиван Атертон обретает супружеское счастье и колоссальное состояние (блюстителей порядка, какими являются Атертон и Чэмпнелл, ждет весомая награда).

Что же до оступившихся, то Марш находит эффектное и действенное орудие возмездия: древнее и, в сущности, описанное только в виде серии масок «дитя Исиды», туманное, двойственное и двоящееся создание – зло, готовое обрушиться на зарвавшегося нарушителя границ. Открытый и двусмысленный финал романа вновь подчеркивает, что возмездие по-прежнему неотвратимо. Возможно и даже вероятно, что Марш искренне пытался всего-навсего позабавить и немного напугать читателя, чуть растравив по пути болевые точки эпохи – но в этом смысле он, вольно или невольно, выступает в *Жуке* истинным викторианцем.

Оглавление

Книга третья. УЖАС НОЧЬЮ И ДНЕМ

Глава 23. Как он ей признался	8
Глава 24. Женский взгляд	14
Глава 25. Человек на улице	18
Глава 26. Отцовское «нет»	23
Глава 27. Ужас в ночи	27
Глава 28. Странная история человека с улицы	34
Глава 29. Дом по пути из ночлежки	45
Глава 30. Необычное поведение мистера Холта	57
Глава 31. Ужас днем	60

Книга четвертая. ПОГОНЯ

Глава 32. Новый клиент	66
Глава 33. У чему привело подглядывание в окно	69
Глава 34. Двадцать лет спустя	79
Глава 35. Гонец с дурной вестью	87
Глава 36. В чем состояла весть	90
Глава 37. Что было спрятано под полом	95

Глава 38. Находка	102
Глава 39. Мисс Луиза Коулман	107
Глава 40. Что мисс Коулман увидела в окно	117
Глава 41. Констебль, его рассказ и кэб	123
Глава 42. Дело осложняется	131
Глава 43. Убийство у миссис Хендерсон	137
Глава 44. Тот, кого убили	148
Глава 45. Все, что знала миссис Хендерсон	155
Глава 46. Неожиданная остановка	158
Глава 47. Что было в вагоне третьего класса	166
Глава 48. Заключение	169
<i>А. Шерман. «Жук»: Энциклопедия викторианских страхов</i>	173

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.